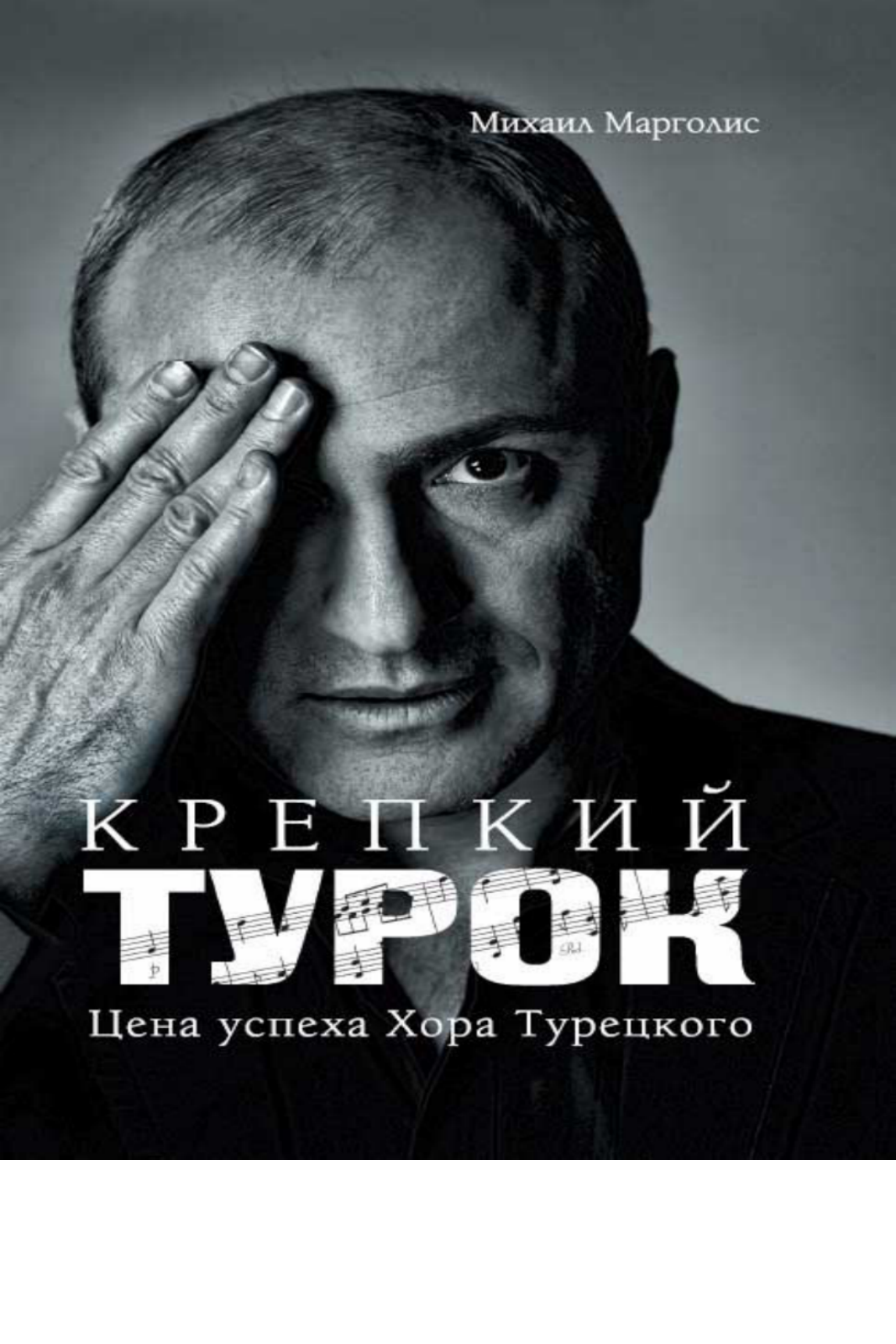

A black and white portrait of a man, Mikhail Margolis, with his hand covering his left eye. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a plain, light-colored wall.

Михаил Марголис

КРЕПКИЙ ТУРОК

Цена успеха Хора Турецкого

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эта книга — биография Михаила Турецкого, выдающегося артиста, музыканта, дирижера, продюсера, создателя знаменитых коллективов: «Хор Турецкого» и «Сопрано 10».

Перед вами — откровенная повесть о ярком маэстро, его сенсационном, победном вторжении в российский шоу-бизнес, покорении лучших мировых сцен и специфических законах выживания на большой эстраде.

- [Михаил Марголис](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [01 глава](#)
 - [02 глава](#)
 - [03 глава](#)
 - [04 глава](#)
 - [05 глава](#)
 - [06 глава](#)
 - [07 глава](#)
 - [08 глава](#)
 - [09 глава](#)
 - [10 глава](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [11 глава](#)
 - [12 глава](#)
 - [13 глава](#)
 - [14 глава](#)
 - [15 глава](#)
 - [16 глава](#)
 - [17 глава](#)
 - [18 глава](#)
 - [19 глава](#)
 - [20 глава](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [Иллюстрации](#)

Михаил Марголис

Крепкий турок

Цена успеха Хора Турецкого

*«К дирижерам критики
предрасположены относиться с
симпатией. Над тенорами можно
потешаться без всякой опаски, в
помпезных пианистов можно метать
сатирические стрелы, но маэстро как
вид священны, добродетели их
превозносятся, грехи утаиваются.
Одних авторов явно зачаровывает их
шарм, других — богатство и
власть».*

*(Из книги-бестселлера
Нормана Аебрехта
«Маэстро Миф»).*

Пролог

Место Михаила Турецкого в истории музыки определится позже. Но дееспособность, настойчивость, магнетизм выпускника

Гнесинки, поборовшего отечественный шоу-бизнес с классическим мужским хором имени себя, вполне оценены и сейчас — семьей, коллегами, прессой, публикой. Повесть о нем нелегко сделать контрастной, противоречивой, переплетенной из pro и contra (ради живости сюжета).

При всех своих карьерных зигзагах, иногда почти парадоксальных, Турецкий выглядит человеком последовательным, целеустремленным, рациональным, научившимся предвосхищать любые упреки в собственном конформизме, хамелеонстве, меркантильности и четко (хоть и не без пафоса порой) объяснять, откуда что берется и взялось.

Все, значимые, не мимолетные свидетели его победоносной судьбы, «под протокол», не приватно, говорят о хормейстере аккуратно, с уважением, доверием и признательностью. Да, и приватно рассуждают почти так же.

«Складно звонят», — заметил бы искушенный Горбатый из советского кинохита «Место встречи изменить нельзя». Однако робости перед Михал Борисычем, стремления ему угодить тут, похоже, нет. Все звучит естественно и объяснимо. А чему удивляться? Со своей женой Лианой, самодостаточной, эффектной американской гражданкой советских кровей, Михаил живет в равновесии и гармонии второй десяток лет и растит четырех счастливых дочерей. Костяк устойчиво популярной арт-группы «Хор Турецкого» образуют солисты, верные своему лидеру уже третье десятилетие. Профессиональная подготовка этого музыканта — вне подозрений. Разве мало для достойной репутации?

Если 50-летний рубеж в жизни человека считать поводом для промежуточных итогов, Турецкий вправе получить «зачет».

Просторный особняк с камином, услугой и несколькими дорогими иномарками во дворе в престижном районе ближайшего Подмосковья построен, россыпь профессиональных регалий: от «Золотой короны канторов мира» до «Народного артиста России» собрана, «музыкальный холдинг» Турецкого, где помимо не снижающего оборотов «Хора» теперь растет в цене его женский эквивалент — проект «Сопрано 10», выглядит налаженным механизмом. Наберите в любой поисковой системе Интернета «Михаил Турецкий», и вам выпадут миллионы ссылок. Он медийная персона — однозначно.

В «застойную» часть 1980-х, студент Института им. Гнесиных Миша Турецкий, подрабатывавший частным извозом на подержанном «жигуленке» и ночным грузчиком в столичном универсаме, даже в самых буйных грезах представлял собственное будущее скромнее. Да и позже, когда после первых американских

гастролей с вверенным ему еврейским хором Московской хоральной синагоги решил вырваться из-под опеки «кормильца» — благотворительной организации «Джойнт» и пойти «другим путем», ибо почувствовал себя «канарейкой, переросшей свою клетку», он вряд ли поручился бы за свои безоблачные перспективы.

«Ребята, вы-то куда? У меня же ничего нет!» — воскликнул тогда будущий любимец широкой публики, российских президентов и мэров американских городов, обращаясь к солистам своего синагогального коллектива, которые, все как один, тоже захотели бросить гарантированную (и заманчивую, по тем временам, для академических музыкантов) работу под сенью «Джойнта» и отправиться на «вольные хлеба», вслед за упрямым, амбициозным маэстро. Никто из них впоследствии не пожалел о содеянном...

Двадцать с лишним лет минуло с того поворотного момента. Передо мной Михаил Турецкий, в преддверии трехдневного аншлагового празднования своего 50-летия в Кремлевском дворце. Он сидит в кресле, в домашнем кабинете, в позе шерифа, закинув ноги на стол, и рассказывает: «Если мне сегодня потребуются 2–3 миллиона долларов, я могу прийти в 10–15 мест, где мне одолжат такую сумму. Я знаком с очень серьезными людьми, располагаю к себе, и главное, они знают, что я — отдам».

Вечером у «Хора Турецкого» концерт в столичном «Крокус Сити Холле», а в ночь после этого выступления — вылет на десятидневные гастроли по Сибири. Звали еще, «за сумму, превышающую, ту, что заработаем в Сибири», спеть на очередном «рублевском» корпоративе. Отказались. Могут теперь себе позволить. Да, и какому истинному, состоявшемуся музыканту захочется пожертвовать «кассовым» концертом, для зрителей, покупающих билеты именно «на него», ради дежурного, сорокаминутного сета «под закуску», на чьей-то вечеринке?

«Я так давно работаю без выходных, — продолжает Михаил, — что уже не завишу от финансовых нюансов. Если завтра стану получать вдвое больше денег, мой образ жизни не поменяется. И если доходы уменьшаться вдвое, это тоже будет малозаметно. Я достиг материального баланса».

«В пору нашего знакомства с Мишей для меня было важно создать для себя и своего ребенка семью, — объясняет Лиана Турецкая. — Создать ее так, чтобы я гордилась человеком, с которым живу — как отцом, мужем, чтобы мне не было стыдно перед моими детьми. И Миша оказался как раз таким человеком. И душевным, и деловым. Мне на сегодняшний день ни перед детьми, ни перед кем-то еще не стыдно».

Часть первая

Нечто нетривиальное с этим мальчиком из среднестатистической советской семьи должно было произойти хотя бы потому, что родился он 12 апреля 1962 года, аккурат в первую годовщину полета человека в космос и всего лишь через пару месяцев после большого Парада Планет. Редкое астрономическое явление, происходящее раз в двадцать лет, в тот год получилось почти уникальным. В одну линию выстроились не шесть, как водится, а сразу семь планет Солнечной системы. Младенца, конечно, предлагали назвать Юрой, в честь Гагарина. Но отец будущего музыканта с характерной грассировкой возразил: «Юр-р-ра, это тр-р-рудно произносимое имя. Пусть будет Мишей». Добавим сюда и то, что Миша Турецкий — поздний ребенок. Он появился, когда его папе Борису было почти 50, маме Бэле почти 40, старшему брату Александру почти 15. Хороший расклад, чтобы быть обласканным и защищенным. Даже будучи евреем в стране латентного антисемитизма и обитая в коммуналке на Лесной, близ Белорусского вокзала, с не самыми душевными соседями. Один из них, бездетный машинист-пенсионер Василий с орденом на пижаме, кричавший «Сионистка!» Бэле Турецкой, все родные которой погибли в Белоруссии в годы Холокоста, по иронии судьбы, обязан своим вхождением в историю, именно этому, раздражавшему его, иудейскому семейству, а конкретно — путавшемуся у него под ногами, шумевшему в коридоре Мише. Запомнившегося в детстве «квасного патриота» Василия Леонтьевича Алексеева Турецкий вспомнил потом во многих интервью и в автобиографии «Хормейстер». Как видите, не забыт истовый пролетарий и в этом повествовании.

Любопытно, что с Мишиным отцом, фронтовиком Борисом Борисовичем Эпштейном, «машинист в запасе» не конфликтовал. «Папа был человеком потрясающим, — говорит Турецкий. — Существует поговорка: у каждого антисемита есть один любимый еврей. Это тот самый случай. Мой отец нравился всем людям, независимо от их национальности. Он с каждым умудрялся находить общий язык. Я его спрашивал: „Папа, а тебя притесняли на фронте? Ты же еврей. А это даже там ископаемое. Ты прошел от Москвы почти до Берлина и разве не испытывал определенных проблем с русскими людьми, со славянами вообще?“ Он отвечал: „Нет. Потому что, если мы, скажем, валили лес, я никогда не

подходил к бревну с тонкого конца. И это касалось любых трудностей. Я не старался от них устраниваться или выбрать легчайший путь. Как только люди это понимали, я переставал вызывать у них отторжение или настороженность“»

Борис Эпштейн располагал к себе, и подобное умение передалось в дальнейшем его младшему сыну, взявшему фамилию матери, дабы возродить ее уничтоженный в войну род Турецких. Судьба щедро сводила Михаила с доверявшими ему людьми и, по большому счету, хранила и хранит до сих пор от предательств и «подстав». Так же, как хранила в послевоенные годы Бориса Борисовича, специалиста с высшим экономическим образованием, трудившегося сменным мастером цеха на швейной фабрике. «Денег семье, конечно, не хватало. Особенно, когда потребовалось лечить моего брата Сашу, у которого в детстве обнаружились серьезные легочные проблемы, — поясняет Турецкий. — Консультации у профессора Демидова стоили почти всю папину зарплату. И ему приходилось заниматься „предпринимательской“ деятельностью на собственной фабрике. То есть добывать „левый“ товар. Папа надевал френтовую кожанку, прятал под нее, обкручивая вокруг своего худого тела, некоторую фабричную продукцию, ехал к ларечнику у станции „Динамо“ и этот „товар“ ему сбывал. В цехе работали 38 женщин, которые, конечно, знали или догадывались об отцовских проделках. Но ни одна из них, за долгие годы, не „стукнула“ на „несуна“ в „компетентные органы“. Хотя могли бы это сделать без всякого риска, анонимно. Позвонили в нужный момент на проходную и сказали бы: „Проверьте, там сейчас один „пассажир“ в кожанке будет выходить, так у него за пазухой...“ Но никто так не сделал. Это ж не реально в нашей стране! К тому же мастер цеха еще и еврей. Но такова сила отцовского обаяния».

Сложнее Борису Борисовичу приходилось с собственной супругой. «Классическая еврейская мама, помешанная на двух своих сыновьях», уделяла внимание мужу «по остаточному принципу». Иногда, сидя в комнате или на кухне, наблюдая за ее домашними хлопотами, адресованными преимущественно Саше и Мише, глава семьи сигнализировал: «Бэла, смотри, я тоже тут есть». «Подожди, подожди...» — снисходительно отмахивалась она. И опять погружалась в материнское беспокойство. «Мама была фанатом моего старшего брата, а потом и моим фанатом, — улыбается Турецкий. — По-моему, она никогда не называла папу хотя бы Боречкой или Боренькой. Обращение „Борис, ну, Борис!“ — ее максимальная нежность. Но эти люди прожили 66 лет вместе при полном взаимопонимании. Более того, отец никогда не повышал на маму голос, а вот она могла на него „наехать“,

если он что-то там не так, на ее взгляд, сделал или как-то недодал любви и внимания детям».

«Родители в моем детстве были заняты выживанием, — продолжает Михаил. — Им некогда было меня баловать. Отец все время работал. Мама тоже. И нянечкой в детском саду, и накатчицей на той же фабрике, где и папа. Это не та ситуация, какая сегодня у моих детей, у которых есть бабушки, дедушки, прабабушки. У меня их не было. Только пожилые родители и старший брат. Но впрочем, без их внимания я не оставался. Отец регулярно брал меня с собой на каток, на лыжные прогулки. Иногда, по выходным, утром, я прибежал к нему в кровать, и он мне пел популярные советские песни...»

Миша, если получалось, папе подпевал, запоминая мелодичные темы с непонятными ребенку, но идеологически правильными, словами. Другими «университетами» Турецкого являлись телевизор и радио. Оттуда доносилась такая же музыка. Иногда в доме собиралась компания старшего брата, поступившего в МАИ. Там играли на гитарах и наверняка пели что-то более современное и неформальное. Но Турецкого-младшего туда, естественно, не брали. «В 1960-х я был просто активным, хулиганистым ребенком и находился в некоем культурном вакууме», — подчеркивает Михаил.

Представлявшие, как выражались в те годы, «трудовую интеллигенцию» родители Турецкого, в соответствии со своим пониманием прекрасного и, почитая национальные традиции (какой положительный еврейский юноша не обучался музыке!), в шестилетнем возрасте доверили Мишу преподавателю игры на фортепиано. И даже раздобыли ему на дом необходимый инструмент немецкого производства (в некотором смысле символ благополучия в советских семьях). Пианино подарил старший брат отца, после смерти своей жены, известной оперной певицы Ирэн Большаковой. Подвижный Миша, мягко говоря, не пылал желанием разучивать гаммы, и скорее порадовался бы определению его в какую-нибудь спортивную секцию. Однако мама Бэла интуитивно чувствовала, что нашла своему дитя верное занятие, по крайней мере, на детско-юношеский период. А там уж как пойдет.

Поначалу пошло столь неубедительно, что преподавательница (кристальная душа!), рискуя потерять весомый десятирублевый заработок за каждый урок, посоветовала Бэле Семеновне после нескольких занятий с Мишей все-таки попробовать отдать его в спорт. Но Бэла Семеновна, как, впрочем, и Борис Борисович, верили в еще не раскрывшуюся, но очевидную для них (в отличие от профессиональной пианистки)

музыкальную одаренность сына и настаивали на его «развитии в этом направлении».

За частными инструментальными уроками пришел черед азов вокала. Первоклассника Мишу в течение полугода папа водил на занятия в капеллу мальчиков. Тамошний педагог Мишин талант как раз-таки разглядел, но смутил своего нового ученика тем, что принял его отца за дедушку. «Во мне поселился детский страх, — признается Турецкий, — оттого, что у меня старые родители. Я могу их вскоре потерять и останусь один». Пожалуй, то было последнее серьезное проявление душевной растерянности Михаила. Взрослея, он, судя по его поступкам, становился все увереннее в себе. А тому детскому страху, слава Богу, не довелось развиваться. Родители Турецкого прожили долгую, активную жизнь. Борис Эпштейн, так и вовсе, даже в 94 года рассекал на коньках со своими, отнюдь не молодыми уже сыновьями, на модном катке в московском торговом мегакомплексе «Европейский». И каждый свидетель этого катания, включая инструкторов на льду, в духе Остапа Бендера интересовался: «Вы знаете, кто этот могучий старик?»

Его «младшенький», Миша, тоже с юных лет проявлял себя не тюфяком и «ботаном». Хотя, стереотипно рассуждая, домашний еврейский ребенок, занимающийся на фортепиано и поющий в капелле мальчиков, должен быть слегка рафинированным и даже пугливым, сторонящимся своих дворовых сверстников. Турецкий же, напротив, «чувствовал себя в детстве достаточно раскрепощенным». Мишу тянуло за порог. Учащийся «простой общеобразовательной московской школы № 142» быстро делал домашние задания и устремлялся во двор, где у него был «целый круг друзей» и прозвище Турок.

Начинающий академический музыкант во втором-третьем классе очень любил с семиклассниками и восьмиклассниками играть в «слона». Сия забава предполагает наличие у ее участников приличной физической силы и выносливости. Тем, кто позабыл или провел свои молодые годы в иных увеселениях, даю справку. Соперничают две команды. Игроки той, которой выпало быть «слоном», встают друг за другом, согнувшись и обхватив впереди стоящего за пояс. Получается такой красивый «слон», с множеством ног и гладкой поверхностью из спин игроков. Представители второй команды начинают по очереди, с разбега, сзади на «слона» запрыгивать и стараются на нем удержаться. «Слон» же, когда все на него уселись, пытается пройти с «наездниками» несколько метров до прочерченной впереди линии.

«Не будучи толстым, массивным, я тем не менее вставал в

команду с ребятами на четыре-пять лет постарше, — рассказывает Михаил. — Оппоненты, пытавшиеся нас завалить, прыгали в основном на меня, как самого маленького и, вероятно, слабого. В какой-то из игр я услышал комплимент, ставший вершинным в моем детстве. Один семиклассник посоветовал другому: „На Турка не надо садиться. Он мужик крепкий“.» Наблюдательный малый, в двух предложениях, фактически вывел тогда будущую формулу успеха маэстро Турецкого.

С атлетическими потехами, а заодно и с пребыванием в «простой» школе, Миша «завязал» после 4-го класса, хотя по «слону» до сих пор тоскует. И сейчас бы, говорит, с удовольствием сыграл — «это клёво заряжает». Но в 11 лет его самолюбие и упорство получили другой тест на прочность. Михаила, отчасти неожиданно, приняли в знаменитое Московское хоровое училище имени Свешникова на Большой Грузинской улице. «С того дня я перестал быть нормальным человеком, — констатирует Турецкий, — и превратился в машину по освоению музыкального материала, ибо всегда находился в роли догоняющего. Моя раскрепощенная, вальяжная, детская жизнь закончилась».

В элитное учебное заведение, где царствовал тогда, в расцвете лет, блестящий хоровик Виктор Попов, чье имя ныне носит Академия хорового искусства, созданная им на базе Свешниковского училища, одаренные дети приходили «повзрослому» кропотливо учиться с первого класса. Миша попал туда «с опозданием», сразу в пятый класс.

Определенный профессиональный базис у него имелся, но, как быстро выяснилось, совсем не тот, что требовался для столь серьезного училища. По воле неумолимой мамы Турецкий несколько лет изучал сольфеджио и совершенствовался в игре на флейте пикколо в платной музыкальной школе на улице Палиха. Бэла Семеновна внимательно изучила прейскурант учебного заведения: «фортепиано — 20 руб. в месяц, скрипка 19 руб., гобой, валторна — 9 руб., флейта — 3 руб., флейта пикколо — 1 руб.50 коп». Флейта пикколо подойдет — решила она. Экономично, и в то же время ребенок все равно будет полноценно обучаться музыке. Преподаватель Михаила, флейтист оркестра столичного музтеатра им. Станиславского и Немировича-Данченко, отзывчивый человек Павел Захарович Барышников, чем смог поспособствовал своему ученику, заметив, что слух у него «дальше, чем у обычного „духовика“». Барышников попросил своих школьных коллег взять Турецкого в сильную группу по сольфеджио — «к скрипачам и пианистам». Коллеги откликнулись.

В следующий раз за Михаила попросил уже непререкаемый авторитет Рудольф Баршай — известный альтист и дирижер, основатель Московского камерного оркестра, покинувший

Советский Союз в 1977-м, сделавший превосходную карьеру на Западе, выступавший с ведущими оркестрами мира и скончавшийся в Швейцарии в ноябре 2010-го.

В 1973 году Рудольф Борисович, двоюродный брат Мишиного отца, зашел к родственникам на Лесной пообедать и там убедился, что его юный двоюродный племянник не только сносно играет на флейте, но и не дурно поет. Причем второе, по мнению мэтра, Миша делал даже лучше первого. Впечатленный Баршай позвонил директору Свешниковского училища с просьбой «послушать мальчика», дать ему шанс. Именитому мастеру не отказали, а Турецкий предоставленной возможностью стать серьезным музыкантом отменно воспользовался.

Придя в училище в ранге «отстающего», да еще и «чужака», «единственного еврея в классе», крепкий Турок постепенно совладал со стартовыми сложностями и полноценно вписался в ряды одаренных воспитанников особенной школы.

«Те, кто обучался там с первого класса, к моменту моего поступления, уже исполняли „Времена года“ Чайковского, второй фортепианный концерт Рахманинова, Баха, писали музыкальные двухголосные диктанты, — вспоминает Турецкий. — Для меня это вообще был шок! Пришлось года полтора, чуть ли не круглосуточно, как подорванному, заниматься фортепиано, музыкальной грамотой и т. д. Меня поначалу в слабую группу взяли. По меркам училища, разумеется. На самом деле и она была очень сильной. А та, что изначально считалась там сильной, казалась собранной совсем из „небожителей“. Мне, конечно, хотелось перебраться в нее. Амбиции не позволяли все время оставаться среди „слабейших“.»

Шаг за шагом, «к восьмому классу», Михаил стал классическим «твердым середняком», а к выпускным экзаменам подошел совсем «без троек». На «красный» диплом с такими показателями он все равно не потянул, но и обычный «синий» документ Свешниковского училища о среднем профессиональном образовании был для него весьма солидным «аусвайсом».

Между прочим, именно в «хоровушке» 14-летний Турецкий заработал свои первые деньги. Ему выписали 30-рублевую стипендию. Для советского школьника — «куш» серьезный. Выдали, правда, сумму всего двумя купюрами — фиолетовой «четвертной» и синей «пятирублевкой». Такая пара «бумажек» впечатления не производила. Вот после их размена на «трехрублевки» получилась относительно солидная пачка. «Я запомнил состояние, когда впервые держал в руках пачку своих денег, а потом ехал в троллейбусе и ликовал, — рассказывает сегодня Михаил Борисович. — Неужели мне заплатили за

хорошую учебу? Молодец, Миша! Приеду домой, папа обрадуется».

Еще больше обрадовалась мама, которой Михаил, «как благородный еврейский сын», отдал большую часть той стипендии. Острой необходимости в избыточных карманных средствах у него тогда не было. 14-летний Турецкий не покупал у «фарцовщиков» дорогие иностранные пластинки или джинсы, еще не приглашал привлекательных сверстниц в кафе отведать мороженого и не копил, допустим, на мопед. К тому же у него появился «маленький спонсор» в лице старшего брата, оказавшегося к своим, без малого 30 годам не по-советски деловым человеком с личным автомобилем. «От Саши мне чего-то перепадало с „барского стола“, — говорит Михаил. — То часы подарит, то ботинки какие-нибудь купит. Я мог у брата что-то попросить. Но он меня не баловал. Те же подаренные часы мог „за плохое поведение“ и забрать. А год спустя подарить мне их еще раз».

Короче, к появлявшимся материальным благам Миша относился философски. Их значение возросло для него чуть позже. Пока же он старательно учился, чем, наверное, радовал не только себя и педагогов, но и похлопотавшего за него уважаемого дядю Рудольфа. Последний, перед отъездом на ПМЖ в Израиль, предлагал Борису и Бэле: «Давайте я возьму Мишу с собой. Мальчик талантливый, будет там при мне, помогу ему хорошо устроиться, а позже и вы приедете». Но Борис Борисович не согласился. «Куда мы поедem, зачем? — спрашивал он. — Миша будет получать музыкальное образование здесь, на родине».

Дискутировать и убеждать цехового мастера Эпштейна не имело смысла. Не оттого, что он был догматиком или зашоренным социалистической пропагандой человеком. Борис Борисович просто «плыл» на своей волне, не повышая голоса, но твердо отстаивая собственное миропонимание. На вопрос: «Как дела?» — он всегда отвечал короткой фразой: «Меня все устраивает». «Папа жил по принципу — где родился, там и пригодился, — считает Михаил, — и никогда не хотел эмигрировать. Старый театрал, любитель поэзии, он гармонично чувствовал себя в Москве. Регулярно посещал спектакли в Большом театре, концерты в Зале им. Чайковского, различные литературные вечера... Русская культура являлась для него важнейшим жизненным компонентом. Он не понимал, чем будет заниматься из года в год на Брайтоне или в Тель-Авиве? „Эту страну я защищал. Я — фронтовик“, — часто повторял отец и сильно удивлялся, когда евреи начали активно уезжать в Германию.

С возрастом он как-то дистанцировался от всего суетного, внешнего. Жил в своем мире. Помню один наш давний разговор, когда я заметил ему: „Пап, ты мне за 28 лет нашей жизни сказал, наверное, 28 слов. Ты же столько всего знаешь — удели мне внимание“. „А что, нужно, цыпленок? — ответил он. — Ну, если хочешь, давай поговорим“.

С ним интересно было общаться, как с мудрым собеседником. При этом он ничего мне не навязывал и ни во что не вмешивался. Плохо это или хорошо, я до сих пор не очень понимаю. Иногда вечером отец спокойно спрашивал: „Каковы итоги дня?“ Я подробно принимался рассказывать, что было то-то и то-то. Он бесстрастно выслушивал и коротко резюмировал: „Ну, и хорошо“, после чего переключался на телевизор или уходил куда-то гулять. Без спешки, без резких движений...»

Даже сегодня, когда имя Михаила Турецкого красуется в Википедии среди десятка самых известных воспитанников хорового отделения училища имени Свешникова, рядом с именами его великих предшественников и наставников: Юрловым, Мининым, Поповым, Михаил Борисович долго ищет ответ на вопрос: «Жалеет ли он, что тогда не уехал с Баршаем?» Растягивая слова, Турецкий размышляет: «Как сказать... Кажется, и тут у меня все относительно удачно сложилось. Если бы уехал, наверное, не был бы сейчас народным артистом России, а на Западе мог остаться заурядным музыкантом. Но возможно, и наоборот: стал бы главным дирижером Нью-Йоркского симфонического оркестра! Всю жизнь мечтаю дирижировать серьезным американским оркестром с мощными спонсорами, знаменитыми исполнителями. Играть Вагнера, Малера. Но как уж есть, так и есть...»

Вагнер, Малер, а еще Гайдн, Моцарт, Бетховен, Римский-Корсаков, басовый ключ, скрипичный ключ... Турецкий читал сей перечень, как «список кораблей». До окончания хорового училища он был «поглощен учебой, желанием поступить в институт и сколь возможно наращивал свою „поступательную мощь“». «Я фанатично штудировал классику, — поясняет Михаил, — и ни о чем более не грезил. В общем — профессиональный идиот. При этом ведь требовалось проходить еще и общеобразовательную программу».

«Идиотическая» концентрация на учебном курсе плюс определенная герметичность однополый, узкоспециализированной школы, некоторыми чертами напоминавшей суворовское училище, конечно, притормаживали взросление Турецкого, сводили к минимуму его соприкосновение с «внешней средой», в которой бурлила иная жизнь, почти не

проникавшая в Мишину «хоровушку» и родительский дом.

«Во второй половине 1970-х до меня стали долетать отголоски информации о западной культуре, — говорит Михаил. — Удавалось иногда послушать „Голос Америки“. А однажды заехал в гости к своему двоюродному брату, и он мне поставил запись культовой рок-оперы „Иисус Христос — суперзвезда“. Это было потрясением! В училище нам о таких вещах никто не говорил, словно их не существовало. Для наших дидактичных педагогов подобное творчество было, видимо, чем-то сродни андеграунду. И они его всерьез не воспринимали. Скажу больше, году в 2002-м я, уже зрелый артист, вновь встретился со своим дядей Рудольфом Баршаем и сказал ему, что люблю слушать и исполнять разнообразную музыку: фолк, рок, оперетту, мюзикл, даже „блатные“ песни. Он ответил: „Для меня всего этого не существует. Есть только классика“...»

В период пребывания в училище некий эстетический дуализм в Михаиле наверняка зарождался (уловим он в нем и сегодня). С одной стороны, для него появились: Йэн Гиллан, «забугорное», глушимое радиовещание, первый опыт прочтения в «самиздатовском» варианте «Мастера и Маргариты», с другой, оставались кипы сложных академических партитур прошлых веков, консервативные «преподы» по спецпредметам и фанатичная «историчка»-ленинистка, «вдалбливавшая, как нам было бы плохо, не случись Октябрьской революции».

На Турецкого в ту пору влияло все. А он интуитивно распределял познаваемое — на близкое и далекое. Например, главный булгаковский роман Михаил «не оценил, не врубился в его суть, показалось, что это какая-то преувеличенная история». Зато с классикой, как и в музыке, у него складывалось лучше. «У нас дома было очень много книг, и я ими зачитывался, — рассказывает Турецкий. — Золя, Дюма, стихи Есенина, „Война и мир“...

Хотя сейчас я поблагодарил бы того, кто умело подсократит толстовские „божественные длинноты“ в „Войне и мире“ и сделает лаконичную версию этого произведения. Иначе мои дети, полагаю, его не прочтут. Но нормальный человек должен познакомиться с шедеврами мировой литературы и музыки. Это нужно для общего развития».

Последняя мысль Михаила Борисовича звучит вроде бы чересчур утилитарно. Для кого-то даже кощунственно. Сократить, адаптировать, а если уж совсем откровенно, упростить искусство до масскульта, как можно-с? Но вот у «холдинга» Турецкого, черпающего из всемирных музыкальных закромов, получается использовать данный метод довольно грамотно. Просвещающая —

развлекают, развлекая — просвещают. Придают шедеврам, так сказать, универсальный лаконизм. Убеждает, видимо, то, что в «Хоре» этим занимаются не шарлатаны, а высококлассные исполнители с крепкой теоретической подготовкой. Им позволительны и такие опыты.

В мужской (пусть и тинейджерской) среде училища воспитание чувств и характера Михаила имело особый оттенок. Здесь, в отличие от обычной школы, почти не ощущалась социальная дифференциация учеников и разница их интересов. Все они имели, по сути, одинаковую цель в жизни — стать большими музыкантами. Не было у них и выпендрежной, подростковой конкуренции перед девушками, ибо они с ними не учились. Первостепенным качеством, помимо профессиональных навыков, Наверное, считалась правдивость в отношениях с товарищами, уверенность в том, что ты «не кинешь» коллектив, не попытаешься где-то словчить с выгодой для себя. Даже в мелочах, в каких-то бытовых моментах, играх и т. п.

«Неподалеку от училища был продовольственный магазинчик, — рассказывает Турецкий, — и мы с ребятами периодически соревновались: кто быстрее до него домчится, купит молоко с булочкой и вернется обратно. В моем хитром еврейском мозгу рождались коварные замыслы. Например, не припрятать ли продукты заранее, где-то на полпути к магазину, чтобы незаметно для всех, в нужный момент их достать и прибежать в школу, побив все рекорды? Однако я смущался. Представлял, как неловко выйдет, если меня раскусят. Разрушится наше мужское братство».

То «братство» скреплялось и общим неумением «свешниковской» молодежи «общаться с девушками». Сейчас Турецкому забавно об этом вспоминать. Сей «комплекс» он достаточно скоро преодолел. Но в школьные годы ему было нелегко. «Я смотрю сегодня на 14-летних мальчиков и девочек из интеллигентных семей, — делится наблюдениями Михаил. — Они дружат, испытывают обоюдные симпатии, без эротических акцентов. Разве что где-то на подсознательном уровне... У нас подобного опыта не было. Общение с противоположным полом получалось каким-то редким „десертом“, хотя уже хотелось, чтобы оно стало повседневным.

Лишь дважды в год к нам в школу приглашали девушек из педагогического и медицинского училищ, и в репетиционном зале мы устраивали долгожданные танцевальные вечера. Включали магнитофон, зажигали свечи, и под „Солнечный остров“ Андрея Макаревича или медленные песни „Воскресения“ обращались к симпатичным гостям: „Можно вас пригласить...“

Музыку для „охмурения“ будущих учительниц и медсестер подбирали в основном наши парни из выпускных классов или чьи-то знакомые „со стороны“. Поставить дамам что-то из произведений Чайковского и других великих композиторов, чьи сочинения мы разбирали ежедневно, было бы странным. Именно тогда я понял, что академическая музыка для реальной жизни не всегда подходит.

По окончании таких вечеров тем для разговоров нам хватало на неделю вперед. Кто с кем познакомился, танцевал, обменялся телефонами... Потом это уходило на второй план. Танцевальные знакомства в нечто большее не перерастали. И практически никакой романтики, кроме тех „дискотек“, до 18 лет у меня не было. Настоящая любовная жизнь началась только в институте. Несколько осложнялась она отсутствием у меня собственной жилплощади. Но при необходимости я покупал родителям билеты, скажем, в театр, и на вечер квартира освобождалась.

Первая женщина, с которой у меня, примерно в 19 лет, завязались серьезные отношения, к счастью, имела свое жилье, и мы встречались на ее территории. Папа спрашивал: „Где ты сегодня ночуешь, цыпленок?“ — „В гостях“, — отвечал я. „Ты слишком увлекаешься. И очень рано“. — „Как это рано? Мне уже 20-й год“. — „Я познал женщину в 25, — пояснял отец, — и не опоздал“. „Другие были времена, папа, — парировал я. — То, что у вас начиналось в 25, теперь происходит в 19, и это уже не „рано““. Тогда я впервые почувствовал, что могу влюбиться. И влюбился».

Любовные порывы и первую жену Михаил обрел в Гнесинке, куда прорвался столь же лихо, как ранее в училище. Поступать в престижный вуз, где на каждое место десятки претендентов, и большая часть из них — круглые отличники, Турецкому выпало в специфический «олимпийский» 1980-й год. Тем летом Москву «зачищали» от нежелательных для иностранных глаз «элементов», в магазины спешно завозили качественные финские продукты, а столичных школьников просили разъезжаться на время из родного города куда подальше. Сроки экзаменов, в связи с Олимпиадой, тоже сдвинули с привычных дат и сделали едиными для всех институтов. То есть испытанный абитуриентский финт: «пролетаешь» в Гнесинке, успеваешь подать документы в институт попроще, где вступительные позже, в тот год не «канал».

Михаил серьезно рисковал. Если его единственная попытка поступить в вуз окажется неудачной, армейская казарма в любой точке СССР с радостью примет к себе молодого бойца Турецкого для прохождения срочной, строевой службы. А в солдаты хормейстера не тянуло. Панического страха перед исполнением

«почетной обязанности» не было. Морально Михаил подготовился к раскладу: «Провалюсь на экзаменах — придется отслужить», но вот будущее свое в этом случае он видел неопределенно. «Не факт, что после армии мне захотелось бы учиться, — излагает свои тогдашние сомнения Турецкий, — Судьба могла сложиться не пред сказуемо. Какие-то коммерческие идеи на горизонте маячили. В общем, я понимал: поступление в Гнесинку — мой последний шанс связать свою жизнь с музыкой, чего я более всего хотел».

Примечательно, что в Гнесинский институт Михаил шел целенаправленно. Московскую консерваторию в качестве альтернативы не рассматривал. «У нас в училище вели уроки практикующие музыканты, и все они сходились во мнении, что система преподавания в Гнеснике гораздо современнее, чем в консерватории». Хотя находились и «добрые люди», вообще советовавшие Турецкому «попробовать для начала поступить в Горьковскую или Казанскую консерваторию». Шансов там, безусловно, было больше, но последующие перспективы — куда скромнее. Да и досадно с дипломом элитного московского училища отправляться за высшим образованием в провинцию. Нет, для самолюбивого Миши значение имела только Гнесинка.

Брать ее на «таран», без «красного» диплома и чьего-то надежного протектирования Турецкий поначалу все-таки не собирался. «Мы с братом попытались поискать какие-то „неформальные“ подходы к экзаменационной комиссии, — признается Михаил. — Нас вывели на некоего Кузьму Христофорыча, который за определенную сумму вроде мог обеспечить нужный результат. Однако при встрече Христофорыч стал изъясняться как-то уклончиво. Деньги, мол, возьму, но если ты вдруг не поступишь, я тебе их верну. Из чего я сделал вывод, что Кузьма Христофорыч палец о палец не ударит. Если я сам поступлю, то денежки он заберет однозначно, сославшись на то, что это все с его помощью произошло. Если же я провалюсь, то он, вероятнее всего, просто смоеется и денег своих мы больше не увидим. В общем, проходимец какой-то оказался».

Интуиция Турецкого не подвела. Он поступил сам, не совершив бессмысленную трату. «Профессиональный запас прочности, полученный в хоровом училище, я использовал максимально, — констатирует Михаил. — Показательным моментом на экзаменах стал музыкальный диктант. Десять раз нам проигрывали на фортепиано трехголосную мелодию, и требовалось написать ее партитуру. Я понял, что готов сделать это быстрее после пяти прослушиваний. Тем более впервые „на арене“ появились девушки. Мне захотелось легких понтов перед

женским полом. И я сдал работу значительно раньше всех, чем изумил аудиторию. Потом выяснилось, что я допустил пару ошибок, и мне поставили за диктант „четверку“. Но это еще раз доказывало, какая у меня была школа. Я ведь получил положительную оценку, используя вдвое меньше времени, чем другие».

При всей своей специальной подготовке Турецкий мог запросто срезаться на общеобразовательных дисциплинах. На сочинении, в частности. Там у него в пунктуации было столько огрехов, что при желании проверяющего нетрудно было вывести губительный «тroyк». Но как ему показалось, декан факультета Людмила Андриановна Попова как-то «сглаживала» ошибки некоторых интересных абитуриентов. Относилась к ним снисходительно. «Она видела — поступают супермузыканты, и если даже они не особо удачно написали сочинение, не стоит их „заваливать“, — объясняет Турецкий. — Из меня перла музыкальная энергия, любовь к творческому процессу. Я искрился. И поступил без блата, без денег».

Сходу «переплыв» из одной музыкантской среды в другую, причем такую, где собрались еще более, чем в училище, «одержимые профессией» люди, Михаил вступил в фазу полноценного взросления. Не по возрасту, по сути. Гнесинка принесла ему «принципиально другой круг общения», подтолкнула к самостоятельности. За вузовский срок Турецкий успел стать мужем, отцом, разнорабочим, руководителем. Его уже иногда величали по имени-отчеству. Он, вообще, с первых институтских дней привыкал к почтительному формату общения, столь приятному ему и поныне.

«Педагоги в Гнесинке обращались к студентам на „вы“, — вспоминает однокашник Турецкого и один из аксакалов его „Хора“ Михаил Кузнецов. — Это звучало так необычно после школы, где все тебе „тыкали“.» Удивляло гнесинцев и то, о чем и как учителя рассказывали. Культурологию, например, вел у них прогрессивно настроенный брежневский экс-референт Георгий Куницын, еще до «перестроечной» гласности сообщавший студентам малоизвестные факты отечественной истории и критично оценивавший некоторые деяния советских вождей. «Марксистско-ленинскую эстетику» (куда же без нее в классической музыке!) преподавала Елена Бовина, супруга влиятельного политобозревателя «Известий», ведущего телепередачи «Международная панорама», а впоследствии первого посла СССР в Израиле Александра Бовина. То, что произносила на лекциях Елена Петровна, в восприятии Турецкого, «напрочь опровергало марксизм-ленинизм».

Преподаватели других, «факультативных», скажем так, для Гнесинки предметов, тоже большевистской ортодоксальностью Мишиной «исторички» из училища не отличались. И давали своим подопечным обильную «пищу для размышлений».

Но еще важнее была роль тех наставников, которые занимались с «гнесинцами» непосредственно музыкальной практикой. Для Михаила непререкаемым гуру стал Владимир Онуфриевич Семенюк — руководитель хорового класса Гнесинки и «правая рука» знаменитого Владимира Минина, камерным хором которого он дирижировал.

Уроки Семенюка сослужили Турецкому немалую пользу позднее, когда он добивался от своего «Хора» звучания «не манерного, но выразительного». Наверное, что-то перенял он и от

преподавательского стиля Владимира Онуфриевича, сочетавшего кропотливость с моральным прессингом.

«Семенюк — это театр одного актера. Какую-нибудь фразу он мог репетировать с нами по 45 минут и больше, повторяя ее многократно с особой интонацией. Он показывал, как произносить звуки, соединять согласные, растягивать гласные. Я всегда удивлялся, почему у Минина поет хор и все слова понятны, а у других хоров такого нет? Да потому, что техника произношения у каждого в Мининском хоре „отрулена“ до совершенства.

В ходе занятий Семенюк порой жестко одергивал нас за расхлябанность. Мол, вы тут сидите в тепле и уюте, а иные ваши сверстники сейчас тоннель на морозе долбят. Вам всем очень повезло, а вы, раздолбай, этого не цените, занимаетесь спустя рукава.

Здесь он был не совсем справедлив. Допустим, мы с Мишей Кузнецовым с упоением занимались в хоровом классе и не „халявили“. Тебе преподносили „Мессу“ Шуберта, вальсы Брамса, переложенные для хора, песенный цикл на стихи Игоря Северянина! Такой материал захватывал душу. Я, вообще, думаю, те, кто учатся из-под палки, просто ошиблись дверью. Если ты делаешь что-то сильно напрягаясь, значит, занимаешься не своим делом».

Кругозор Михаила расширяли не только академические наставники. Настоящий «эстетический удар» случился у него с появлением «приятеля из Калуги, лет на шесть постарше». Тот «погрузил» студента-первокурсника «в океан передовой, современной музыки. Рок, поп, джаз, Том Джонс, „Лед Зеппелин“, „Пинк Флойд“...». «Я впервые слушал записи этих исполнителей на качественной аппаратуре, — говорит Турецкий. — И слезы от экстаза наворачивались. До этого я сталкивался с подобной музыкой бессистемно, отрывочно. А тут получал ее альбомами, с меломанскими комментариями. Даже психотерапевтический эффект был. Когда моя первая любовь не увенчалась успехом, рок-музыка помогала мне справиться с грустью».

Переслушать всю фонотеку своего калужского друга Турецкий, кажется, не успел. Среди однокурсниц он заметил «красавицу Лену», тоже не чуждую городу Калуга, где она окончила музучилище, и грусть будущего хормейстера рассеялась. Молодая, талантливая певица откликнулась на его нежные чувства, и вскоре в Гнесинке образовалась новая «ячейка общества». Годом позже в семье Михаила и Лены родилась дочь Наташа. Из квартиры у метро «Динамо», где молодожены обитали вместе с Мишиными родителями, после рождения ребенка

хотелось переехать в отдельные «апартаменты». Но где их взять скромным советским студентам? Вновь выручил Александр Турецкий. Чуть раньше он предоставил своему младшему брату в периодическое пользование поддержанную «копейку», на которой, рано получивший права и даже немного позанимавшийся автоспортом Михаил, «таксовал» по субботам. Теперь он отдал Мише, Лене и новорожденной Наташе свою однокомнатную квартиру в Крылатском.

«Жена ничего от меня не требовала, — поясняет Турецкий. — Она была неизбалованной, вполне понимала наши обстоятельства и ценила то, что у нас есть. Но я сам поставил себе определенные задачи, осознав, что несу ответственность за свою семью и что на наши студенческие стипендии прожить втроем почти нереально. Нужно искать дополнительную работу».

Изначально Турецкий сделал ставку на уже упомянутый «частный извоз». Предприятие осложнялось тем, что «бомбить» приходилось на не совсем своей, «братской» машине, да еще изрядно «убитой». Приобретение личного автотранспорта в те годы считалось космической задачей даже для зрелых, постоянно работающих совграждан, что уж говорить о 22-летнем музыканте из скромной семьи. Но одержимость, господа, одержимость Михаила Турецкого, о которой не впервые говорится в этой книге и которая с возрастом начала проявляться у него не только в творческих порывах, сделала «невозможное возможным». В автобиографии Турецкий подробно описал добывание своей первой престижной частной собственности. «Я загорелся идеей купить автомашину и через два года приобрел 11-ю модель „Жигулей“ с ручным управлением у одного инвалида, уезжавшего в Израиль. Ручное управление я конечно же с нее сразу снял.

Машина обошлась мне в 4900 рублей. Я влез в серьезные долги. Пришлось продать любимую финскую кожаную куртку, корейский магнитофон, купленный у какого-то иностранца на первом курсе, брат дал займы 500 рублей... В итоге собралась необходимая сумма».

Подобной автомобильной роскошью не располагали даже многие уважаемые «гнесинские» учителя Михаила, поэтому на своих «Жигулях» он к институту никогда не подъезжал. Стеснялся. Это у сегодняшних студентов некоторых отечественных вузов проблема — запарковаться возле альма-матер, а Турецкий тогда был единственным в институте учащимся с личным авто.

«Железный конь», разумеется, придал Михаилу мобильности, тем более что в те годы Москву еще не «парализовали» дикие «пробки». Маэстро-водитель, помимо учебы, успевал за день в

несколько мест, где у него имелся практический интерес. Эпизодически ему удавались относительно «дальнобойные» выезды. «С помощью брата и самостоятельно, без чрезвычайного риска, я иногда доставал у фарцовщиков валютные чеки, — объясняет Михаил. — В магазине „Березка“ покупал на них какой-нибудь импортный магнитофон, увозил в другой город, Ярославль, Кострому, Рязань, и сдавал там в комиссионный. Выходил неплохой „навар“. Достав чеки, положим, за 100 рублей, ты в той же Рязани мог продать приобретенный на них товар за 150. Чем больше ты „сдавал“ дефицитной продукции, тем крупнее была твоя „чистая прибыль“. Такие легкие „шоп-туры“ ощутимо пополняли семейный бюджет».

Но более стабильный доход приносила Турецкому должность грузчика в «25-м универмаге Мосторга», где приходилось трудиться «ночь, через две». Туда он устроился опять-таки не без братской помощи. Директором двухэтажного магазина в столичном спальном районе Строгино являлся друг Александра, который и выделил Михаилу «хлебное местечко». Тут не только «капала» приличная зарплата, превышавшая месячный оклад квалифицированного инженера или врача, но и имелся прямой доступ к дефицитным продуктам, которые всегда можно было конвертировать в «нужные» знакомства и другой, не съестной дефицит: билеты в популярные театры, качественные услуги в автосервисе и т. п.

С обывательской точки зрения Миша пребывал в «полном шоколаде» и на институт в общем-то мог махнуть рукой. Он и сам подтверждает, что «большинство „гнесинцев“, при всей любви к музыке, не очень-то верили, что профессия, которую они получают, станет опорой в жизни. Все поглядывали „налево“, прикидывали, как совместить приятное с полезным. Остаться музыкантом, но не быть постоянно материально нуждающимся».

Турецкий — ходячий пример решения сей дилеммы. Ныне — само собой, но и в студенческий период тоже. Он грузил, возил, «доставал», перепродавал и при этом постоянно думал о своей реализации в качестве дирижера, руководителя хотя бы «какого-нибудь самодеятельного коллектива». Летом подобная «подработка» по специальности находилась в пионерском лагере. Но Михаилу, конечно, хотелось большего. И случай представился.

«Подвозил очередного „клиента“, — рассказывает Турецкий, — познакомились, разговорились. Оказался еврейский товарищ, служащий регентом в православной церкви! Сам он был не ахти каким музыкантом и подыскивал человека, который бы „наладил звучание“ их церковного хора, состоявшего из пары десятков мужчин и женщин.

Я сказал ему, что учусь в Гнесинке (а мы там уже активно изучали духовную музыку, Рахманинова, Гречанинова) и обладаю необходимыми навыками для того, чтобы через четыре месяца ваш хор зазвучал. Только делать мне это придется инкогнито, не оформляя никаких документов, иначе меня попрут из института. Он согласился. И вот я пришел в этот коллектив и увидел компанию отставных солистов больших академических театров. Их в разное время оттуда поувольняли, кого за пьянку, кого по другим причинам, и они без напряжения подвизались в данном хоре.

Как я и обещал моему знакомому, через несколько месяцев хор зазвучал так, что мне стали платить бешеные деньги — 200 рублей в месяц! Но недолго счастье длилось. Кто-то на меня все же „стуканул“ в ректорат Гнесинки, и пришлось такой „руководящий пост“ оставить. Видимо, своей требовательностью я „наступил на хвост“, кому-то из хористов. Они же преимущественно взрослые дядьки, под 50, были, с самомнением и стажем. А тут их двадцатилетний пацан учить вздумал! Несмотря ни на что, меня очень порадовал этот опыт. Я понял, что могу быть сильным хормейстером».

Родной институт отваживал Турецкого от одной дирижерской работы, но подбрасывал другую. На 4-м курсе, «по распределению», его отправили «на полторы ставки» руководить капеллой мальчиков, репетировавшей в Палашевском переулке. Юных дарований оказалось человек сто. В целом Михаил с ними справлялся, как и с пионерским поющим коллективом в пору летних каникул, однако почувствовал, работа с детьми — не для него. Взрослые, с амбициями и без, ему понятнее и ближе.

Преумножая профессиональный опыт и приближаясь к судьбоносному моменту своей карьеры, Турецкий успел так же по-сотрудничать с самодеятельным камерным хором «Виват» и ансамблем политической песни «Голос», тоже любительским, и, в сущности, эстрадным коллективом, созданным другом семьи Турецких — Иосифом Огнянером. В «Голосе» Михаил, помимо практики хормейстера, получил то, «чего нигде не преподают». Он наблюдал, как Огнянер ведет концерты, общается с публикой. Позднее Турецкому пришлось развить в себе аналогичные способности, когда создавалась модель концертной программы его собственного «Хора».

Забавно, что с детства пропитанный классикой Михаил не избежал привычной для подавляющего числа отечественных попроковых музыкантов его поколения ресторанной «халтуры». Правда, в минимальном объеме и без высокой оценки оной. Есть ведь распространенное мнение, что «игра в кабаках» являлась едва ли не «лучшей школой» для многих сегодняшних российских эстрадных звезд со стажем. Турецкий эту точку зрения не разделяет. «Я все же чуть-чуть из другой категории музыкантов, — подчеркивает он. — У меня серьезное профессиональное образование. Но однажды я целый месяц летом работал в ресторане „Русь“, пока „штатные“ музыканты этого заведения поехали к морю, отдохнуть. Что конкретно приходилось исполнять, сейчас уже не вспомню. Кажется, в основном итальянцев: Пупо, Челентано, Кутуньо. Еще какие-то советские хиты. Ну что там, в 1980-х, в кабаках слушали...

Я мог встать за клавиши, мог подпевать. Минут за сорок осваивал любую популярную песню. Но, честно говоря, на ресторанную работу у меня особо ни времени, ни желания не было. Существовали другие интересные занятия. То был случайный момент в моей судьбе. Вернулась из отпуска

постоянная группа „Руси“, и я ушел. При этом убедился — и в кабаке, если что, вполне смогу зарабатывать. Правда, каждый вечер нужно выпивать. Я старался не втягиваться, дабы не кончилось плохо. Не в том смысле, что я предрасположен к алкоголизму. Как раз нет. С удовольствием могу выпить в любой момент, но постоянной потребности в горячительных напитках не испытываю. Там же они становились засасывающей повседневностью. Ты рисковал превратиться в инертного, ни к чему не стремящегося ремесленника».

Жена поет, дочь, опекаемая бабушками, растет, Гнесинка успешно окончена. С таким житейским багажом 27-летний дипломированный маэстро Михаил Турецкий встречает бурлящий 1989-й год. Первые многотысячные антикоммунистические митинги в Москве, первые свободные выборы народных депутатов, первые советские кооперативные миллионеры... Дело идет к революции. Пора задуматься о личных перспективах. Сомнений и соблазнов — тьма.

Профессор Семенюк, однако, рекомендовал Михаилу не суетиться и продолжить обучение симфоническому дирижированию в послевузовской форме ассистентуры-стажировки. Вчерашний студент согласился с предложением.

Параллельно Турецкий познакомился с энергичным деятелем искусства Юрием Шерлингом, бывшим танцором, пианистом, а впоследствии хореографом, режиссером, руководителем различных учреждений. В тот момент Юрий Борисович завершил продолжительную эпопею по продвижению проекта «Камерный еврейский музыкальный театр» и создал «Школу музыкального искусства», тоже театр, где предполагал ставить мюзиклы. Турецкий предложил ему свои услуги хормейстера, Шерлинг, что называется, не глядя, взял в свое предприятие гнесинского выпускника и склонил его к творческой разносторонности. «В том театре артисты балета должны были еще и петь, а оперные солисты — танцевать, — поясняет Михаил. — Шерлинг приглашал педагогов, которые обучали каждого члена труппы непривычным навыкам. Мне приходилось заниматься налаживанием звучания мюзикла и одновременно быть артистом, ради чего я осваивал хореографию».

Будни Турецкого были насыщенными, праздники — трогательными, семейными. Дочке Наташе исполнилось пять. Большую часть времени она проводила в Подмоскowie у бабушки — матери Елены. Сама Лена трудилась не меньше мужа, строила карьеру солистки. Лето 1989-го приближалось к коде. Шел август — отличный месяц для поездок в Прибалтику. Супруги Турецкие туда и отправились. Вышло так, что порознь. В одно время, в

одном направлении, но в разные литовские города. Лена с отцом и братом — в столичный Вильнюс, на день рождения родственницы, Миша с педагогом Семенюком — в гости к аспиранту последнего в курортную Клайпеду. Оттуда, одним солнечным балтийским утром, Турецкий позвонил с переговорного пункта маме в Москву. Не просто так. Минувшей ночью ему вручили странную телеграмму от брата с требованием «срочно позвонить». После первых, прозвучавших в трубке слов Бэлы Семеновны он узнал, как ошеломляет большое горе. Мама сказала, что на минской трассе Лена, ее отец и брат погибли, после столкновения их «Жигулей» с грузовиком. Теперь Михаилу предстояло не только осознать эту страшную весть, но и отправиться к месту катастрофы, чтобы сопровождать перевозку тел погибших в Москву.

«Никогда не забуду долгий путь домой, — расскажет об этом двадцать с лишним лет спустя Турецкий в интервью одному гляцевому журналу. — Впереди шел грузовик с тремя гробами, за ним ехал я. Обогнать как-то не получалось... Мне было страшно увидеть тещу. Женщину, которая в один миг потеряла детей и мужа».

Кроме скорби Турецкого терзал вопрос: как теперь быть с Наташей? Маленькой дочери требовалась еще большая забота, а он, привязанный к нескольким работам, не в состоянии находится с ней неотлучно. «Я хотел перевезти Наташу от тещи к своим родителям, — говорит Михаил. — Хотя моей маме тогда уже было под 70, и они с отцом жили в обычной двухкомнатной квартире. А теща осталась одна в большой подмосковной трехкомнатной. Но психологическое состояние Лениной матери было столь тяжелым, что мне казалось, Наташе с ней пока оставаться не следовало. Однако получилось наоборот».

Возник некий консилиум с участием тещиногo брата, ее сестры, друзей. Они на меня как-то все навалились и объяснили: если сейчас ты еще и внучку у нее заберешь, она сойдет с ума. Пусть пройдет какое-то время. Пришлось согласиться».

Нередко из внезапного душевного ступора человека выводит перемена его будничного жизненного графика, смена деятельности, возникновение новой цели. Судьба преподнесла Турецкому удивительную возможность для «перезагрузки» уже через несколько недель после пережитой им трагедии. Его позвали творить в синагогу. Возрождать еврейские литургические песнопения в России. Первым, с кем он встретился «в начале славных дел», был Владимир Борисович Плисс — кантор Московской хоральной синагоги, той, что в районе Китай-города.

«Я сам закончил хоровое отделение Института им.

Гнесиных, — говорит Плисс, — и самостоятельно выучил иврит, чтобы стать кантором. Несколько лет записывал и расшифровывал канторские произведения, дабы у нас появились их партитуры. Надо же правильно молиться. Каждая молитва имеет свой музыкальный канон. Эта музыка совершенно не европейского плана. В Союзе и канторов-то почти не было. Один жил в Риге, другой — в Алма-Ате — двое в Москве.

Постепенно у коллектива московской синагоги появился определенный репертуар, который мы исполняли. И полагали, что ничего другого быть не может. Так продолжалось лет пятнадцать. Наш ансамбль уже стал собранием достаточно пожилых людей, не претендовавших на роль профессионального хора. Никакой особой информацией о еврейской литургической музыке мы не обладали. Отдельных канторов слушали на кассетах, о хорах вообще ничего не знали.

Но в 1988 году впервые советское правительство отправило раввина Адольфа Соломоновича Шаевича на стажировку в американский Иешива-университет. Он взял меня с собой. Шаевич занимался по раввинской программе, я — по канторской, учился у знаменитого Йозефа Маловани. Там я узнал, что пласт еврейской духовной музыки гораздо шире, чем нам в Союзе представлялось. И еще в Нью-Йорке мне довелось оказаться на концерте хора большой синагоги Иерусалима под руководством Эли Яффе.

Я, воспитанный на критериях российской музыкальной школы, понял, что мы в СССР можем исполнять такую музыку даже лучше. Нужен только соответствующий репертуар (его я в США собрал) и финансовые средства, чтобы привлечь солистов.

Так совпало, что в то перестроечное время многие крупные американские еврейские организации желали развивать различные благотворительные программы в Союзе, тем более они обходились им не очень дорого. Я выдвинул инициативу создать настоящий концертный хор при московской синагоге, чтобы привлечь к ее посещению больше народа, и получил поддержку Адольфа Соломоновича, а также легендарного Ральфа Гольдмана, экс-секретаря Бен-Гуриона. Тогда Гольдман (сейчас ему, к слову, 97 лет и он до сих пор работает в Иерусалиме) являлся президентом крупнейшей еврейской благотворительной организации „Джойнт“. А я был помощником Шаевича в международных контактах и обладал, так сказать, допуском к уважаемым людям. Кроме Гольдмана, в мою идею поверили многие. Тот же Маловани, входивший в попечительский совет „Джойнта“. Деньги нам выделили, оставалось — реализовать задуманное на практике. Я ведь стремился не просто создать

профессиональный концертный коллектив, а лучший в мире еврейский хор! При этом, объективно оценивая собственные возможности, понимал, что в качестве концертного дирижера, не соответствую задуманному проекту. Требовалось найти подходящего человека на этот пост». Вскоре Плисс узнал о Турецком.

«После возвращения из Америки я участвовал в организации гастролей лучших канторов мира в СССР, — повествует Владимир Борисович. — Они выступали в Большом зале столичной консерватории, в зале им. Чайковского, в Питере, Одессе, Минске. Мы познакомили нашу публику с новым для нее искусством. Если хотите, готовили к появлению московского еврейского хора. Самостоятельно синагога не имела права заниматься привозом, каких бы то ни было артистов и устройством их концертов. Мы сделали это через детский фонд Альберта Лиханова. Там работал Николай Васильевич Егоров, сам когда-то руководивший профессиональным хором. Я с ним разговорился и сказал, что ищу яркого профессионала, который возглавил бы наш синагогальный хор. У нас обнаружилась общая знакомая — декан хорового факультета Гнесинки Людмила Попова. Я пошел к ней. Она меня помнила, ведь с момента моего окончания данного института тогда прошло немного времени.

Попросил ее подумать, нет ли среди ее студентов-евреев тех, кто мог бы возглавить хор синагоги? Она позвонила Мише Турецкому. Мы с ним встретились. Я объяснил ему идею, и он тоже ею очень загорелся».

Михаилу, впрочем, запомнилось, что о вакансии в синагоге ему сообщила бывшая однокурсница Татьяна Добростина, с которой он в те «черные» для себя дни повстречался в Гнесинке, куда «непонятно зачем заглянул». По большому счету, сие неважно. Принципиально другое: Турецкого вдохновила «эта еврейская история». Он ринулся в нее «по зову сердца», решив, что «нашел свое дело», и даже не уточнив, сколько на первых порах ему за это будут платить. Через десять дней после обстоятельного разговора с Плиссом, в сентябре 1989-го, Михаил уже провел в синагоге первую репетицию.

«Ты охренел, Миша! — кричал Шерлинг, узнав, что Турецкий покидает его „Школу музыкального искусства“. — Я тут из тебя звезду делаю! И поешь, и танцуешь, и дирижируешь. А ты куда — в хор синагоги?! Бесперспективно». Но агитировать и страшить 27-летнего хормейстера, получившего реальный шанс создать фактически свой авторский проект, абсолютно не стоило. Он принял твердое решение, поблагодарил Юрия Борисовича за «полезную практику, полученную в его театре», и откланялся. А «школа» Шерлинга, кстати, довольно скоро прикрылась.

«В московской синагоге я бывал и до 1989 года, — рассказывает Турецкий. — Впервые пришел туда лет в 16, с простым юношеским желанием тусануться. Я иногда участвовал в посиделках с родственниками моего отца. Среди них были колоритные личности. Например, дядя Фима — заведующий пошивочным цехом Театра Ленинского комсомола. Известный на всю округу портной. Знаменитые артисты у него костюмы заказывали. Некоторых из них он даже подначивал, произнося, с акцентом бессарабского еврея, что-то вроде: „Не фрак играет ролей...“ В общем, прикольно выражался, при этом знал традиции и прекрасно пел еврейские песни. Мы собирались большим родственным кругом, человек 40–50, и Фима запевал, а все ему подпевали. Тут я чувствовал, кто мы такие есть — заметная субкультура в большом советском обществе. Папины родственники рассказали мне и о синагоге в Москве. Я заинтересовался. Как-то, в шикарный осенний вечер, отправился туда, то ли с родным братом, то ли с двоюродным, на праздник Рош а-Шана. Увидел толпу людей, пришедших в синагогу, скорее, как в клуб, нежели в религиозное место. Но и это впечатляло. Евреи и „косившие“ под евреев являлись к зданию на улице Архипова (теперь это Большой Спасоглинищевский переулок), чтобы завести знакомства, найти дочке хорошего жениха, а сыну — правильную невесту, поговорить о поданных на выезд документах, о получении статуса беженцев и т. п.

Я тоже втянулся в этот „хоровод“. Стал периодически наведываться в синагогу, общаться там с разными людьми. Формировались какие-то еврейские компании по интересам. Я любил в них бывать. Иудаизм, однако, оставался для нас экзотикой, но любопытной. Начал что-то почитать на эту тему. Особенно во второй половине 1980-х, когда в СССР решили масштабно отметить 1000-летие Крещения Руси, и одновременно пробудился массовый интерес не только к христианству, но и к другим религиям. Мне, к слову, в православный храм на Пасху тоже нравилось ходить, как и в синагогу. Все-таки я родился и вырос в Москве, в ассимилировавшейся „советской“ семье и в полной мере почувствовать себя евреем, чем-то отличающимся от русских, украинцев или белорусов, фактически не мог».

В некотором роде Турецкому выпал жребий Владимира Мулявина. Говорю это, конечно, с изрядной долей условности, и все же. Главным «песняром» Страны Советов, популяризатором полубытого белорусского фольклора стал свердловский музыкант, изначально не знавший ни слова по-белорусски, однако приглашенный в том же 27-летнем возрасте (что и Михаил в синагогу) в Белорусскую филармонию, где вскоре

создал лучший эстрадно-фолковый ВИА республики. И Турецкий, встав во главе московского синагогального хора, не владел ни одной разновидностью еврейского языка, но быстро превратился в самого яркого кантора России.

«На языке предков я не общался, но много слов из него понимал с детства, — замечает Михаил. — Родители мои знали идиш и, когда хотели что-нибудь скрыть от меня, переходили на него, объясняя, что это „взрослые разговоры“.»

Предложение Плисса оказалось для Турецкого сродни провидению. «Словно сам Бог хотел сделать меня новым источником еврейской храмовой музыки в России, — воодушевленно сообщает Михаил Борисович. — До большевистской революции в московской синагоге пел хор в 110 человек! Как они там уместались?! Руководил ими польский композитор Завел Зильберт, получивший образование в Германии. Когда мы „ковырнули“ его музыку, я понял, что это автор, уровня Феликса Мендельсона-Бартольди, и представил, каков же тогда был его хор! Как они пели! А потом — пустыня, все высохло, 70 лет ничего не происходило. И вот миссия возрождения этой, почти утраченной у нас культуры возложена на меня».

Как резонно заметил один из дьяволов XX столетия — «кадры решают все». Прежде всего, Турецкому предстояло найти перспективных солистов, которые восприняли бы и смогли исполнять специфический музыкальный материал еврейского хора. Сам материал тоже еще требовалось тщательно подобрать. Старый коллектив певчих московской синагоги «пока продолжал петь там во время праздников, — поясняет Плисс, — но он естественным образом уже отходил от активной деятельности. Многим в нем было за 70, а то и за 75». Михаилу в синагоге поставили задачу: «Есть средства для небольших зарплат артистам нового хора. Нужно собрать 20 человек». В каких-то организационных моментах ему старался помогать кантор Плисс.

«Мы с Мишей быстро сблизились, когда закипела работа над нашим проектом, — вспоминает Владимир Борисович. — Он был красивый, дерзкий, воодушевленный. О деньгах, гонорах практически никаких разговоров не шло. Волновала исключительно идея — поднять столь интересный культурный пласт, получить с этим репертуаром выход за рубеж. Основная роль в формировании состава хора принадлежала, конечно, Турецкому. Он лучше знал столичный круг академических музыкантов. Я-то сам вологодский человек, а он — москвич, прошедший „свешниковскую“ школу, Гнесинку, немало практиковавший... За короткое время удалось собрать достаточно

хороших ребят. Естественно, мы старались, чтобы коллектив состоял из евреев. Поначалу почти так и было. Ну, процентов на 80».

«В основном я приглашал своих знакомых, — детализирует Турецкий. Из капеллы мальчиков, где я до этого момента преподавал сольфеджио, ко мне пришел мой старший товарищ, педагог Михаил Израилевич Письман. Он всю жизнь мечтал петь и обладал великолепным голосом. К сожалению, тогда он уже подал документы на отъезд из страны. Его семья получила статус беженцев. А Письман колебался: бросить жену с двумя детьми и остаться в хоре или ехать с ними? В конце 1990-го все-таки уехал. На его проводах я лил горячие слезы. Тогда ведь казалось, что эмигрировавшего человека никогда больше не увидишь. А он мне очень помогал. Михаил Израилевич стал в Америке большим певцом, учился в канторской семинарии. Сейчас ему под 60, и, по-моему, он является главным кантором синагоги в Чикаго. Но до его отъезда мы с ним прожили в хоре крайне содержательный год.

Из того самого ансамбля политической песни „Голос“, где я тоже потрудился, позвал Борю Воинова. По профессии — врач-патологоанатома, а по сути — самородка, певца с шершавым тембром, характерным для блю-грасса. Боря, не зная нот, играл на гитаре, банджо и выучивал любые партии быстрее тех, кто ноты знал. Талантливейший парень, великолепно говорил по-английски. В итоге его заметила одна богатая женщина и увезла из России. Мы с ним раз в десять лет, случайно, то в самолете встретимся, то еще как-то. Но плотного контакта нет. Он завязал с музыкой, занимается каким-то бизнесом.

И с Владиком Васильковским примерно та же история. Интересный солист, родом из Владивостока, с лицом Геринга и справкой, что он еврей. Парень перемещался по свету в связи со своими женитьбами. Сначала нашел девушку из Екатеринбурга, затем — из подмосковного Жуковского. В итоге, в 1995-м, остался в Штатах. А совсем недавно я встретил его во время наших выступлений во Владивостоке. Видимо, он, как цветик-семицветик, „возвратился, сделав круг“. Солидный такой стал, грузный мужчина. Предложил мне после концерта выпить. Но мы следующим утром улетали на Сахалин, поэтому я вежливо отказался. Сегодня, мол, „постельный режим“. Мы пожали друг другу руки, со словами — рад тебя видеть, и разошлись...

Много, в общем, разных людей поначалу прошли через хор. И не все они, конечно, были евреями. Это миф. Ко мне в синагоге с „национальным вопросом“ сильно не приставали. Хватало корректного поведения солистов. Я говорил кому надо из ребят:

„Кресты перед репетициями снимите, машину перед синагогой в субботу не ставьте, возле здания и внутри — не курите и т. п.“»

Мотивация Турецкого, возглавившего оригинальный проект, понятна и отчасти возвышена. У музыкантов же, призванных им к сотрудничеству, резоны имелись всякие, в том числе далекие непосредственно от искусства. Кто-то воспринимал хор, как некий «перевалочный пункт» в своей карьере и судьбе, особо не думая о значимой миссии, возложенной на данный коллектив, кто-то решал проблему профильного трудоустройства в «смутное» время и т. п. Однако истовость, увлеченность, кураж крепкого Турка, быстро появившиеся успешные результаты хора «обращали» в его веру тех, кто изначально пришел просто поработать под американские благотворительные гарантии. Выполнялись они, кстати, по незатейливой схеме. «В США „Джойнтом“ приобретались 10 тысяч чистых аудиокассет, по 20–30 центов за штуку, и переправлялись в Советский Союз, — рассказывает Турецкий. — Здесь, в конце „восьмидесятых“ — начале „девяностых“, они стоили на несколько порядков дороже. В ларьке при московской синагоге кассеты реализовывали, положим, по рублю. На эту ценовую дельту наш хор из 20 человек существовал с неплохими зарплатами года полтора. И еще кто-нибудь из управленцев синагоги мог из этого бюджета себе „отрезать“. Кроме того, „Джойнт“ под программу „возрождения самосознания советских евреев“ получал немалые суммы от богатых штатовских меценатов. Хороший, короче, был бизнес».

Слегка едкая проза о нюансах становления Московского еврейского камерного хора звучит из уст Михаила Борисовича сейчас, а не 23 года назад, без налета иронии, он несколько месяцев одержимо, ежедневно репетировал с первым призывом своего коллектива, и — свершилось!

«В феврале 1990-го мы качественно исполнили в синагоге четыре религиозные песни, — оценивает Турецкий. — Этот момент я считаю днем рождения хора».

Именно в феврале 1990-го, а конкретно — 4-го числа, в коллектив зачислили Алекса Александрова, по сей день остающегося солистом «Хора Турецкого» и отмечающего каждую годовщину своего присоединения к проекту, как собственные именины.

«Розовощекий подросток с копной волос а-ля Андже́ла Дэвис» — таким его запомнил Михаил на первых репетициях. «Через полторы недели поле своего 18-летия я гнесинский первокурсник, пришел на „кастинг“ к Турецкому, — рассказывает Александров. — О еврейском хоре узнал от своего одноклассника еще по Свешниковскому училищу Тимура Верного. Он оказался в этом коллективе раньше и периодически мне что-то о нем сообщал. А тут сказал, что они собираются на гастроли в Америку. Это меня, конечно, зацепило. Поехать за границу, да еще в Штаты, в 1990 году, из Союза — это ж мечта! Спросил у Тимура: а нельзя ли как-нибудь к вам попасть? Тем более что о руководителе хора Турецком я неоднократно слышал, поскольку учился, только позже, в тех же учебных заведениях, что и он.

Приятель задал встречный вопрос: в тебе течет еврейская кровь? Я стал прикидывать, что по отцовской линии, от бабушки, что-то есть. К тому же я тогда очень смахивал на молодого Кобзона, так что сомнений в моих иудейских корнях ни у кого не должно было возникнуть.

Миша меня прослушал и остался доволен. Сильным вокалом я не обладал, но являлся дирижером-хоровиком с абсолютным слухом. А такой человек ему требовался. В хоре в основном были вокалисты, без высшего музыкального образования. У меня высшего еще тоже не было, но уже имелась за плечами хорошая профессиональная подготовка.

В Америку мы, правда, в тот год не полетели. Зато по стране гастролировали активно, в Прибалтику съездили...

Это для Алекса манящая держава дядюшки Сэма открылась позднее. А Михаила она поразила как раз в марте 1990-го, когда вместе с тезкой Письманом он при содействии «Джойнта» отправился за океан «искать партитуры и изучать историю еврейской духовной музыки». То был вообще первый зарубежный выезд Турецкого. «Даже в Болгарии или Польше, то есть странах „соцлагеря“ мне бывать не доводилось, — подчеркивает Михаил. — Хотя именно туда ездили советские граждане, прежде

чем получить разрешение на визит в капстрану. А я начал сразу с Нью-Йорка! И сошел с ума: от его архитектуры, мощи, энергичности, чистоты. Я понял, что это главный город мира. Америка в ту пору выглядела примерно, как и сейчас, но, возможно, еще чуть респектабельнее, увереннее в себе. Спокойствие вокруг царило. Это были ее лучшие экономические и политические годы.

Мы увидели, что такое американская еврейская община. Красивые, успешные, благополучные люди, пользующиеся там повсеместным уважением. Среди них не наблюдалось избытка ортодоксов. Большинство придерживались принципа: „Я — религиозен, но я не сумасшедший“. Они ценили свои национальные особенности и культуру, но не хотели соблюдать шабат и прочие древние традиции, считая их не совсем актуальными. В общем, придумали себе реформистскую религию. Так сказать, лайт-иудейство.

Удалось пообщаться и с главными представителями „Джойнта“, и с Йозефом Маловани, кантором синагоги на Пятой авеню.

Он провел нас в Ешиву, помог зайти в библиотеку, где мы накопили за пару недель колоссальное количество потрясающей музыки — бесценный для нашего московского хора материал.

Были у нас задачи и более прозаические. В поездку нам выдали по 500 долларов на карманные расходы. Колоссальная для советского трудящегося сумма, которую требовалось не разбазарить в Штатах, а правильно потратить. Купить что-то полезное себе, подарки родственникам и друзьям. Для укрупнения наших капиталов мы, разумеется, захватили с собой в США традиционный русский набор: баночки с икрой, водку, ложки-матрешки, даже некоторые пластинки, и попытались в первые же дни, где-нибудь на Брайтоне, все это реализовать. Дабы, по возможности, не тратиться на питание, составили с Михаилом Израилевичем хитрый график обедов. Сегодня столуемся у тещи Письмана в Верхнем Манхэттене, уехавшей из Союза в 1973-м. Завтра у моей тетки, двоюродной сестры отца, уехавшей в 1979-м. И далее в том же духе. Звоню тете: „Дина, это Миша Турецкий. Я в Нью-Йорке“. — „Что? Ты приехал насовсем?“ — „Нет. Через две недели обратно. Мир перевернулся, Дина. Я приехал в гости, учиться“.»

Сопоставляя русскую литургическую музыку, которую познавал в институте, с открывшимися ему теперь еврейскими духовными произведениями, молодой руководитель московского синагогального хора не только ощутил их «запредельную витальность», но и заметил, что «музыкальные корни

православия, в иудаизме». От осознания того, сколь краеугольную традицию песнопений ему предложено воссоздавать в России и пропагандировать по всему свету, Турецкий наполнялся гордостью и азартом.

По возвращении из Штатов Михаил почти тут же отправился со своим коллективом на первые гастроли. Безусловно, момент знаковый. Хор делал шаг к намеченной цели, становился полноценной концертной единицей, а не прикладным элементом московской синагоги.

Сначала выступили в Калининграде. Уникальный сольник в органном зале на 800 мест. Акапелльный микст духовных и светских сочинений, исполненный «взводом» еврейских разноплановых солистов, вызвал восторг публики.

Турецкий заметил, что «многие зрители даже плакали». Там же, в Калининграде отметили 28-летие Михаила. И двинулись дальше. Концерт в Таллине, затем в кирхе Кингисеппа, в Светлогорске... К осени добрались до Киева, а потом дали сольник и в большом зале питерской консерватории. «Нынешнего качества звучания у нас тогда еще не было, — признает Турецкий, — но коллективом, способным выступать на серьезном, профессиональном уровне мы становились. И чувствовали, что готовы ехать с концертами в Европу».

Старый Свет оценил «чемпионов свободы» (такой пафосный и, как вскоре выяснилось, пророческий образ подобрали хору московской синагоги западные критики и импресарио) в эпохальном 1991-м. Этот год подвел итог существованию советской «империи зла» (как выразился Рональд Рейган) и кардинально преобразил жизнь синагогального коллектива под руководством Михаила Турецкого.

Заботливый «Джойнт», без шоу-бизне-совского понта, экономно, но эффективно устроил еврейском камерному хору (так гласили афиши) полезный во всех смыслах евротур. За полмесяца Турецкий сотоварищи, с «администратором Плиссом», объехали почти два десятка французских и британских городов, где дали 17 концертов. «Нам устраивали стоячие оvation, — вспоминает Михаил. — Зрителями в основном были люди в кипах. Они восторгались и поражались одновременно. Ведь в Европе создать подобный хор невозможно. Где найти исполнителей такого уровня за 50 долларов в месяц? Но нами двигало желание выжить, удержаться на плаву в кризисное время и стать знаменитыми».

«Чемпионы свободы» на тех гастролях не комплексовали по поводу предлагаемых артистам бытовых условий и некоторых щепетильных бонусов. Например, зайдя в один из французских

магазинов и узнав, что любой товар, выбранный ими здесь, оплатит «Джойнт», ребята, ничтоже сумняшеся, нагрузили полные тележки. Турецкий приобрел там, среди прочего, сапоги из крокодиловой кожи... Можно сказать, непроизвольно подчеркнул свой статус, всегда возвышавшийся над положением остальных участников хора. Его и селили на гастролях, по возможности, в гостинице. Другие солисты в том зарубежном турне «размещались по двое в местных семьях». Михаил предполагает, что, «во-первых, „Джойнт“ не очень хотел тратиться на отели, а во-вторых, давал нам возможность вникнуть в другую культуру, освоить иностранный язык, в попытках общения с теми, кто нас принимал в своих домах». Коммуникация народов — вещь, бесспорно, важная. Однако «наибольшее впечатление» на Турецкого производили тогда «изобильно накрытые столы». Европейцы щедро угощали молодых певцов из голодной, но приближающейся к освобождению от коммунизма России. «Худые солисты хора подходили к фуршетным столам и надолго возле них задерживались, — смеется Михаил. — Глядя на их фигуры, невозможно было представить, что они способны столько съесть. Во Франции мы в тот раз впервые попробовали киви...»

Аплодисменты, «халявные» покупки и трапезы, посещение знаменитых мировых столиц, да еще гонорар — полтысячи долларов за тур каждому хористу — недурно для международного дебюта. Турецкому эта радость досталась с наибольшим перенапрягом. Так, наверное, и положено лидеру. В своей автобиографии он отметил: «На каком-то этапе почувствовал, что могу не сдюжить, так было тяжело. На последнем концерте у меня случилось подобие частичного паралича: левая сторона туловища онемела и пришлось дирижировать одной рукой. Это от нервного истощения. Еще бы: Марсель, Монпелье, Лион, Париж. Потом 24 часа в автобусе, потом на пароме через Ла-Манш в Лондон, потом — в Манчестер...»

Хор и в особенности его вожак (Турецкий любит использовать по отношению к себе данный эпитет) уверенно накачивали творческие мускулы. «Точили» мастерство, напивались духом, историей, сакральностью иудейской культуры. Михаил-то уж точно, после полутора лет работы с таким проектом, расслышал «зов крови», оживил еврейство своей души, нивелированное в юности советским воспитанием. Руководители «Джойнта» и московской синагоги в тот момент могли с удовлетворением полагать, что поставили «на ту лошадь». Они продолжали предоставлять хору условия для развития и в июне 1991-го на месяц отправили его «учиться в Израиль». Лекции, экскурсии,

богослужения. «Я узнал, что такое большая синагога Иерусалима, — говорит Турецкий, — какая духовная энергия в ней аккумулируется, когда полторы тысячи человек в талесах одновременно молятся. Нам позволили спеть там молитву. И мы сделали это так, что вызвали легкую ревность у солистов знаменитого местного хора. Наш коллектив уже вполне мог с ним конкурировать».

Вряд ли получилась бы реальная конкуренция. Хор Турецкого, несмотря на привязку к синагоге, потенциально являлся проектом секулярным и исключительно под храмовую сень не стремился. Так что иерусалимским собратьям по цеху опасаться не стоило. Кроме того, на ниве еврейской духовной музыки подвизается не так много исполнителей, чтобы кто-то кому-то перешел дорогу.

«Такой репертуар очень сложен, — поясняет Михаил Борисович, — поэтому за него мало кто берется. Оттого и проблемы „отмывания прав“ на песни фактически нет. Можно, при желании, спокойно работать с любым еврейским духовным сочинением, не вступая в сложные юридические отношения с какими-нибудь их правообладателями.

Формируя первую программу хора, я выбирал из того объема материала, который собрал в Штатах. Порой советовался с тем же Маловани и с Владимиром Плиссом, который в теме традиций и обрядов разбирался куда лучше меня. Да и в музыкальном плане он был достаточно подкован. Поэтому мы вместе отбирали некоторые номера. Консультировал меня и главный раввин России Адольф Соломонович Шаевич. У нас были хорошие отношения. Он благоволил нашему хору и даже в „нерабочее“ время поигрывал с нами в преферанс, делая по ходу игры смачные замечания.

После некоторых раздумий, поисков и проб сложилась весьма непростая программа: „Золотые страницы еврейской литургической музыки“. При этом мы понимали, что только духовных произведений для полноценного сольного концерта недостаточно, нужно их дополнить чем-то светским. Плисс реализации такой концепции не препятствовал. Да нам много и не надо было. Просто если ехали во Францию, то к основному репертуару добавляли, скажем, „Autumn Leaves“ из репертуара Ива Монтана, исполнявшуюся а'капелла на французском, в элегантной аранжировке. Для другой страны подбирали иной соответствующий хит. Короче, каждый концерт дополнялся парой „сувенирных“ номеров. Иногда под аккомпанемент рояля. Этого хватало для оживления программы. Хотя еврейская музыка сама по себе весьма разноплановая, во всяком случае, не такая

однообразная, как, например, григорианские хоралы. Евреи ведь жили во многих странах и везде приносили в свою корневую музыку местный колорит.

Конечно, можно было увлечься и клезмером. Но у меня не было инструментального ансамбля. Мы работали в другом жанре. Как классический мужской хоровой коллектив».

Религиозно-академических канонов хор Турецкого придерживался, впрочем, недолго. Осенью 1991 года «Джойнт» устроил ребятам двухмесячный тур по США и Канаде. «Эти гастроли все в нашей судьбе и решили», — не скрывает Михаил.

Полететь в Америку каждому в хоре не терпелось настолько, что ребята решили сделать это на три дня раньше, чем предусматривалось «приглашающей стороной». Все нашли, у кого в Штатах перекантоваться до момента переезда в жилье, обеспеченное «Джойнтом». Нетрудно, например, представить эйфорию 19-летнего Алекса Александрова, дождавшегося таки вояжа, ради которого он пришел в этот коллектив полтора года назад. До сих пор вспоминает, как «сразу после Америки купил себе машину, телевизор, „забил“ на учебу и был отчислен из Гнесинки». «Через несколько месяцев после отчисления мне посыпались повестки из военкомата, — продолжает Алекс. — Выкидывал их в помойку, но, когда получил предупреждение о скором вызове в прокуратуру, пришлось пошевелиться. С помощью Турецкого удалось „откосить“ от армии».

И Евгений Тулинов, ныне второй, после самого Михаила Борисовича, человек в хоре, тогда удачно зашел. «Я работал в другом поющем мужском коллективе под руководством Рыбина, — поясняет Евгений. — У нас там все было нормально „упаковано“, концертов хватало, в Германии месяцами находились. Но я как-то поссорился с руководителем, поднял мятеж и ушел. Тут, узнаю, у еврейского хора намечается поездка в Америку. Позвонил Турецкому, сообщил: „Миш, я свободен“. Мы же вместе в Гнесинке учились. Он на два курса старше. Я у него первую свою машину купил. Миша меня даже учил водить в Лужниках. Я рулил, а он нажимал на педали и еще при этом ел курицу. Мы оба люди контактные, так что отношения поддерживали. Турецкий меня в свой хор и раньше звал, но я деньги зарабатывал пением в православных церквях. А у Михаила дело пошло, проект перспективный, зарплата стабильная, гастроли зарубежные... Я подумал, как ни крути, у меня еврейские корни-то есть. Мой прапрапрадед раввином был, и в Израиле родственников много. Короче, пошел в хор к Турецкому и сразу попал в американское турне. На первые реальные валютные гонорары. До этого-то они в Европу, считай, даром ездили, за одежду...»

Еще одним вдохновленным новичком в той поездке был Евгений Кульмис. Выпускник челябинского музучилища, студент, опять-таки Гнесинки, в отличие от Алекса, прослуживший в армии пару лет, «от звонка до звонка». Он пришел в коллектив 21

июня 1991 года, прочтя в институтском общежитии объявление: «Мужскому хору Московской хоральной синагоги требуются дирижеры-хоровики, вокалисты». Женя не являлся ни тем, ни другим. Он занимался музыковедением. И темой своей дипломной работы этот парень с Урала, не без еврейских кровей, конечно, выбрал «религиозную музыку иудеев». «Хотелось чего-то необычного, — говорит Кульмис. — Меня как-то всегда тянуло к вокалу. И тема казалась подходящей. Когда узнал о хоре московской синагоги, подумал: почему нет? Схожу, попробую. Хотя бы поближе познакомлюсь с тем, о чем пишу. К тому же у меня имелся опыт работы в челябинском хоре».

Кульмис, обладатель inferнального баса-профундо, без которого ныне «Хор Турецкого» представляется с трудом, пришел к Михаилу («и тогда уже авторитетному» для него человеку) перед израильскими гастролями синагогального коллектива. Но в то путешествие его не взяли. «Оставили в России учить вокальные партии». Таким образом, именно выезд в Штаты стал для Евгения полновесной «пропиской» в хоре. После этой поездки он точно решил, что останется в данном проекте.

Братья Юрий и Марк Смирновы, Владимир Красов, Владимир Аранзон и другие солисты хора тоже в приподнятом настроении готовились к трансатлантическому перелету. И Турецкий пребывал в легком кураже. Он возвращался в США не в ранге стажера (каким являлся в 1990-м), этакого неопытного филиппка, посланного обучаться азам иудейской литургии, а как рулевой крепкого еврейского коллектива, уже поддержанного публикой в России, Европе, Израиле. Оставалось показать американским экспертам, именно тем, кто и финансировал хор, чего он стоит. Михаилу, словно по заказу, довелось на маршруте Москва — Нью-Йорк оказаться единоличным главой «русской делегации». Владимир Плисс улетел еще раньше и ожидал хор в Штатах.

Группа молодых голосистых мужчин ранним осенним утром 1991-го вылетела из «Шереметьева-2» в Новый Свет с пересадкой в известном ирландском аэропорте «Шеннон». Там они, «от избытка чувств и свободного времени, решили порепетировать и снять это на видеокамеру». Почти немыслимый сюжет для любой российской рок-группы, получившей в то время шанс прокатиться с концертами до Америки. На «перевале» в Ирландии музыкантов, скорее всего, уже персонально скликали бы из всех баров «транзитной зоны», предлагая пройти на посадку, которая официально закончилась. Но собранные Турецким солисты-«академики» почти не курили и пили мало, по крайней мере, «в присутствии шефа». Ради прикола оставалось даже в дороге петь. Картина вышла занятная. Международный аэропорт,

сотни по-разному релаксирующих в ожидании своих рейсов пассажиров вдруг слышат поверх фонового гула популярный свинг «Java Jive», исполняемый «вживую», хором поставленных голосов. Если это не Manhattan Transfer развлекается, то кто? Выясняется, что какая-то русская компания. Ничего себе! А «репетиция» хора меж тем разгорается. Ребята завелись, Турецкий прочувствовал момент. Продолжили «чем-то еврейским, французским, русско-цыганским». Народ подтягивался со всех сторон. Самой восторженной слушательницей оказалась шикарно одетая дама «в та-а-кой ювелирке!» (цитирую Михаила), попытавшаяся тут же наладить «он-лайн» трансляцию импровизированного концерта для своего собеседника, с которым в это время общалась по телефону (не мобильному тогда еще, а обычному, стационарному, висевшему в будке). В следующую минуту она подошла к заинтриговавшим ее музыкантам с вопросом: «Вы кто и откуда?». «Я ответил, — рассказывает Турецкий, — мы солисты хора московской синагоги, а вы, наверное, солистка большого американского бизнеса? И в общем-то не преувеличил. Ее звали Марина Ковалева. Искусствовед, эмигрантка из Одессы, живущая в США с 1973 года. Она создала там свою компанию „People Travel Club“, имела офис на Пятой авеню, а потом еще стала „мисс Лонг-Айленд-1993 в области бизнеса“. То есть выдающаяся тетенька.

В самолете мы сели рядом, и за пять часов я рассказал ей историю своей жизни. При этом поймал себя на мысли, что подобного общения у меня прежде никогда не было. Опираясь на собеседника, я выглядел явно умнее, чем есть на самом деле. Буквально на ходу начинал разбираться в самом себе...»

А Ковалева воспламенилась желанием. Сначала желанием как-то «продвинуть» хор, стать кем-то вроде его импресарио, покровительницей («Джойнт» она, видимо, сразу выводила за скобки) или свести Турецкого с нужными людьми, промоутерами, спонсорами и т. п. Оказывать помощь возбудившему ее страсть коллективу отзывчивая женщина принялась сразу после приземления на американскую землю, где ее встречал «муж-компаньон в красном галстуке». Кульмиса и братьев Смирновых нью-йоркские друзья, у которых они намеревались погостить «бонусные» дни, не встретили. И этой троице, на самом деле, повезло. Их забрала к себе Марина. «Три дня она показывала нашим мальчикам „Большое яблоко“ во всем разнообразии: от Метрополитен-музея до брайтонского ресторана „Одесса“, — повествует Михаил. — А потом у нас начались плановые гастрольные автобусные поездки по всей стране».

За полтора месяца хор объездил Штаты не менее

основательно, чем ранее Францию. «Концерты проходили в основном в еврейских общинных центрах, непохожих на синагоги, — объясняет Турецкий. — В одном комплексе находились клуб, музей, ресторан. Все выглядело вполне презентабельно. Мы выступали, скажем, в Metro Convention Centre, в Мемфисе, штат Теннесси, городе, где жил Элвис Пресли. У нас было ощущение пришествия в настоящую Америку. И повсюду нам сопутствовал грандиозный успех. Другой вопрос, что происходил он в достаточно локальной среде, а я понимал, что наш проект вполне пригоден и для более массовой аудитории. Мы динамично развивались и отнюдь не выглядели на сцене бедными евреями из бывшего Советского Союза, которых нужно поддерживать просто потому, что они, наверное, столько претерпели. У нас подобрался состав фактурных ребят, и хор превратился в модель, под которую благотворительные деньги не дают. Мне хотелось выйти с нашей программой за рамки синагоги.

Плисс, будучи человеком „Джойнта“, привел меня по окончании гастролей к Ральфу Гольдману, и я попробовал объяснить ему свою позицию. Сказал, что мечтаю выступать с хором в „Карнеги-холл“ и залах такого ранга, потому что произведения Зильберта, Новаковского, Мендельсона могут прекрасно там звучать, как звучит „Всенощная“ Рахманинова в Большом зале консерватории. Он ответил: „У нас нет задачи сделать вас концертным коллективом. „Джойнт“ — не промоутерская фирма, а благотворительная организация“. Гольдман — хороший старик, но наши взгляды в данном вопросе абсолютно расходились. В „Джойнте“ не порадовались возрастающему успеху хора, не сказали нам: „Ребята, мы вас создали, вы правильно развивались. Теперь, давайте, мы найдем вам хорошего промоутера, подпишем контракт года на три и будем вас катать по всему миру“. Мы бы тут же согласились. Я ведь не говорил: „Идите на хер, я — крутой и без вас все смогу!“ Напротив, просил — помогите нам. Но они говорили: а нам это не надо. И думали: мы сейчас Турецкого уберем, и он окажется колоссом на глиняных ногах. А сами создадим другой хор.

Гольдман и Плисс, при мне, на той нашей встрече, разговаривали на иврите и английском, и, насколько удалось понять, они обсуждали мои возможные самостоятельные действия. Гольдман понял, что Турецкий достиг того положения, когда сам сможет просить у богатых людей средства на содержание своего коллектива, им уже не получится управлять. Из младшего партнера он превращается в конкурента.

Безусловно, я осознавал, что, идя на конфликт с „Джойнтом“,

рисковую потерять все. Сейчас готов согласиться с мыслью, что моя принципиальность и независимость в тех переговорах подпитывались впечатлением от общения с Ковалевой. Я верил, что она, в случае необходимости, меня поддержит».

В то же самое, судя по всему, верили и остальные хористы, ибо все они остались на стороне своего лидера. «Меня рассчитывали просто устранить из коллектива и подыскать другого хормейстера, — рассуждает Михаил, — но ребята не ушли с Плиссом к „Джойнту“, а пошли со мной в никуда. Они хотели того же, что и я. И я пообещал: не бойтесь, что-нибудь придумаем. Хотя, конечно, был удивлен и обрадован, что солисты проявили такую солидарность со мной. В Москву мы вернулись уже не коллективом „Джойнта“».

«Для меня Турецкий был главным, а Плисс — посторонним человеком, — без политесса объясняет Александров. — Поэтому в той ситуации даже не размышлял, оставаться с Мишей или нет. Я изначально пришел к нему в коллектив, а не в синагогу петь. Да и никаких предложений от Плисса не звучало. У него с Мишей какой-то разговор тет-а-тет состоялся, и все определилось».

«Гольдман признавал, что хор сделал именно то, чего от него ждали, — говорит Плисс, — и обещал, что к следующим американским гастролям „Джойнт“ постарается организовать коллективу концерты в лучших залах США. Но я видел, что Мише ждать не хотелось. Он и его ребята почувствовали: тех денег, которые они могли бы получать уже сейчас, от сотрудничества с „Джойнтом“ придется ждать очень долго или их вообще в таком объеме не будет. Аппетит у хора разыгрался».

К тому же, пока мы работали с „Джойнтом“, официально художественным руководителем коллектива считался я, а Турецкий был только дирижером. Понятно, что Мишу такой расклад, наверное, как-то стеснял.

Я знал об их встрече с Ковалевой по пути в Америку, знал, что она к ним хорошо отнеслась и даже устроила им какое-то выступление. Мы с Турецким совершенно открыто и конкретно поговорили. Он сказал: „Марина обещает нам вместо автобусов, на которых мы сейчас ездим по всем Штатам и Канаде, авиаперелеты. Вместо проживания в чьих-то семьях отдельные номера в приличных гостиницах. Концерты не только в еврейских культурных центрах, но и на больших площадках, для разной аудитории“.

У меня никакого опыта и контраргументов, чтобы отговорить Михаила от столь заманчивых перспектив, не было. Я — не великий продюсер. Зато у меня были очень серьезные моральные обязательства перед теми, кто дал нам деньги на хор, перед

легендарным Гольдманом. И хотя Миша пригласил и меня пойти с ним, возможно, в качестве директора коллектива, я согласиться не мог. И при поддержке „Джойнта“ начал собирать другой хор».

«Владимир Борисович не был ретроградом, реакционером. Вполне компанейский „пацан“ из Вологды, на восемь лет старше меня, — рассказывает Турецкий. — Просто работа у него была такая — главный кантор синагоги, предполагающая определенный стиль официального общения, из серии „да“ и „нет“ не говорить. А так он любил и выпить, и гульнуть. Ничто человеческое было ему не чуждо. Я познакомил его с Мариной, они даже встречались, разговаривали. Мало того, Марина встречалась и с представителями „Джойнта“, а я предлагал Плиссу остаться с нами. В общем, процесс отмежевания хора от своих родоначальников развивался без враждебности».

«Я почти не задумывался над сложившейся ситуацией, — уверяет Тулинов. — Турецкий никогда не ошибался, и мне хватало его реакции на происходящее. Если он решил, что уходим от „Джойнта“, значит, уходим. Да и какие еще варианты тогда у меня имелись для профессионального заработка? Только опять идти в церковь петь».

Пока длилось первое американское турне московских хористов под предводительством Турецкого, очарованная Марина Ковалева не только продолжала искать варианты для процветания понравившегося ей коллектива, но и прониклась глубокой симпатией к его дирижеру.

«Послушав нашу пластинку, Марина предложила сделать нас государственным хором Израиля. Мол, у нее есть такие возможности, — вспоминает Турецкий. Я признал, что это круто, но не предел моих мечтаний. Вряд ли сразу весь наш хор захочет эмигрировать в Израиль. Значит, остается лишь вариант, что нам обещают там такие суммы, перед которыми нельзя устоять. Мы с ней вместе похихикали над этим предположением». А вскоре у Марины и Михаила завязались столь страстные отношения, что они вполне вписались бы еще одной новеллой в «Декамерон» Боккаччо. Крепкому Турку пришлось вновь подтвердить обоснованность своего детского прозвища. И в физическом плане (но сие детализировать не будем), и в моральном. Теоретически он мог забросить доверившихся ему солистов, так же, как и «Джойнт». Ковалева, в порыве чувств, сулила ему всяческие гарантии его личного благополучия. Однако Турецкий устоял перед соблазнами и сохранил, по завету Экзюпери, ответственность за тех, кого «приручил».

«Меня не беспокоило, „повелся“ Миша на посулы Марины или нет, — разъясняет Алекс. — Я просто слепо верил лидеру.

Нас так учили в хоровушке. Либо ты признаешь командира и должен ему доверять, либо уходи в сторону. Да и обещаний особых нам никто не давал. Ну, появился вроде какой-то вариант чаще ездить с концертами в США. Так вот мне сейчас 40, и я сорок раз был в Америке. Так что меня не обманули.

Мог ли Турецкий „соскочить“, „зацепиться“ за Ковалеву, осесть в Штатах, а нас оставить не у дел? Сомневаюсь. Он прежде всего музыкант. В тот момент только-только создавший свой коллектив. Зачем ему бросать любимое дело? При необходимости он мог остаться в Америке и по-другому. Да и покровительство женщины тема двоякая и непредсказуемая. Все до той поры, пока ее левая пятка не захочет чего-то другого. А Миша заточен на самостоятельность и главенство».

Фактически одновременно с обретением Михаилом желанной творческой независимости завертелся и маховик российских непредсказуемых «девяностых». Граждане теперь уже бывшей Страны Советов воспалено прикидывали, как с выгодой эксплуатировать добытую (или полученную) ими свободу. Либерализация цен, приватизация, ваучеры, частные компании, губернаторские выборы, открывшиеся границы, олигархи, «челноки», братки, разборки, дикий шоу-бизнес... Люди в одночасье меняли род своих занятий. Инженеры становились продавцами, педагоги — таксистами, актеры — политиками, музыканты — бизнесменами и т. д. Турецкому, на пороге собственного 30-летия оставшемуся без «Джойнта», консервативного, но надежного заокеанского партнера, требовалось срочно «что-нибудь придумать», как он пообещал, не отрекшимся от него солистам своего коллектива. Кроме обитавшей в Америке энергичной миссис Ковалевой, никакого «стратегического ресурса» у Михаила не было. Ни хваткого продюсера, ни щедрого спонсора, ни репетиционной базы, ни представления, а куда, собственно, податься со своим камерным, да еще и еврейским хором? Даже в московскую синагогу, если станет совсем кисло, на прежних условиях уже не вернуться. Там, как и следовало ожидать, быстро обосновался новый проект «Джойнта» и Плисса «Хор Академии канторского искусства» под руководством Александра Цалюка.

«Сашу пригласил я, — повествует Владимир Борисович. — Хороший парень. Сейчас руководит Хасидской капеллой. Но того драйва, блеска, что были у Турецкого, в нем не наблюдалось. Я стал пробовать другие варианты. Позвал Павла Балона из Санкт-Петербурга, Сережу Серебрянникова, который учился вместе с Мишей у Семенюка. И все же, спустя время, понял, что ошибался, полагая, будто любой представитель российской музыкальной хоровой школы способен управлять таким проектом.

Да, с новым коллективом мы тоже гастролировали в Европе, Америке, Израиле. Но раз не было у него той искры, что наблюдалась в первом варианте хора московской синагоги, то и резонанс от выступлений выходил скромнее. Все-таки самые сильные ребята остались с Турецким».

И эти ребята в 1992-м хотели, чтобы Михаил обеспечил их постоянной, достойно оплачиваемой работой. А сам он хотел,

чтобы такая работа еще и преумножала известность коллектива, расширяла его стилистический диапазон. С подобными запросами в России Турецкому и компании пока ловить было нечего. Напрашивалось возвращение в Штаты. Так и поступили. Начали (спасибо Марине) с «презентации нового хора» в малом зале нью-йоркского Линкольн-центра. Но прессу, для промоушена, подогнать туда не удалось (да этим вопросом никто и не озадачивался), а публика на концерт пришла, та же, что и раньше, то есть еврейская. Шага на «другую орбиту» не получилось. Следующим существенным эпизодом (по крайней мере, в плане заработка) для хора Турецкого стало сотрудничество с Хаимом Винером. «Это богатый человек из Майами, со своим строительным бизнесом, — поясняет Михаил. — Помню, когда мы с ним познакомились, он подкатил на шикарном „Мерседесе“, весь такой модный. В качестве хобби Винер пропагандировал искусство американских канторов по всему миру. Возил их в Россию, Израиль, Южную Африку. Они собирали огромную аудиторию. Получалось нечто вроде шоу „три тенора“, только, допустим, „три кантора“. Сейчас волна интереса к таким выступлениям сошла. Более популярны клезмер-музыканты и хасиды в роке, достаточно назвать The Klezmatics или Матисьяху. И это объяснимо. У еврейской литургической музыки — слишком узкий рынок. Потому-то нам и стало в ней тесно, мы поняли, что уже сказали здесь все, что могли. Хотя осваивали мы ее с огромным кайфом и сегодня порой с удовольствием к ней обращаемся.

Так вот Винер тогда увлекся нашим проектом. Еще бы — хор евреев из России! Он предложил нам 20 тысяч долларов за восемь выступлений во Флориде, Джорджии, Южной Каролине. Сумма показалась хорошей. Плюс к тому — проживание в дорогих отелях, достойные концертные площадки с качественным звуком, респектабельная публика. Винер, между прочим, и посоветовал нам в заключительную часть программы добавить немного популярной музыки: „Калинку-малинку“, „Очи черные“, какую-нибудь известную оперную арию, скажем из „Набукко“ Верди, где поет хор рабов-иудеев... Но и он всерьез раскручивать нас не собирался. Хаим просто сделал серию наших концертов, потому что ему это было интересно».

На полученный гонорар Михаил и его коллеги смогли какое-то время более-менее сносно жить на родине, попутно неплохо приодевшись в американских магазинах. Турецкий теперь пребывал сразу во всех ипостасях: дирижера, продюсера, менеджера. Разумеется, и заработанные хором деньги делил между солистами лично он. Функция, как вы догадываетесь,

щекотливая. Ущемленные, сомневающиеся, что-то подозревающие найдутся даже в самом толерантном, интеллигентном коллективе. Михаил Борисович раскрыл в себе способность править жестко, но не бескомпромиссно.

«Если, допустим, Сережа Власов спрашивал меня: „Почему Бомштейн получил 400 долларов, а я 250?“ — говорит Турецкий. — Я отвечал ему: это не то, о чем ты мог подумать, Сергей. Не потому, что ты — Власов, а он — Бомштейн, а потому, что без Бомштейна ты бы здесь, в Америке, не пел. Твой вокал отдельно продать нельзя, а его — можно. И ты, Власов, должен понимать, что Бомштейн, Воинов, Крайтман — настоящие солисты с классным тембром, а тебя я взял, поскольку ты мой друг со студенческой скамьи. Но ты — дирижер-хоровик, а они — певцы. Ты — обмотка, они — струны. И не надо обижаться. Аплодируют-то Бомштейну. Но Власов все-таки обижался. И на каком-то этапе ушел из группы. Он слегка ленивый был, любил спать по утрам долго...»

«В профессии Турецкий особо не миндальничает, — подчеркивает Плисс. — Мы с ним во время первых гастролей в Израиле, помню, долго спорили об одном из пожилых солистов бывшего хора Московской синагоги. Миша говорил, что по возрасту не может взять его в новый состав коллектива. Он не подходил под изменившуюся концепцию хора. То есть мыслил по-деловому, чисто прагматично. А я не соглашался, поскольку тот солист был уважаемым человеком, столько лет проработавшим с нами в синагоге...».

«Мне близка и удобна демократичная среда общения, но я вынужден в работе быть жестким и где-то самодержавным, — объясняет Михаил. — Иначе управлять большой компанией талантливых людей не получается. Многие до сих пор удивляются, как мне удастся удерживать вместе столько взрослых, разных мужчин, а теперь еще и женщин, так, чтобы между ними не возникало принципиальных разногласий и ссор».

Острые конфликты в истории хора Турецкого все же случались. Иногда совсем частного характера, иногда касавшиеся всех членов коллектива. Наиболее значительный эпизод, где Михаилу пришлось проявить максимум своей руководящей мудрости и изощренности, произошел в начале 1993 года, в ту пору, когда хор все еще искал свое место под солнцем и перебивался спонтанными американскими гастролями, по-прежнему устраиваемыми Ковалевой и ее знакомыми.

«Наши выступления в Штатах происходили таким образом, что немало дней мы проводили в праздном ожидании, — вспоминает Турецкий. — Скажем, чтобы дать там 20 концертов и

заработать более-менее приличную сумму, требовалось находиться в стране месяца три, поскольку летать туда-обратно невыгодно. Делаем за уикенд три концерта, потом десять дней „простоя“, еще три концерта, и снова неделю „дурака валяем“. График, надо заметить, только с виду привлекательный, вроде не слишком напряженный. На самом деле, пребывать в таком состоянии довольно быстро надоедало. Репетиционной базы, где мы могли бы планомерно творчеством заниматься, у нас там не было. Поэтому коротали время, как придется.

В очередной приезд мы сняли две квартиры в Бруклине, туда отправилась большая часть коллектива и одну на Манхэттене, в нее заселился я еще с несколькими ребятами. Гуляли по Нью-Йорку, в музеи ходили, в парк, на спектакли удавалось кое-куда попасть. Ждали гастролей по Калифорнии. А до этого нам предстоял выезд на пару концертов в Майами. Так вот, между концертами на двух американских побережьях у нас был интервал аж в 12 дней! И некоторые участники хора не хотели столько времени ждать. Один был влюблен, рвался к своей девушке в Россию, другой не верил, что в Калифорнии (а там предстоял хороший маршрут: Сан-Диего, Лос-Анджелес, Сан-Франциско) нам заплатят обещанный гонорар, третий еще о чем-то думал. Мозги-то от безделья плавают, и в голову лезут дурные мысли. В общем, начались брожения в умах. Причем те, кто жил со мной, абсолютно не нервничали. Они получали информацию от меня и знали, что все идет по плану. Те же, кто оставался в Бруклине, варились в своем котле и чего-то себе придумывали. В результате они прислали мне почти официальное коллективное письмо, которое, мол, продиктовано желанием сохранить коллектив и т. д. В письме говорилось, что они не хотят ехать в Калифорнию, не верят в надежность этих гастролей, и все такое прочее. В сущности, это был ультиматум. Я понял, что „протестантам“ надо либо двойной гонорар авансом выплатить (хотя они конкретно так свои требования не формулировали), либо сделать что-то еще.

До выезда в Майами, того, что предшествовал турне в Калифорнию, я „отморозился“. Решил, что разберусь с проблемой в ходе 28-часового автобусного переезда. Мозг мой в дороге сочинял комбинацию, как развести компанию. Я вспомнил знаменитый метод „разделяй и властвуй“ и проанализировал личности всех восьми подписавшихся.

Среди них был 21-летний Алекс Александров. Он в хоре фактически с момента его основания. За четыре месяца до этой поездки я, с помощью „своего“ человека в военкомате, за 300 долларов „отмазал“ его от армии. А он теперь, значит, пишет

письмо „турецкому султану“. Ладно, думаю, умник, я тебя назад, в армию, отправлю. Дальше посмотрел на двух поющих, практичных евреев — Леонида Бомштейна (он сейчас солист Большого театра) и Володю Аранзона (он теперь главный кантор одной из синагог в Миннеаполисе). Серьезные профессионалы, вероятно, попавшие под горячую руку подстрекателей. Затем — два брата Смирновых — Юра, влюбленный в московскую девушку, и Марк. Еще Владимир Крайтман, уважаемый опытный человек, с которым я познакомился когда-то в театре Юрия Шерлинга. Странно, что он подписал это письмо...

Первое, что я сделал — подошел к Аранзону: „Владимир, сколько нужно денег вперед, чтобы ты остался и не уезжал в Москву?“ Он сказал: „400 долларов“. Я ответил: „Считай, что ты их имеешь“. Тот же вопрос задал Бомштейну. Он ответил: „350 долларов“. Я сказал: „Имеешь. Получишь их в ближайшие двое суток“.

Я знал, что в Калифорнии все будет нормально, полные залы, билеты хорошо продаются, и мог что-то достать из „зачатки“, которую восполнил бы после тех концертов.

С Алексом разговор состоялся иной: „Алексей, вы подписали письмо. Вы можете уезжать“. И еще одному пацану, Стасику, сообщил: „Вы уволены“. Крайтману предложил: „Володя, вы хотите до поездки в Калифорнию слетать в Москву? Я вас отпускаю“. Юре Смирнову, этому Ромео из Чертаново, понимая, что влюбленного деньгами не купишь, тоже позволил уехать. Пусть слетает и вернется. Да, на этом я финансово немного „попаду“, но спасу коллектив. Смирнова отпустил, без возмещения обратного билета, а Крайтману гарантировал оплату билета туда и обратно.

И они запутались. Кто-то задумался: на хрена вообще уезжать? Вот Алекса и Стаса за такую попытку уже уволили. Надо заметить, что прежде чем провести „индивидуальные беседы“ в автобусе, я собрал весь коллектив на одной из первых остановок в пути, возле какого-то „Макдоналдса“, и произнес: „Дорогие друзья, это не простой бизнес, и никому из вас не будет позволено его развалить“. Кроме того, те, кто письмо не подписывал, тоже призывали „бунтовщиков“: „Вы что — дураки? Одумайтесь“.

Инициаторы раскола, видимо, думали: без нас Турецкому конец. Он же не поедет в калифорнийский тур с половиной хора, не досчитавшись басов, других солистов. Значит, „прогнется“ и в дальнейшем мы сможем диктовать ему свои условия. Но настрой у меня был решительный. Если бы восемь человек все-таки в тот момент ушли, я бы отменил гастроли в Калифорнии, вернулся с

оставшейся восьмеркой в Россию и принялся бы собирать новый хор. В детстве я ведь любил играть не только в „слона“, но и в „царя горы“. Забираешься на вершину ледяной горки, каждый пытается оттуда тебя столкнуть, а ты упираешься. Если все же столкнули, катишься вниз и начинаешь новое восхождение на пик, чтобы опять крикнуть оттуда всем: „Я — царь горы!“»

Из того противостояния Михаил вышел «со щитом» и даже новой формулой построения коллектива. «К дате выезда в Калифорнию со мной остались 13 человек, вместо 16, — продолжает Турецкий. — Мандраж, конечно, некий ощущался: как же мы выступим в таком усеченном составе? Но после концертов в Майами задержались там на несколько дней, нашли репетиционное помещение, плотно поработали, раскидали все вокальные партии на нашу „чертову дюжину“ голосов и решили, что справимся. Калифорнийские концерты прошли блистательно. Я понял, что, в принципе, могу сокращать число участников хора. В этом случае просто вырастает ответственность и значимость каждого солиста. Через год, в 1994-м, в „Джордан-холле“ Бостонской консерватории, мы дали потрясающие концерты, тоже имея в составе не 16, как ранее, а лишь 14 человек. Тогда же сделали пять успешных выступлений в Лос-Анджелесе, где, кстати, выручили рекордную сумму, чуть ли не три тысячи долларов, только с продажи наших кассет.

Вообще, после „подавления бунта“ мой самодержавный авторитетик в хоре укрепился. Алекс, между прочим, чуть ли не стоя на коленях, просил его не увольнять, и Стасик просил...»

«Конечно, моя подпись под письмом Мишу больше всего задела, — говорит Александров. — Мы не первый год дружили, вместе отдыхать в Крым ездили, занимались с моей мамой английским, он помог мне в вопросе с армией... Миша, на самом деле, тогда меня из хора не выгонял. Сказал, что ему жалко мою маму и ради нее он меня оставит. А я ему возражал: не надо на маму мою ссылаться... Ну, понятно, что были между нами трения.

Потом я просил прощения. Но не подписать то письмо не мог. Иначе выглядел бы изгоем в глазах тех, с кем не одну неделю провел вместе в Бруклине. Мише бы мой отказ понравился, а они стали бы говорить, вот Алекс такой-сякой, любимчик Турецкого, может еще и „постукивает“ ему. Мы ведь вместе с ними обсуждали сложившуюся ситуацию, сетовали на то, что долго сидим в Нью-Йорке без дела, проедаем собственные деньги. Когда составляли письмо, надеялись, что нас послушают, и мы всем хором свалим из США, чтобы до следующих гастролей побыть дома и привезти туда хоть часть уже полученных гонораров».

Наиболее загадочную позицию в том конфликте занимал

Евгений Тулинов. Письма он не подписывал, но взгляды «оппозиционеров», в целом, разделял. Возможно, о своей «закадровой» деятельности в этой истории он когда-нибудь подробно расскажет в собственных мемуарах. Пока же Тулинов хранит тайну.

Зато Евгений Кульмис предельно ясен: «Ультимативное письмо показалось мне каким-то глупым поступком, — говорит Женя, — поэтому я в этой затее не участвовал. Во-первых, не очень понял, из-за чего подписанты копия ломали. Во-вторых, меня все устраивало. Необходимости срочно срываться домой я не видел, хотя уже собирался жениться, и меня в Москве ждала невеста. Но я верил Турецкому, как человеку способному поднять интересный проект, и ориентировался на его мнение. С годами все чаще убеждаюсь, даже если изначально кажется, что Михаил не прав, потом выяснится, что он все-таки прав. У него какая-то удивительная интуиция.

Мстит ли он тем, кто пытается сделать что-то ему наперекор? По-моему, нет. Он, конечно, руководитель взрывной, эмоциональный, но не мстительный, клянусь своими детьми. Более отходчивого человека я в жизни не видел».

«Тех, кто меня фактически предал, поставив подпись под тем письмом, я простил, — подтверждает Турецкий слова Кульмиса. — Глубоко мою душу они не ранили. Я понимал: они „продукт“ советской системы. Их всегда, везде обманывали. Мало того, с подобным недоверием я и сейчас сталкиваюсь в группе „Сопрано 10“. Если девушкам, условно говоря, 25-го числа что-то не добавили, не выплатили, то 26-го им начинает видаться в этом некий подвох, уж не „кидают“ ли их? Очень ранимый у нас народ, привыкший жить в атмосфере недоверия, без гарантий, когда слово человека ничего особо не значит. И тогда в Америке я понимал, отчего возникла такая реакция наших артистов, и сильно не злился. Через месяц вообще забыл про ту историю».

«А меня ребята из хора долго подкалывали на эту тему, — признается Александров. — Миша Кузнецов любил с интонацией Турецкого произносить: „Я ему предлагаю: может, поедem в Калифорнию, а Алекс мне — нет, я служить в армии хочу“.»

Михаил Кузнецов — еще одна неотъемлемая фигура «Хора Турецкого», с тех давних дней маеты и заокеанского скитальчества коллектива по нынешнее время его благополучия и постоянной востребованности. Вокальный антипод Кульмиса, удивляющий публику парадоксальными экзерсисами тенора-альтино. По классификации Турецкого он точно не «обмотка», а именно «струна».

«Мы с Михаилом Борисовичем пересеклись во время учебы в

Гнесинке, — с непривычным пиететом к коллеге-ровеснику высказывается Кузнецов. — Сблизились на теме активного отдыха. Лыжня, бассейн — вот то, что нас объединяло. Ну, и серьезное отношение к учебе. Я не удивился, когда он пригласил меня в хор. А к кому, прежде всего, обращаться, затеявая собственное дело, как ни к тем, кого лучше всех знаешь? Предложение мне понравилось. Я классический музыкант, хоровик. Было желание работать по специальности, продавать свое образование, на которое (если считать музыкальную школу) потратил порядка 17 лет. Страна в тот момент развалилась. Что дальше — непонятно. Родился и учился в одной экономической формации, а работать и жить предстояло в совершенной другой. Чем еще мне, кроме музыки, заниматься? Торговать не умею. Идти в таксисты не очень хотелось... Вариант с хором оказался наиболее конкретным и близким мне по духу. Хотя многим из моих институтских знакомых пришлось кардинально поменять профиль своей деятельности. В лучшем случае, кто-то из них устроился музыкальным редактором или преподавателем, то есть что-то рядом с музыкой, но не непосредственно в ней. Профессиональными исполнителями из той плеяды хоровиков, которым сейчас 50, остались единицы. Вот, скажем, мы с Михаилом...»

«В начале 1990-х возникало немало возможностей „съехать“ из профессии, — говорит Турецкий. — Например, мой приятель Юра, с которым мы когда-то трудились грузчиками в магазине, за несколько лет стал таким полуолигархом, побывал даже на какой-то должности в московском правительстве. Он открывал разные бизнесы: бюро путешествий и прочее. Нуждался в проверенных, толковых партнерах. И поскольку считал, что я имею „менеджерскую жилку“, в 1993 году пригласил меня работать в свою компанию за зарплату в 5 тысяч долларов. На такую сумму можно было весь хор содержать целый месяц. Но я не согласился, ибо каждый должен заниматься своим делом. Уйдя в бизнес, я все равно тосковал бы по музыке...»

10 глава

Борис Абрамович, помогите, чем можете

Сегодня-то мы знаем, что для стойкого хормейстера Турецкого все в итоге сложилось хорошо, как в голливудских блокбастерах. Он покориł большую эстраду, сделал музыку своим бизнесом, избежав тем самым и тоски, и нужды. Однако в «девяностых» такая «нирвана» была от Михаила столь далека, что в любую секунду он мог усомниться в ее достижимости. Самостоятельное существование давалось его коллективу, мягко говоря, непросто. Как эффективно и эффектно предложить свой хор в черных сюртуках, бабочках и кипах широкой публике Турецкий тогда еще не решил. «Америка кормила нас три-четыре месяца в году, — рассказывает Михаил. — В остальное время мы искали работу в России. Концертов здесь не хватало, и платили нам за них поначалу существенно меньше, чем в Штатах. Правда, для репетиций был вагон времени. Мы сидели, почти ежедневно, в одном детском культурном центре возле метро „Алексеевская“ и по многу часов оттачивали свое мастерство. В 1993 — 94 годах наш репертуар стал пополняться эстрадными номерами. На сцене мы, по-прежнему, пели а'капелла, но уже без пюпитров. Приезжая в США, как и раньше, выступали в общинных еврейских центрах, но от нас и там все больше ждали миксовых концертов. Мол, вы нам попойте нашу национальную, историческую классику, а потом исполните, допустим, „Бесамэ мучо“ или что-то еще популярное.

Казалось бы, такие кавер-версии могли сыграть и какие-нибудь местные клубные музыканты. Но когда это звучит „бонусом“ к циклу духовных песен, в исполнении большого мужского хора, появляется совсем иная красочность. Нас самих, как солистов, заводило подобное жанровое сочетание».

Аккурат в момент возникновения у Турецкого первых размышлений о повороте хора в сторону contemporary-стилистики американская ассоциация канторского искусства наградила его орденом «Золотая корона канторов мира». Судьба словно специально подбрасывала Михаилу определенные «маяки», дабы он придерживался прежнего, литургического курса. Его и в Лондон в тот момент зазывали вместе с хором на постоянную работу. Но опять-таки при еврейском общинном центре, где коллективу, так или иначе, суждено было довольствоваться «местечковым», пардон, форматом. Не для того Турецкий «взбрыкнул» перед боссами «Джойнта», чтобы приплыть в ту же

самую гавань. От британского предложения он отказался, продолжив искать собственную формулу успеха.

«Помимо регулярных поездок в Америку, где-то со второй половины 1993 года мы стали понемногу наведываться и в российскую глубинку, — рассказывает Михаил. — Каким-то образом нас иногда приглашали в поволжские или уральские города. Такая обоюдная экзотика получалась. Еврейский хор там был, конечно, в диовинку. А для нас, после Штатов, непривычно выглядели реалии российской провинции. К тому же мы за несколько лет привыкли к некоторым иудейским традициям, разделению пищи и всего прочего на „кошерное“, „не кошерное“ и т. д.

Вспоминается, как однажды по пути в Челябинск остановились на трассе, возле бабушек, торговавших разной нехитрой снедью: сосиски, огурцы, бутерброды, семечки... Кушать жутко хотелось, но купить ничего не решились. Как-то стрёмно вся еда выглядела, а для некоторых из нас еще и не кошерно. Возвращаясь назад в автобус, краем уха слышал, как бабушки переговаривались между собой: странные мужики какие-то, спрашивают, из чего сосиски сделаны, про кошер чего-то говорят. Секта, наверное...

Публика уральская, однако, принимала нас шикарно. Как откровение прочел в одной екатеринбургской газете заметку, в которой утверждалось, что „Московский еврейский хор произвел фурор в нашей филармонии, это был лучший концерт сезона“. Ничего себе, подумалось. Пора бы всерьез заняться гастрольями по России. Но как, с чьей помощью? Эти вопросы продолжали оставаться без ответа».

Максимум, на что мог рассчитывать в то время коллектив Турецкого на родине, — отдельные ангажементы в академических залах, где правили более-менее расположенные к чему-то необычному директора. И в Америке — вершиной хора являлось уже упомянутое в этой книге выступление в «Джордан-холле» Бостонской консерватории. Событие, бесспорно, значительное для любого классического музыканта, но никак не повлиявшее на расширение зрительской аудитории, ведомого Михаилом «поющего отряда». В «Карнеги-холл» его, после такого внушительного представления в двух отделениях (состоявшего из еврейских духовных произведений, русских народных песен, оперных фрагментов, европейской эстрадной классики), все равно не позвали. Просто потому, что точно подать этот бостонский сольник каким-нибудь влиятельным заокеанским промоутерам и критикам не удалось. Они на данном мероприятии не присутствовали.

Сермяжный путь типа финансово привлекательной «халтуры» в русских штатовских ресторанах вроде, прости господи, брайтонского «Кавказа» ребятам тоже был заказан. Им элементарно не хватало репертуара и имиджа, удовлетворяющего публику подобного заведения. Круг поиска вариантов для достойного существования хора выходил до обидного узким.

«Тот же самый приятель Юра, что когда-то звал меня к себе на работу, в 1994-м порекомендовал мне обратиться в компанию „ЛогоВАЗ“, — вспоминает Турецкий. — Объяснил так: „Возглавляет ее Борис Абрамович Березовский, человек широких взглядов, любящий необычное, экстравагантное. Попробуй с ним поговорить. Все-таки он богатый еврей, а ты занимаешься богоугодным делом“. Я решил посоветоваться с Адольфом Шаевичем, с которым мы продолжали поддерживать хорошие отношения. Сказал, что хочу обратиться с просьбой о поддержке хора к Березовскому, чтобы нам какую-то зарплату платили. А то в Москве мы сидим без копейки, у нас ни кола ни двора. Затем написал письмо в „ЛогоВАЗ“ на имя Бориса Абрамовича. Рассказал, что мы — коллектив академических музыкантов, несколько лет восстанавливаем традиции еврейской литургической музыки, мечтаем развиваться, нуждаемся в вашей помощи. Хотим снять фильм о нашем хоре, показать свое выступление по телевидению.

Березовский отреагировал довольно скоро и по-деловому. В такой-то день у него будет минут 25, перед выездом в аэропорт, и он готов с нами встретиться. В назначенный срок он приехал с заместителем гендиректора „ЛогоВАЗа“ Михаилом Гафтом в московскую синагогу (и после расставания с „Джойнтом“ мы периодически продолжали там петь и репетировать), и за отведенное время мы показали им, как говорится, все грани нашего таланта.

Березовский сказал: „То, что я услышал, — гениально. Даю вам 5 тысяч долларов в месяц“. Мы раскидали эту сумму на 20 человек, и получилась неплохая прибавка к нашим нерегулярным на тот момент концертным заработкам.

Я и с руководством ОРТ тогда встретился. Конечно, мы в формат канала не попадали, но как культурологическое явление, да еще и симпатичное Борису Абрамовичу, фактическому владельцу ОРТ, нас вполне могли по ТВ показать.

Попробовал законтачить и с матерым продюсером Юрием Айзеншписом. В России в первой половине 1990-х настолько стремительно все менялось, что при моих частых, продолжительных отъездах в Америку я не успевал оценивать происходящее. Возвращался всякий раз из Штатов с ощущением,

что тут, на родине, за время моего отсутствия целая жизнь прошла. Кроме того, в те годы у меня еще не было продюсерского опыта. Я не понимал, какие механизмы задействовать для раскрутки группы, практически никого не знал в отечественном шоу-бизнесе. А уж как пиарить брэнд „еврейский хор“ в славянской стране, совсем представления не имел. Поэтому готов был принять любую помощь. Айзеншпис, с его возможностями, как мне кажется, мог повернуть нас в сторону клезмерской музыки или в стилистику сестер Берри. И это, наверное, хорошо бы пошло по телевизору, а значит, и по стране. Но он хотел, чтобы под такой проект я добыл ему у Березовского миллиона полтора долларов. Сомневаюсь, что Борис Абрамович выделил бы такую сумму Айзеншпису. К тому же внятного бизнес-плана, насколько я понял, у Юрия Шмильевича не было. Да и у „ЛогоВАЗа“ постепенно начинались какие-то сложности, Березовского уже волновали совсем другие вопросы. Вскоре его финансовой поддержки мы лишились. Еще какое-то время нам помогал главный компаньон Березовского — Бадри Патаркацишвили. Помню, однажды он подошел ко мне с нашим диском духовной музыки и попросил мой автограф. Сказал, что слушает эту музыку в машине, она его вдохновляет. Но потом и с ним контакты закончились».

Меж тем коллектив, ведомый Турецким, приблизился в 1995-м к своему пятилетию. Юбилей скромный, но, как «инфоповод», для устройства чего-нибудь эксклюзивного подходящий. Дату решили отметить большим сольником в Рахманиновском зале столичной консерватории. Его почтил своим присутствием Иосиф Кобзон. «Там мы и познакомились, — говорит Михаил. — Иосиф Давыдович подарил нам после концерта огромный букет. Сказал, что ему очень понравилось и даже пригласил хор на открытие ресторана „Максим“ с участием Пьера Кардена. На Кардена мы тоже произвели неизгладимое впечатление. Уже тогда у нас, в принципе, появился шанс сделаться востребованным элитарным корпоративным коллективом. Вообще, тот концерт в БЗК для меня сродни Рубикону. Им фактически завершился классический этап нашего творчества».

Чтобы в полной мере прочувствовать метаморфозы, произошедшие с хором в дальнейшем, рекомендую посмотреть видеOVERсию того «консерваторского» выступления. Его отсняли для истории, и многие фрагменты фильма выложены на «ютюбе». Некоторых аксакалов нынешней «арт-группы» Турецкого в этом кино, возможно, родные мамы не сразу узнают. А те зрители, кто открыл для себя Кузнецова, Александрова, Тулинова, даже Турецкого, лишь в «нулевых», вообще удивятся не по-детски.

Команда, приучившая сегодня своих поклонников к динамичным, стилистически емким, мюзик-холльным шоу, с подвижными, элегантными солистами, «живым» инструменталом, легким конференсом, красивыми декорациями, 17 лет назад стояла на сцене, почти не шелохнувшись, в однотипных лапсердаках, и проникновенно пела, с партитурами в руках, тот единственный, духовно-академический репертуар, которой считал музыкой Рудольф Баршай. Впрочем, какой заряд исполнительской удали накоплен у этих «гнесинцев» в «самом расцвете сил» легко угадывалось, когда они взбадривали и консерваторскую (читай — консервативную) аудиторию, например, еврейской темой «А glassele L'chaim». В артистизме солистов, во вмиг обретавшей иной кураж дирижерской манере Михаила, уже проступали очертания того «Хора Турецкого», что станет уникальным явлением отечественной эстрады. Но до всероссийского триумфа проекта оставалась еще минимум пятилетка. И начать ее коллективу пришлось с разделения на два состава и временной эмиграции одного из них. «Семеро смелых» во главе с Турецким, взяв с собой жен и детей, вновь полетели через океан. Теперь уже обустроившись в Америке основательно.

Часть вторая

11 глава

Миссия во Флориде

Чаще всего, в первой половине 1990-х, Турецкому сотоварищи доводилось выступать в Майами. «Там на нас „подсели“, — с удовольствием вспоминает Михаил. — Как-то на одном из наших концертов появилась обаятельная девушка, пианистка Марта Клионер. Сейчас она известный импресарио, привозящий в Штаты русских артистов, а в тот момент занималась репетиторством и хорошо ладила с местной еврейской общиной. Мы познакомились, и Марта привела меня в общинный центр „Temple Emmanu-El“. Фантастический храм, огромный, красивый. Я любовался людьми, которые туда приходили. Они никого не делили на своих и чужих, по национальному, религиозному или какому-то еще признаку. Там чувствовалась позитивная атмосфера, пригодная для созидания. Но не хватало чего-то централизующего, того, что привлекало бы в „Temple Emmanu-El“ еще большее число „прихожан“. Скажем, в центре исполнялась какая-то музыка, но на весьма посредственном уровне. Я намекнул Марте, что мог бы сделать так, что количество публики в этой синагоге довольно скоро увеличится вдвое, что из множества общинных центров во Флориде люди станут выбирать именно „Temple Emmanu-El“ и некоторые из них, помимо простого посещения храма, будут вкладывать средства в его поддержку и развитие.

Она в том же ключе пообщалась с главой общины Артуром Баром. Сказала ему: „Ты станешь знаменитым, если Турецкий с компанией начнут регулярно петь в твоём центре. Богослужений такого класса в американских синагогах еще не было. Это высокопрофессиональные музыканты. Они приедут сюда, и все изменится, они поднимут здесь музыкальную школу“. Бар поразмыслил и предложил нам сезонный контракт на 100 тысяч долларов: с сентября 1995-го по лето 1996-го».

Штатовский ангажемент показался Михаилу привлекательным. У хора уже «начались пробуксовки со средствами». Деньги от «ЛогоВАЗа» поступать перестали, а стабильной, коммерческой работы в России не было. «Что ждет нас дальше, мы не понимали, — поясняет Турецкий. — Поэтому контракт с „Temple Emmanu-El“ выглядел единственной реальной возможностью сохранять коллектив на плаву. При этом мне казалось, что предложенный нам гонорар не позволяет вывезти в США весь хор, к тому же в полном составе мы там будем не

достаточно мобильны. Решил взять с собой семь человек: Владимира Аранзона, Мишу Кузнецова, Владика Васильковского, Валентина Суходольца, Леню Бара, Женю Кульмиса, Валентина Дубовского... Кто поедет, кто останется, определяли полюбовно. Не все ведь и хотели ехать. Кого-то в России удерживали серьезные „якоря“. Того же Дубовского пришлось „уламывать“, но он был важным звеном, аранжировщиком, и я знал, что он мне там потребуется. С ним мы заключили дикое соглашение, последний пункт которого звучал так: „В случае смерти исполнителя организатор поездки обязан за свой счет доставить тело усопшего на родину“. Я сказал ему: „О'кей. Если понадобится — доставлю“.

Фактически мы отправились в эмиграцию. Кто-то поехал с женой, кто-то с невестой, кантор Аранзон со всей семьей — супругой и двумя детьми. Я — со своей мамой и дочкой Наташей. На 100 тысяч долларов нам предстояло прожить год. В эту сумму входила и покупка авиабилетов, оплата виз. В общем, „на круг“ сумма отнюдь не огромная. 15 тысяч я отдал Аранзону, по 10 остальным участникам группы и примерно „тридцатник“ оставил себе».

В Майами «мобильная группа» Турецкого разместилась в съемных комнатах одного дома. Жилье Михаила называлось «Динамо» — в честь станции метро, возле которой находилась московская квартира его родителей. «Апартаменты» остальных музыкантов тоже именовались с ностальгической, географической привязкой. «Эмигранты» встраивались в образцовый американский быт, осваивали английский язык, расширяли сферу своей профессиональной деятельности и укрепляли «матчасть».

«Месяца через два после приезда в Майами мы купили приличные микрофоны, собственный пульт, — говорит Турецкий, — стали потихонечку вводить в наш репертуар музыкальные инструменты, записывать „минусовые“ оркестровые фонограммы. Делать немножко эстрадную программу, чтобы выступать на чьих-нибудь днях рождения. В синагоге мы исполняли все, что там было необходимо, но потом могли от кого-то из посетителей „Temple Emmanu-El“ или наших знакомых получить заказ на „частный“ концерт с другим репертуаром. В общем, начали создавать свое маленькое шоу, из которого впоследствии и выросла „арт-группа хор Турецкого“. На клавишах играли все наши солисты, на скрипке — Леня Бар, на гитаре — Валентин Дубовской. Раз в месяц, на несколько дней, я летал к российской части хора, чтобы выплатить им зарплату из тех сумм, что мы зарабатывали в Америке. Ребята, оставшиеся в Москве, продолжали репетировать и петь на службах в

московской синагоге, но делали это фактически бесплатно».

Терять московскую часть коллектива Михаилу совсем не хотелось, отсюда те старания, которые он прикладывал, чтобы удержать оставшихся на родине солистов в своем проекте. Возглавлял ту группу Алекс Александров, доверие к которому Турецкий и после истории с «бруклинским письмом» не утратил. Алекс, считавший маэстро «вторым отцом», никаких сепаратных действий в отсутствии шефа не предпринимал. А вот опасавшийся скончаться на чужбине Дубовской, по возвращении домой, попытался с Турецким конкурировать. «Он затеял проект на подобию моего хора, — вспоминает Михаил. — Взял трех девочек, трех мальчиков и целый год в своей квартире с ними репетировал. Но ни во что это не вылилось. Группа просуществовала совсем недолго и распалась. По иронии судьбы, Дубовской даже предлагал мне ознакомиться с их материалом, чтобы я, видимо, что-то полезное ему посоветовал. Чем он думал — не понимаю? Решил, что у меня есть связи, и я возьмусь этот проект как-то раскручивать. Смешно. Какой мне смысл?

Аналогичный случай произошел у меня с братьями Смирновыми. Они ушли в свое дело, а потом несколько раз пытались вернуться в хор, но я им объяснял: вы оставили нас, когда являлись одной из четырех ножек „стула“. Какое-то время его приходилось удерживать на трех. Вы украли пару идей и рассчитывали на самостоятельность. А теперь проситесь обратно, чтобы стать пятым колесом в телеге. Поздно».

Несмотря на утверждение Кульмиса, Турецкий не всегда «отходчив». И перечень людей, безвозвратно расставшихся с его «холдингом», периодически пополняется. Остаются те, кто приноравливается к контрастному характеру хормейстера, замечает разницу между его принципиальными чертами и эмоциональными всплесками. Даже Марина Ковалева, столь быстро установившая с Турецким доверительные отношения, не всегда понимала особенности его натуры. «В разгар нашей дружбы она предлагала помочь мне создать свой оркестр в Америке, — говорит Михаил. — Мол, у нее есть финансовые возможности и деловые контакты для реализации такой задачи. Но я отказывался, считая, что это будет вершина, завоеванная не мной. Потом Марина спрашивала: зачем ты купил старый „Понтиак-Бонневиль“ и перегнал его в Москву? Давай, мои партнеры с „Уралмаша“ пригонят тебе под окно новый „Мерседес“. Я отвечал: спасибо большое, но этот „Понтиак“ — мое достижение, а дареный „Мерседес“, как инородный золотой зуб во рту».

Бэла Семеновна и Наташа, приехавшие с Михаилом в Штаты,

с активной Ковалевой тоже познакомились. «Мама не детализировала ситуацию, — разъясняет Турецкий, — но догадывалась, что какие-то особые отношения у меня с Мариной есть. И Наташа в свои 11 лет тоже все понимала, наверное, но никакой ревности не проявляла. Ковалева настолько трепетно к ней относилась, что делала ее своим союзником».

В покоем «союзническом» духе общалась с Наташей и теща Михаила, оставшаяся в России. «Она порой „подгружала“ внуку, настраивала ее определенным образом, опасаясь, что мы на родину не вернемся, — рассказывает Турецкий. — Я в данную тему не вмешивался. Чувствовал, что у Наташи с той бабушкой есть свой сговор, и искренней со мной она все равно не будет».

«Стоило ли вообще тащить с собой в Америку маму и ребенка?» — не раз спрашивал себя Михаил в минуты усталости и досады. «Не лучше ли было приехать сюда с симпатичной, стройной московской подругой и в свободные дни водить ее на пляж?» Бэла Семеновна, в принципе, «находила в США свой кайф», прогуливалась по океанскому побережью, вспоминала идиш, общаясь в ресторане с местным управляющим-евреем, но при этом переживала за мужа, который в свои 82 остался в Москве, в обществе своей младшей 77-летней сестры. Борис Борисович, правда, приезжал в Майами на четыре месяца, но ему «было не слишком комфортно». А Наташа училась в американской школе для обеспеченных семей. «Оплатить ее обучение мне помогли спонсоры, — поясняет Турецкий. — И я ощущал, что по статусу эта школа явно не для нас. Дочь малоизвестного молодого русского эмигранта попала в компанию детей богатых родителей. Поэтому школьный автобус всегда приезжал забирать ее утром первой, а обратно, вечером привозил последней. Согласно престижности. Отпрыскам богатеньких время в дороге сокращали максимально. Мне было жалко Наташу и морально тяжело. Я приходил в школу, начинал качать права. А в ответ слышал быструю английскую речь. Просил говорить помедленнее, но педагоги считали, что говорят нормально».

Сейчас Михаил Борисович ни о чем из сделанного тогда не жалеет. Да, было непросто, как почти всем, кто осваивается в чужой стране без весомого капитала, но зато удалось проводить немало времени с дочерью в период ее взросления и «показать маме что-то еще в этом мире, кроме Советского Союза». И то, что «личную жизнь» в тех стесненных американских обстоятельствах Турецкому было налаживать сложно, ныне тоже неважно. Все, как говорится, к лучшему. Свою любовь в Штатах он в итоге нашел, только позже.

«А в тот момент я что-то „мутил“ по амурной части, но без

серьезных чувств, — признается Михаил. — Познакомился, скажем, с итальянской певицей, у которой был свой журнал „Non solo pasta“. Мы попытались наладить романтические отношения, но закончились они довольно скоро. Потом я встречался с интересной 26-летней латиноамериканкой. Однако без личного автомобиля и квартиры, куда можно было ее пригласить, я смотрелся малоперспективно. Ходили с ней несколько раз в рестораны, но она видела, что я не опора для нее, а просто скромный музыкант. Дружить со мной можно, но не более того. Возможно, обаяния мужского мне не хватило. Но я как-то не очень грустил. Не надо забывать, что раз в месяц я летал в Москву, где меня ждала девушка, которую я не повез с собой в Штаты. Ждала она меня, впрочем, до определенного момента, пока я не подписал новый контракт. С собой я ее снова не взял и ничего конкретного не предложил. Она, видимо, поняла, что жениться я не хочу, и мы плавно расстались».

Турецкому и впрямь в ту пору было не до брачных уз. Он метался между двумя половинами своего коллектива, желая сохранить обе, и одновременно руководил в Майами детским хором, за что в «Temple Emmanu-El» ему были очень признательны. Контракт с Баром не ограничивал еврейскую труппу из России в праве подыскивать себе дополнительные гастрольные заработки, и летом 1996-го когорта Турецкого отправилась выступать в Лос-Анджелес, причем всем составом. Вторая часть хора прилетела из Москвы. «Именно тогда с нами пела Наташа, — с отеческой сентиментальностью вспоминает Михаил Борисович. — Она исполняла еврейскую песню, которую я потом услышал в концерте Барбры Стрейзанд. Наташе по наследству от матери перешел пронзительный голос. Американцы стоя аплодировали 12-летней девочке и скандировали „Наташа!“. А дочь ушла за кулисы и спросила: „Пап, я больше петь не буду?“ Отвечаю: „Не будешь“. И она сразу принялась жевать большой бутерброд...»

Несмотря на трогательность эпизода, Турецкий утверждает, что совсем не желал дочери карьеры профессиональной певицы, ибо «не верил в успех, поскольку престиж качественной музыки упал, все выжжено форматом „Русского радио“. Свою же артистическую судьбу Михаил сегодня считает уникальной. Но он целенаправленно шел к такому результату, а Наташа „не сильно рвалась к пению, она хотела стать юристом“.»

В том же 1996-м Турецкий с дочерью, мамой и своими солистами вернулся в Россию и вскоре получил новое предложение от американцев — на следующий сезон. «Мне казалось, что если я уеду еще на год, то в России точно потеряю

все связи и ту часть коллектива, которая здесь останется, — считает Турецкий. — Поэтому я согласился подписать второй контракт, но так, чтобы находиться в США только в самые ответственные моменты, а большую часть времени проводить в России. Я поставил задачу: получить здесь для хора хоть какой-то официальный статус и свое помещение для репетиций».

«В Америку руководить частью группы отправился я, — рассказывает Евгений Тулинов. — А Миша остался на родине, и мы регулярно связывались с ним по телефону». Примечательно, что как раз после такой «рокировки» хору Турецкого стали поступать заманчивые заказы. Российский состав коллектива, кроме альтруистских богослужений, звали попеть за достойное вознаграждение на корпоративе «Русского нефтяного дома», других сырьевых компаний. «О величине гонораров я тогда сильно не переживал, — говорит Турецкий. — Мне казалось, что любое выступление такого толка для нас оправдано и нужно. И всегда оставался доволен. Мы пели на таких вечерах „Ты постой, постой, красавица моя...“ и другие народные песни, свободно превращаясь в а-ля цыганский, эстрадный хор».

12 глава

Вперед за Кобзоном!

В самые «хлебные» годы противоречивых «девяностых», за пару лет до сокрушительного «дефолта» 1998-го, когда еще любые коммерческие начинания могли быстро стать прибыльными, у Михаила Турецкого все отчетливее проявлялись способности маркетолога и продюсера. Он действовал по наитию, но так, словно «варился в шоу-бизнесе» давно. Не сговорившись с Айзеншписом, почти утратив финансовые «комплименты» олигархов, не зная близко никого из влиятельных персонажей нашей «эстрадной тусовки» и высокопоставленных чиновников от культуры, Турецкий тем не менее уловил момент и цель для «тарана». Четко определил собственную стратегию и срок ее реализации. Если в ближайшие полтора года его хор не получит в России стабильного финансирования и официального статуса, он остается в США, чтобы продвигаться на тамошнем музыкальном рынке. «В мае 1997-го заканчивался наш второй контракт в Америке, — объясняет Турецкий, — и мне сказали за океаном, что готовы подписать со мной так называемое lifetime-соглашение, если я буду находиться в США постоянно».

Кроме как в сослагательном наклонении сегодня не порассуждаешь о том, каких высот достиг бы коллектив Турецкого в Америке. Сам маэстро уверен, что «в итоге сделал бы там тоже, что и в России. Причем в Штатах жизнь заставила бы действовать быстрее и круче. Америка людей дисциплинирует, мобилизует. Особенно русского человека».

Но все благополучно обернулось для хормейстера и на родине. Ставка Михаила на единственную крупнокалиберную фигуру, способную в тот момент реально посодействовать проекту, именовавшемуся «Московский камерный еврейский хор» и уже знакомую с данным коллективом, сработала. Турецкий достучался до Иосифа Кобзона.

«Прощальный тур Иосифа Давыдовича, назначенный на 1997-й, заранее широко анонсировался, — рассказывает Михаил. — Я знал, что он поедет по всей стране и ближнему зарубежью, даст сто концертов и возьмет с собой несколько творческих коллективов, прежде всего большие хоры. В разгар нашей американской работы, в 1996-м, я принялся настойчиво названивать из-за океана в офис Кобзона. Сделал невероятное количество попыток, прежде чем меня с ним соединили. Сказал ему примерно тоже, что когда-то Березовскому: у меня есть

музыкальный контент и десяток солистов. Дайте шанс показать вам нашу работу. Он согласился. Я приехал к нему и пропел его сольные и наши хоровые партии так, как они могли бы звучать совместно в концертных номерах. Сказал, что есть эстрадные аранжировки этих песен. Потом поехал с ним куда-то на машине и по дороге продолжал показывать, что мы можем сделать. Поначалу Кобзон все равно сомневался: зачем ему это надо? Но своей одержимостью и обещанием „быстро съехать“ из его тура, если ему что-то после первых концертов не понравится, я его, видимо, убедил. Кроме того, он вспомнил наш сольник в Консерватории, на котором присутствовал, а также проникся моей фразой: „Давайте, Иосиф Давыдович, немного приподнимем еврейскую песню. Покажем, откуда ноги растут у советской эстрады“.

Добившись согласия мэтра на участие в его туре, Турецкий впервые получил ту широкую публичную площадку, к которой давно стремился. Многократно выходя на одну сцену с Кобзоном, еврейский хор не только представлял себя той аудитории, что никогда не бывала в синагогах и академических залах, но и демонстрировал свои crossover-возможности вкупе с информацией о том, что такой необычный коллектив вообще существует. Учтем и то, что главные выступления Кобзона в тот год посещали многие «сильные мира сего». В частности, на заключительном концерте тура, 11 сентября 1997-го в столичном ГЦКЗ «Россия», в день 60-летия певца, наиболее восторженным слушателем был московский градоначальник Юрий Лужков и некоторые завсегдатаи закрытого правительственного клуба «Монолит» на Большой Грузинской, где впоследствии «Хору Турецкого» довелось не только выступать, но даже презентовать один из своих «двойных» коллекционных дисков.

«Наш репертуар подходил программе Кобзона, а определение „еврейский хор“ должно было вызывать его расположение, — поясняет Михаил. — Поэтому я рассчитывал на отклик Иосифа Давыдовича. Он не отверг нас после нескольких выступлений, и мы объехали с ним весь бывший Советский Союз. Заявили о себе, получили опыт работы в крупных залах, с микрофонами, на хорошей аппаратуре, в эстрадном формате. Это была отличная школа. В тур поехала та часть группы, что находилась в России, американская продолжала за океаном трудиться по контракту.

О гонораре с Кобзоном, точнее с его менеджментом, я, разумеется, сильно не торговался. Озвучил определенную сумму, мне ее процентов на 20 уменьшили, и на том сошлись. Мы получали 800 долларов за концерт. Ребятам я раздавал по 60, что было для нас тогда вполне нормально, и 200 оставлял себе — на

развитие проекта. Выступлений в туре хватало, так что у каждого из нас „на кармане“ что-то осталось, тем более питание и проживание в поездке были бесплатными».

Насколько своевременной и отчасти спасительной стала для хора интеграция в кобзоновскую затяжную «лебединую песню», можно понять хотя бы на примере Евгения Кульмиса. Старожил коллектива, по сей день являющийся одним из его фронтменов, наблюдал тогда, как его товарищи поют с Кобзоном в качестве зрителя. Он временно покинул коллектив незадолго до судьбоносного турне, видимо, перестав верить в перспективность проекта. «Мой приятель Николай Шилин в ту пору возглавил торговый дом „Три толстяка“ и всех людей из своей бывшей тусовки звал туда работать, — говорит Кульмис. — В какой-то момент там чуть ли ни весь штат из выпускников Гнесинки состоял. Меня он тоже пригласил и сразу положил очень приличный оклад. Деньги мне были нужны, а хор их не приносил. Я поразмыслял и честно сказал Турецкому: „Извини, Миш, я пойду“. Он ответил: „Это твое право“. Мы совершенно мирно и честно расстались. Поэтому в туре Кобзона я не участвовал. Но побывал на одном из его концертов, в Питере, где оказался в то время в командировке. Мне вообще, кажется, что тогда (не знаю, как сейчас) Турецкий особо не дорожил моим вокалом. В хоре были и другие басы, не хуже меня».

Если от тебя уходят в бизнес солисты, проработавшие в коллективе столько лет, если ты в который раз вынужден доказывать себе и соратникам, что следуешь верным маршрутом (как уже приходилось делать в момент расставания с «Джойнтом», при «подавлении бунта» или разделении хора на две части), нужно быть действительно крепким и психологически устойчивым, чтобы не махнуть на все рукой и не согласиться на что-то попроще и понадежнее. Турецкий, однако, гнул свою линию и «получил то, чего хотел». Мэр Лужков заметил «яркий, молодой коллектив с большим потенциалом», выслушал положительные рекомендации Кобзона и «обратил внимание московского департамента культуры» на проект Турецкого. Вскоре еврейскому хору присвоили статус «муниципального учреждения». «После чего нам выделили какое-то помещение под репетиционную базу, куда, правда, нельзя было въехать по причине его непригодности, — говорит Михаил. — Через несколько лет дали взамен другое, но тоже в аварийном состоянии, и мы до сих пор ждем денег на ремонт». Информационное агентство «Интерфакс», ссылаясь на «источник в городской администрации», в свое время сообщило об этом так: «Распоряжением мэра Москвы Юрия Лужкова мужскому

камерному еврейскому хору под управлением Михаила Турецкого переданы в безвозмездное пользование сроком на 25 лет два строения по адресу: проспект Мира, 25 общей площадью около 2 тыс. кв. метров».

И действительно на проспекте Мира жизнь «холдинга Турецкого» тоже сейчас частично происходит. Там, например, обитает проект «Сопрано 10». Но все же база хора и его офис, по-прежнему, расположены в другом, не совсем профильном месте. «15 лет прошло, а мы все равно сидим в здании типографии „Наука“, — сетует Турецкий, — куда нас „из любви к искусству“ пустил Акрам Джапарович Бобрович, когда мы были, по сути, никем. Но ему понравилось, кем мы стали. Сегодня мы здесь культовые люди. Но в „Науке“ нам не очень неудобно. Во-первых, приходится делить здешний актовый зал, где у нас проходят репетиции, с разными конференциями. Во-вторых, в нашем офисе все сотрудники уже нормально не размещаются, там негде даже сесть, спокойно поговорить...»

На излете 1990-х данный офис, где еще не обитало столько народа, взялся благоустраивать вернувшийся в хор Тулинов. Он, как и Кульмис, покинул коллектив в 1997-м только после турне с Кобзоном. «Я лет шесть совмещал участие в хоре с ремонтным бизнесом, — говорит Евгений. — А тут накопились деловые обязательства, разные личные потребности, возникла необходимость сидеть в офисе фирмы, и я ушел. Сразу после тура с Кобзоном у хора ведь еще никаких интересных предложений не появилось. Да, и не казалось мне, что таким образом мы прорвались на эстраду, сделали себе пиар. Что мы там с Кобзоном пели? Пять-шесть песен в конце первого отделения, и потом в ресторан. И окружение тоже было спорное: хор МВД и т. п. Возможно, для выхода на поп-пространство это даже антипиар...

Хотя, когда я вернулся, „Хор Турецкого“ уже четко ориентировался на эстраду. Попсовые аранжировки делали, записывали „минусовки“, исполняли все больше шлягеров. Я тогда придумал в коллективе градацию на „фрукты“ и „овощи“. Последними являлись мы с Кульмисом, повторно пришедшие в хор, „фруктами“ — все остальные. Такое деление у нас и сейчас бытует».

Возвращение Тулинова и его «овощного» собрата Кульмиса можно считать еще одной точкой отсчета в летописи «Хора Турецкого». После них уже никто из солистов не покидал данный коллектив исключительно по материальным причинам, в надежде найти вне хора более достойный заработок. Другие резоны для ухода у отдельных участников проекта еще иногда находились. Взять хотя бы Валентина Суходольца, сосредоточившегося на

сольной карьере, или Артура Кейша, посвятившего себя хмельному гедонизму. Но чтобы кто-то усомнился в гарантированной успешности брэнда Турецкого, такого больше не случилось.

«И после моего ухода мы с Мишей периодически общались, — рассказывает Кульмис. — А в 1999-м он мне как-то позвонил и сказал: „Жек, у тебя есть опыт офисной работы.

А мне нужен администратор. Возвращайся. И петь будешь заодно“. В тот период начался поворот хора в шоу-бизнес, мне, как человеку с классическим образованием, этот крен не очень импонировал. Но я оправдывался так: какая, в сущности, разница — главное, что мы продолжаем заниматься музыкой, а не чем-то другим. Большинство моих институтских знакомых давно сменили профессию. А я, и работая в „Трех толстяках“, оставался в душе музыкантом и, когда Турецкий вновь меня позвал, с удовольствием вернулся».

Хоругодились не только администраторские и, естественно, вокальные, но и сочинительские способности Евгения. Чем больше заказов поступало коллективу, тем активнее Кульмис слагал рифмы для эксклюзивных песен «Хора Турецкого». «Да, я — слагалище, — басом-профундо заявляет Женья. — Турецкий ценит, что я буквально за пять минут могу сочинить стихи на заданную тему, и порой обращается ко мне, когда требуется написать что-то к чьей-то праздничной дате. Для „Мегафона“ я писал, для прокуратуры, даже для питерских коммунальщиков. У Кузи, то бишь Миши Кузнецова, скопилось килограммов пять бумажек с моими опусами. Сейчас он их каталогизирует. Потом книгу издадим».

Вместе с официальным статусом к Московскому камерному еврейскому хору пришли и гарантированные муниципальные зарплаты. «Нам выделяли какие-то деньги, мы за них расписывались в ведомости, — подчеркивает Михаил. — Только по этой ведомости жить нельзя. Пришлось решать знакомую проблему — как прокормиться. И я придумал свой перфоманс. Стал дирижером, развернувшись к залу, фактически фронтменом. Муниципальный хор продолжил превращение в арт-группу...»

За стремление к процветанию и популярности своего проекта Турецкому пришлось (да и сегодня порой приходится) выслушивать упреки и мириться с непониманием тех, кто в общем-то близок ему по духу и профессии. Любимый профессор Семенюк однажды назвал его «делягой», узнав, что «Миша делает эстраду», вместо того чтобы продолжать совершенствоваться, как академический дирижер. Тот же Кобзон, после первых поп-опытов

Турецкого, с иронией оценивал отход его хора от еврейских традиций, а главный московский раввин Пинхас Гольдшмидт и вовсе отлучил солистов камерного еврейского хора от синагоги, узнав, что те в шабат выступали в консерватории. Хотя, скорее, это был формальный повод. Независимая концертная деятельность и периодические приглашения группы Турецкого на «корпоративы», где парни исполняли даже «Мурку», давно раздражали высокое столичное еврейское духовенство.

«Наш коллектив к концу 1990-х перерос свое первоначальное предназначение, — утверждает Михаил Кузнецов. — Из-за этого увеличивались противоречия и дистанция с синагогой. Мне, например, тот „конфликтный“ концерт в консерватории, да еще и на 8 марта, показался замечательным. Никто из нас тогда и не задумался: в шабат предстоит петь или нет. Миша в таких случаях произносил любимую фразу: „Мы не так богаты, чтобы быть настолько религиозными“...»

Забавно, что в похожем, слегка отчужденном положении хор Турецкого оказался впоследствии и на эстраде. «Мы вроде бы приблизились к этому миру, — рассуждает Михаил, — но все же не смешиваемся с ним, даже непроизвольно дистанцируемся от него. У нас свой путь, своя публика, часть которой лишь иногда совпадает с публикой других поп-артистов. Более того, наш проект не часто и причисляют к шоу-бизнесу. Мы как бы за его пределами. Отдельное явление».

13 глава

От молитв к шлагерам

На стыке тысячелетий у проекта Турецкого складывалась на редкость эклектичная судьба. В ней переплетались Америка и Россия, духовность и конъюнктура, официоз и независимость. После беседы президента Российского еврейского конгресса, магната Владимира Гусинского с Пинхасом Гольдшмидтом, коллективу Михаила Борисовича вновь дозволили выступать в московской синагоге, но вскоре хор окончательно ее покинул уже более естественным, не скандальным образом, просто потому, что его целиком поглотила самостоятельная концертная практика. Еще некоторое время группу поддерживал Иосиф Кобзон через свои коммерческие структуры. В 2000-м Московский камерный еврейский хор удачно гастролировал с мэтром в Израиле. Причем не в качестве подпевающего ему состава, а занимая с собственной программой целое отделение концерта. В Майами, где Турецкий и компания оставили наиболее глубокий след, в течение нескольких лет отмечали 6 февраля День Московского камерного еврейского хора. «Кажется, нам еще присвоили звания почетных граждан Майами, — вспоминает Турецкий. — Местный мэр являлся нашим поклонником».

Интенсивная событийность жизни требовала от Михаила соответствующей мобильности. Он мыслил и действовал, подобно шахматисту, продумывающему свою партию на несколько ходов вперед. Его проект стремительно видоизменялся, форма и материал, которые должны были «выстрелить» на широкую аудиторию, почти определились. В 2000-м группа колесила уже по всему миру, включая Австралию, а в Москве она, благодаря расположению и гостеприимству Геннадия Хазанова, вышла на сцену возглавляемого им Театра эстрады с сольным представлением «Еврейские песни о главном», которое вскоре стала давать по два раза в месяц. В самом названии программы, переиначивающем главный музыкальный телевизионный тренд того времени «Старые песни о главном», раскрывался генеральный метод вторжения Турецкого в поп-культуру. Слегка игривое использование готовых хитов, подача их в адаптированном академическом исполнении.

Как любой пограничный продукт, балансирующий на стыке жанров и при малейшей неточности, сваливающийся в кич или ширпотреб, затея Турецкого предполагала наличие высокого профессионализма и вкуса у исполнителей (с этими

компонентами проблем у хора не было) и возникновение двойственной реакции на проект со стороны различных зрительских категорий. В том же 2000-м русскоязычный американский журнал «Теленеделя» довольно точно подметил достоинства и противоречия удивительного хора: «Подобный коллектив слишком демократичен для богатых религиозных организаций и более чем академичен для любителей „попсы“. Однако это обстоятельство идет только на пользу Турецкому — сам собой снимается вопрос о поисках имиджа. Руководитель хора предстает бескомпромиссным профессионалом, готовым любой жанр представить на самом высоком музыкальном уровне».

«С моей, дирижерской точки зрения, Миша — это, конечно, не Минин, не Семенюк, не Певзнер, — оценивает Плисс. — Но может, он потому и не такой, что коммерческий успех любого музыкального проекта ныне невозможен без элементов шоу. И вот это точное чувство конъюнктуры у Турецкого есть. Он — талантливый парень».

«Коль мы полезли на территорию шоу-бизнеса, — рассуждает Кузнецов, — то надо понимать: здесь необходим правильный маркетинг. Миша оказался человеком, тонко разбирающимся в рынке. Он умело нас всех и себя продает. Турецкий видит происходящее иначе, чем мы. Сколько было примеров, когда он принимал какие-то, вроде бы странные, даже шокирующие решения, но они срабатывали. Например, в выборе репертуара».

«Турецкий не просто музыкант, это бизнесмен-музыкант, — утверждает Тулинов. — Оказавшись в столь не творческой, а скорее предпринимательской среде, как шоу-бизнес, он, естественно, и на „грабли“ наступал, и ошибки совершал. Все интуитивно. Но он решительно взял на себя ответственность и до сих пор ее сохраняет за стольких людей в хоре, с их женами, детьми. Всех надо, что называется, поить-кормить».

С годами он реже стал расслабляться, превратился в трудоголика. Хотя и раньше тоже не ленился. Но проще все было. Репетировали мы часов пять в день и расходились по домам. Что Турецкому еще делать? Концертов нет, офиса нет. А где-то к 2000-му все здорово поменялось, другие площадки, доходы, популярность... Потребовалось новые навыки приобретать. Как говорит сам Миша: не в семье лордов родился.

У него, конечно, специфическое чутье. Бывает, мы с хором что-то делаем, пробуем, а приходит Турецкий и одним движением все поворачивает так, что сразу становится ясно — именно это правильно. Он этим и ценен».

«На самом деле случаются моменты, когда я не знаю, как

поступить, и советуюсь с ребятами, — признается Турецкий. — Есть пара человек, которые являются своего рода „профсоюзом“ хора и порой знакомят меня с общим мнением коллектива по какому-то вопросу. Я — реалист и понимаю, что все мы существуем в предлагаемых обстоятельствах. У меня достаточный жизненный опыт, чтобы понять, в какой момент с кем посоветоваться. Для бизнеса и творчества намного лучше, если люди находятся в состоянии удовлетворенности тем, что происходит, нежели в состоянии невроза и ненависти ко мне или друг к другу».

Чем успешнее становился хор, тем властнее делался его руководитель. Когда Турецкий стал совсем знаменитым, его внешний деспотизм принялись обсуждать (иногда зло, без полутонов) многие сторонние наблюдатели. Но изнутри коллектива манеры и поступки шефа смотрятся иначе, и для тех, кто с Михаилом давно — они вполне объяснимы и по-своему органичны.

«Турецкий не простой человек и, конечно, менявшийся с развитием хора, — размышляет Алекс Александров. — Сначала он был просто дирижером, потом стал вожаком и продюсером коллектива, общающимся с состоятельными, известными людьми. Но он не превратился в циника. Напротив, подобных типов он не любит. Миша порой в ссоре, когда ему кажется, что я не прав, может незаслуженно обидеть. Я „пылю“ в ответ, но потом понимаю, что в отличие от каждого из нас у него совсем иное напряжение, связанное с задачей держать весь наш бизнес. При этом, если даже Миша все говорил верно, но в запале высказал что-то обидное, он подойдет и извинится. Зла не держит».

«Пока мы тесно общались, для меня он являлся преданным другом, без „двойного дна“, — говорит Плисс о Турецком. — Помню, когда ребята из хора начали уезжать в Америку, он просто плакал иногда, от того, что теряет таких певцов и друзей. Миша очень неравнодушный человек».

Немстительный, не циничный, преданный, но амбициозный, самолюбивый, вспыльчивый, резкий, все эти разноплановые качества, так или иначе, работали на хормейстерскую мощь Турецкого в начале «нулевых».

За десять лет во главе не маленького мужского коллектива ему удалось укрепить свои командирские способности, не утратив при этом чуткости к подчиненным. Михаил старался выстраивать отношения с солистами так, чтобы «не покупать их преданность и энтузиазм», но чувствовать их доверие.

«Однажды, в 2000 году, в Торонто, прокатчик не рассчитался с нами перед выступлением, — рассказывает Турецкий. — Начал

охать-ахать, что, дескать, собирает сейчас деньги, перед вторым отделением отдаст. А интуиция мне подсказывала, что и потом он не рассчитается. Если ты вышел на сцену до того, как получил гонорар, а организаторы концерта не твои хорошие знакомые, значит, деньги тебе уже не заплатят. И вот я стою, думаю, что делать? А в зале две тысячи зрителей. Спрашиваю у Евгения Тулинова: „Женя, за сколько ты работаешь? Каков твой „порог ранимости“, гонорарный минимум за одно выступление?“ Он ответил: „50 долларов“. А я в то время платил солистам 200. Понимал, что могу договориться с ними и за сумму второе, а то и вчетверо меньшую, но у меня была возможность платить им по 200 долларов, и я платил. Мне казалось правильным, чтобы эти люди получали „больше рынка“, то есть выше средней ставки для артистов их амплуа, потому что они доказали свою преданность профессии, оставшись в ней, не уйдя в свое время в коммерцию.

И тогда в Торонто мы, конечно, вышли на сцену, невзирая на обман местного промоутера. Я сам заплатил своим музыкантам по 100 долларов, поскольку мне не заплатили вообще. И я люблю Женю Тулинова за то, что в тот момент он ответил „50“, хотя знал, что я плачу больше и мог бы назвать сумму по максимуму, иначе, мол, петь не пойду. И настроил бы так же остальных ребят. Поэтому я всегда поручаю ему ведение нашей бухгалтерии и никогда не проверяю. Он сейчас сопродюсер „Хора Турецкого“, рассчитывается с аранжировщиками, со студиями. Формально он мне дает какой-то отчет о расходах. Но я его фактически не изучаю — это тулиновская история. Мы 22 года вместе и я считаю, что мне уже не надо его проверять. Если даже он где-то, чего-то „скроит“, это его компромисс с самим собой...»

Тот Турецкий, что сегодня известен всем: преуспевающий, деловой, титулованный, brutальные портреты или нежные семейные фото которого регулярно появляются в глянцевах журналах и десятках газет, «родился», пожалуй, вместе с миллениумом. Он и работать тогда стал смелее, дерзновеннее. К арсеналу до блеска отшлифованных еврейских песен Михаил обильно прибавлял композиции, давно манившие его своим аранжировочным потенциалом. «Еще в институте, слушая, например, арию из вокального цикла „Песни и пляски Смерти“ Мусоргского — „Кончена битва! Я всех победила! Все предо мной вы смирились, бойцы!..“ — я чувствовал, это же чистый хард-рок, и настанет момент, когда я сумею исполнить данное произведение со своей группой именно в таком стиле, — говорит Турецкий. — Тогда я еще не понимал, как конкретно это произойдет, но очень того хотел. В конце концов, у меня появился хор, способный так спеть, а потом и инструментальный бэнд,

аккомпанирующий моему хору.

Мне кажется, все развивалось своим чередом, и в моей творческой биографии ежегодно что-то происходило. В ней нет пробелов, пустот. Я каждому музыкальному направлению, жанру уделил достаточно времени. При этом понимал, что революцию в сознании публики будет произвести крайне сложно. Для роста и поддержания нашей популярности необходимо, чтобы такое явление, как crossover-музыка, оставалось массовым, чтобы оно не выпадало из телевизора и радиоэфиров».

Даже без последнего условия проект Турецкого, чуть более десятилетия назад, сумел сделать немало для укрепления своего паблисити. «Начало 2000-х — хорошее для нас время, — вспоминает Михаил. — Мы уже ездили с полистиличной программой не только по еврейским центрам. В том же Нью-Йорке и других крупных городах запросто могли собрать на своих выступлениях залы-трехтысячники. Вокруг нашего коллектива начался и за рубежом, и в России определенный ажиотаж. Случалось, мы приезжали в США на 12 концертов, и пока длилось турне, его организаторы нам сообщали, что хорошо бы сделать еще шесть дополнительных выступлений — такой высокий на вас спрос. Похожая история в Израиле. Даем сольник в Иерусалиме и отправляемся в недельные гастроли по стране. За это время в Иерусалиме полностью раскупают билеты на второй наш концерт в том же зале. Народ осыпал нас комплиментами, интересовался, где купить наши пластинки? Это вдохновляло, придавало уверенности в том, что я выбрал для хора правильный путь, нащупал не просто коммерческую жилу, но нечто, будоражащее зрителей, причем не тех, кто падок на все оригинальное, а понимавших наше искусство».

Безусловно, Турецкий предложил публике не тривиальный поп-проект, какие сейчас нередко возникают на отечественной эстраде по элементарной схеме: берется несколько молодых ребят, учащихся или выпускников музыкальных школ, стилисты придают им «товарный» вид, продюсер подбирает репертуар из кавер-версий испытанных шлягеров, в простых аранжировках, и далее следует продавливание группы в различные телеэфиры, с задачей поскорее ее раскрутить и «отбить» вложенный в нее бюджет за счет «заказных» выступлений. Такие команды легко клонируются, фактически не делают «кассовых» концертов и не имеют каких-то творческих задач.

Турецкий же развернулся к эстраде с коллективом классных, опытных исполнителей, заработавшим авторитет на ниве литургических хоралов, с аншлагами выступавшим в знаменитых консерваториях мира и желающим сказать свое слово в

популярной музыке именно как мощный концертный состав. При этом границы художественных возможностей хора постоянно расширялись. Например, в 2001 году известный режиссер Роман Козак, руководивший творческим объединением «Реальный театр», «вплел» еврейские молитвы и песни в исполнении «камерного хора Михаила Турецкого» (именно так значилось в программке) в канву антрепризного спектакля «Золото» по пьесе израильского драматурга Йосефа Бар-Йосефа. В одной из рецензий на данную постановку подчеркивалось, что «хор под управлением М. Турецкого» проходил через весь спектакль «естественным музыкальным пунктиром». И вообще, музыкальное оформление «Золота», наряду с актерскими работами, всеми критиками отмечалось в положительных тонах.

«Если бы хоровая еврейская музыка приносила нам большие деньги, мы бы, возможно, и не ушли от этой темы, — предполагает Александров. — Но хор на „хозрасчете“, за нами не стоял и не стоит Абрамович или другой олигарх, который выделял бы, предположим, по 50 тысяч долларов ежемесячно, ради того, чтобы мы исполняли только духовные и национальные песни. Поэтому Миша искал, да и сейчас ищет варианты, которые позволяют нам неплохо существовать. При этом, придя на эстраду, мы не закончили с академизмом, с еврейскими песнями. Они всегда звучат в наших концертах. Вообще, „фишка“ хора в том, что мы исполняем многие номера так, как не могут другие артисты».

14 глава

Полуночный кофе с Лианой

Менее чем через неделю после кошмарной террористической атаки, уничтожившей несколько тысяч человек и два крупнейших нью-йоркских небоскреба Всемирного торгового центра, погрузившей в оцепенение и растерянность Соединенные Штаты, да и весь цивилизованный мир, в американском русскоязычном издании «Теленеделя» появилась информация из разряда «назло врагам», наполненная, можно сказать, высшим артистическим промыслом: чтобы ни случилось, если жизнь продолжается, значит — show must go on. «17 сентября 2001 года, после трех дней, проведенных в Московском международном аэропорту и попыток попасть на свой рейс, всемирно известный Московский еврейский хор прилетел в Майами представить свое новое блистательное шоу „Два часа еврейского счастья“. Турне коллектива пройдет по 20 городам США и Канады и завершится 14 ноября выступлением в знаменитом „Карнеги-холле“ в Нью-Йорке». Помимо того, что те гастроли стали заметным событием для коллектива Турецкого в целом, они оказались поворотным моментом лично для маэстро. Все началось с концерта в Далласе...

«Можешь не жениться — не женись», — порекомендовал Михаилу когда-то авторитетный раввин Адольф Шаевич и молодой хормейстер, после гибели своей первой супруги, дюжину лет следовал жесткому завету иудейского пастыря. Но на пороге собственного 40-летия, в ковбойском Техасе, крепкого Турка сразила любовная лихорадка. Увидев 31 октября, в «светлый» праздник Хэллоуин, дочь устроителя далласского концерта хора, молодую, сексапильную брюнетку Лиану, затрепетавший Михаил почувствовал, что ради этой дамы он готов пренебречь советом мудрого Шаевича. Очаровательная особа, кстати, уже имела к тому моменту не самый удачный опыт замужества, маленькую дочь Сарину, а к Турецкому поначалу испытывала не более чем сдержанный интерес.

«Наверное, Мишу это обижает, но честно признаюсь, я не смотрела на него, как на музыканта, на творческого человека, — откровенничает Лиана. — Я не то что не являлась тогда поклонницей его коллектива, но даже ничего о нем не знала. На тот концерт в Далласе, где мы познакомились, пришлось пойти вместе с дочкой и племянницей из уважения к папе. Все-таки он его организовывал. Хотя у меня имелись другие планы на вечер.

Но для отца привоз артистов из России был любимым хобби. Он вырос на русской эстраде, скучал по ней. А в Далласе не сформировалось большой русскоязычной диаспоры, как в Чикаго или Нью-Йорке, и туда русские артисты не приезжали. Тогда папа сам взялся решить этот вопрос, взвалил на себя функции промоутера, хотя работал в Америке совсем в другой сфере — инженером-менеджером в компании Alcatel.

В США, как известно, все, что из России, — русское, в том числе, камерный еврейский хор. Поэтому отец его и пригласил, хотя ничего эстрадного, кроме „Мурки“ у них в репертуаре тогда еще не было. Преимущественно — духовная музыка. Солисты одеты в длинные костюмы, талесы. Молодую девушку это, скажем так, не слишком заводило. И на концерте Турецкий не произвел на меня впечатления. А потом, за кулисами, нас представили друг другу...»

«На меня, как артиста, который провел месяц на гастролях, внешний вид Лианы — ее высокий каблук и открытый живот — произвел неизгладимое впечатление», — десятилетием позже доходчиво разъяснил Михаил в одном из интервью свое состояние в миг знакомства с будущей супругой.

«Он оказался настырным и упорным, — продолжает Лиана. — Буквально сразу принялся настаивать, что нам нужно поехать куда-нибудь попить кофе. А на дворе почти ночь была. Попыталась ему объяснить: что это Америка, после 11 вечера практически все рестораны закрыты. Но Миша продолжал уговаривать. Я согласилась: „Ладно, поехали. Попробую отвезти вас куда-то, где еще подают кофе“. Обращалась к нему на „вы“. Для меня это был человек, намного меня старше, к тому же русский. Короче, существовали нюансы...

Кофе пили втроем: я с дочкой и Турецкий. Он много говорил. Затем попросился ко мне в гости, поняв, что я девушка самостоятельная и независимая. Это нереально, — ответила я. — Вас, дорогой человек, никто потом не отправит оттуда в гостиницу, а моему ребенку нужно спать. Но Мишино „вероломство“ дало результат — пришлось все же пригласить его к себе. И лишь глубоко за полночь, а скорее под утро, я вызвала ему car service, чтобы он уехал в отель. Сарина в тот час уже давно спала...

Прежде чем сесть в такси, Миша предложил мне отправиться с ним дальше в американский тур. Я отказалась, поскольку приучена разделять работу и частную жизнь. Нас в Америке воспитывали чуть иначе, чем русских. Для отдыха есть несколько недель отпуска, а спонтанно бросить все дела и поехать в путешествие, развлекаться — не в моих правилах. И вообще, наше

первое свидание не оставило во мне глубокого следа. Но через пару дней Турецкий позвонил из Чикаго, потом из другого города. Наши телефонные разговоры стали регулярными. Один из них длился едва ли не шесть часов!

О чем мы столько времени говорили? Трудно ответить. Ни о чем и обо всем, не касаясь личных отношений. Миша рассказывал о ребятах из хора, о том, как проходит тур, я — о своих бытовых делах, бизнесе. Постепенно я открывала в нем мужчину, определяла его человеческие качества. С ним было интересно общаться.

И в этих разговорах он меня „приговорил“. Я не из тех женщин, которым нужен условный Шварценеггер. Внешность, телосложение никогда меня в мужчинах сильно не интересовали. Важно внутреннее содержание, насколько он может меня увлечь. У Турецкого этого получилось. То, что мы столь долго общались по телефону, почти не зная друг друга, то, что у нас совпадали взгляды на многие вещи, не возникало споров, мы мыслили и чувствовали в одной тональности, меня ничего не раздражало — сыграло главную роль. Он, кстати, не упоминал в тех разговорах о своем участии в туре с Кобзоном, не бравировал другими звучными именами. Миша понимал: меня этими понтами не купишь. Я чуть-чуть другой человек, не воспитывавшийся на чинопочитании, преклонении перед сильными мира сего и т. п. В общем, когда Турецкий опять, после финального концерта тура в „Карнеги-холл“, вернулся ко мне в Даллас, у нас начался серьезный роман. Мы решили жить вместе. Для этого либо Михаил должен был переехать в Америку, либо я в Россию.

В США у меня было все прекрасно, отличная работа, собственный двухэтажный дом. Это благополучная страна. Казалось бы — выбор очевиден. Но мужчина всегда должен ощущать себя мужчиной. Подкаблучник мне не нужен. Если бы Турецкий переехал в Америку, чтобы он там дальше делал? Я бы занималась бизнесом, а Миша просто жил в моем красивом домике. Через год он бы мне надоел, и каждый из нас принялся бы подыскивать себе новую пару. Мужчина, в моем понимании, должен быть неким гарантом для семьи, для женщины. А жена может ему помогать».

Старшее поколение Лианиных родственников, в частности дедушка, скептически оценили романтический порыв внучки: какая еще Россия, зачем муж-артист? А ее отец, как две капли воды похожий на Кобзона (вот же везет Турецкому на символические знаки судьбы), честно предупредил будущего зятя, что с характером своей избранницы он еще намается. Влюбленных тем не менее ничто не остановило. Преодолев массу

бюрократических сложностей (один лишь вывоз в Россию маленькой Сарины, удочеренной Михаилом, потребовал изрядных усилий), молодая семья перебралась в Москву.

«В Америке мне доводилось встречаться со многими известными исполнителями, которых привозил папа, — рассказывает Лиана. — С Сашей Песковым там познакомилась, Игорь Николаев с дочкой ко мне приезжали. Но до сих пор особенно вспоминается визит одного народного артиста, не буду называть его имени. О-очень знаменитая фигура на российской эстраде, его все знают. Он пришел ко мне домой после концерта, а тут позвонил Турецкий. Когда я закончила разговор, „народный“ решил дать „добрый“ совет: „Зачем тебе нужен этот еврейский хоровик? Ну, окрутит тебя, и что дальше? Я тебе расскажу: он продаст твой дом, запишет на вырученные деньги свой новый диск, получит американский паспорт. И отлично устроится. Ты что, дура, не понимаешь, зачем ты ему нужна?“ Я выслушала всю эту мерзкую речь и выставила артиста вон. Больше мы с ним там не встречались. А в России, если пересекаемся на каких-то мероприятиях, прохожу мимо, не здороваясь».

Союз Лианы и Михаила даже записным злопыхателям трудно уличить и в другой известной расчетливости, предположив, что молодая, свободная девушка с ребенком умело вышла замуж за эстрадную звезду. Турецкий, при всей нарастающей востребованности его хора, выступлениях с грандами, типа Хулио Иглесиаса и того же Иосифа Кобзона, сольниках в «Карнеги-холл», звездой и даже просто преуспевающим музыкантом в начале «нулевых» еще не был. «Мужчина не определяется для меня высоким статусом или количеством миллионов на его счету, — замечает Лиана. — Важно, чтобы он не валялся празднично на диване, а ответственно выполнял свою работу, будучи артистом, инженером, водителем, кем угодно. Выйдя замуж за Турецкого, я сменила двухэтажный американский дом на двухкомнатную скромную московскую квартиру, где мы жили вчетвером с нашими дочерьми Наташей и Сариной. И манна с небес нам не падала, и соседи специфические рядом находились. Но мы были счастливы. Иначе бы я, как человек вспыльчивый, что-нибудь решительно поменяла. Правда, я чуть-чуть прикрывала свой тыл, и дом в Америке не продавала. Так что, романтизм свой преувеличивать не буду...»

Хотя тесть и «страшал» Михаила крутым нравом Лианы, в семье Турецких как-то без надрыва воцарился гармоничный микроклимат. Даже самый потенциально сложный узел — налаживание контакта между взрослеющей Наташей и ее «новой

мамой» — развязался легко и спокойно. «Мы друг друга не убили, — шутит Лиана. — А если серьезно: между нами не возникло отчуждения, дистанции, да и разница в возрасте у нас была не очень большая — девять лет. „Воспитывать“ 17-летнюю девушку мне уже, конечно, не требовалось. Ну, я могла ей кинуть какие-то фразы, типа: „Наташа, убери со стола“, „Наташа, помой посуду“. А она отвечала: „Когда петух в попу клюнет, я все научусь делать“. И действительно, когда „клюнул“, то есть когда она стала жить отдельно от нас, то всему научилась.

У Наташи сразу возникла дикая любовь к Сарине. Кроме того, что они спали в одной кровати, она о ней заботилась. Я могла спокойно на нее оставить маленького ребенка, когда нужно было куда-то поехать. Я знала, что Наташа ее помоеет, накормит, поведет куда-нибудь в зоопарк, в кино. И они так и выросли. У Наташи на сегодняшний день нет более любимого человека, чем Сарина».

В Лиане Турецкий обрел не только «хранительницу очага», но и верного соратника. «У нас никогда не существовало правила: пришел домой — оставь рабочие проблемы за дверью. Мы все жили единой работой, — говорит Лиана. — Приехав в Россию, я сразу вошла в жизнь хора. Помню, первые кассовые концерты при мне по Германии, кажется, в 2002-м. Я там и на контроле стояла, билеты отрывала, и количество зрителей подсчитывала, и еще много разных функций выполняла. Я сразу поняла, что это за проект и куда мы идем. То, что со временем мы стали жить более обеспеченно, а „Хор Турецкого“ достиг больших высот, мне кажется, в некоторой степени плод наших совместных с Мишей усилий. Хотя, когда я так говорю, он смеется, полагая, что во всем его личная заслуга. Он действительно трудился безостановочно. У нас же свой офис, менеджмент появились лет пять назад. До этого были только артисты. Ни секретарш, ни пиарщиков, никого. Любые звонки шли напрямую Михаилу Борисовичу. Он сам себе был и секретарша, и пиарщик».

Да, в первой половине 2000-х маэстро продолжал сверхэнергичную деятельность. Он искал, доказывал, объяснял свою концепцию хора, просил средства для него и плавно готовил его ребрендинг. Одна из программ коллектива в Театре эстрады уже носила персонифицированное название «Вокальное шоу Михаила Турецкого».

Официальный пресс-релиз хора в 2002 году завершался следующим обращением за подписью Михаила Борисовича: «В случае Вашей заинтересованности в сотрудничестве с арт-группой „Хор Турецкого“, в спонсорском и меценатском участии в нашем творчестве, мы предлагаем организовать встречу в удобное для

Вас время. Мы готовы также дополнительно представить Вам более подробную информацию о самом коллективе и его текущих и перспективных творческих проектах».

А израильской газете «Нон-стоп», в мае того же года, Турецкий доходчиво растолковывал свою эклектичную художественную платформу: «Мы участвуем в московском фестивале „Черешневый лес“, программа которого составлена из лучших исполнителей. Там нам заказывают нашу классическую программу. Это не эстрада, не хореография, а исключительно пение высочайшего уровня — программа на два часа. В ней звучат иные аранжировки, она акустическая, без микрофонов, без инструментального сопровождения, одни голоса. Это совсем другой подход. Израиль диктует другие подходы, иные требования, задачи. Мы существуем для людей, а не только для себя. Многие в зале не хотят слушать ничего классического. Они приходят ради шлягеров, „Мурки“, „Бубликов“, легкой и доходчивой музыки. Но и эту музыку мы стараемся сделать достаточно интеллектуальной, чтобы она не пробуждала низменные чувства, а заставляла людей слушать, как это сделано. Мы нашли новые интонационные повороты, новую музыкальную фактуру».

Летом 2002 года Турецкий привез свою команду на крупнейший на постсоветском пространстве международный музыкальный фестиваль «Славянский базар» в Витебске. Хэдлайнеры этого мероприятия выступают на сцене большого открытого Амфитеатра, камерные проекты представляют в компактном Театре им. Якуба Коласа. Именно там появился, можно сказать, на закате традиционного этапа своего творчества бывший московский синагогальный коллектив. Выработывая свою, впоследствии сделавшуюся фирменной, манеру шутейного конференса Турецкий открыл вечер репликой: «Маленький еврейский хор приветствует большой славянский фестиваль!» «Тот концерт произвел на публику серьезное впечатление, — говорит Михаил. — Более того, генпродюсер телеканала „Россия“ (транслировавшего фестиваль), Геннадий Гохштейн, тоже обратил на нас внимание и дал кое-какие рекомендации. Я понял, что хор с мужчинами в черных костюмах — это для телевидения не формат, к тому же мы малоизвестны. Чтобы попасть в эфир, нужно использовать одну из форм, интересующих телевизионщиков. Скажем, сделать концерт-бенефис, где с нами споют разные эстрадные звезды. Гохштейн так же заметил, что и название нужно менять. Эпитеты „мужской“, „камерный“, „еврейский“, да еще звучащие все разом — для раскрутки безнадежно».

Пока Михаил размышлял, как лучше сменить тяжеловесное наименование своего проекта на нечто более эффектное, но «чтобы для поклонников хора осталось понятным, что это по-прежнему мы», ему, в ноябре 2002-го, присвоили звание заслуженного артиста РФ, именно как «художественному руководителю государственного учреждения „Мужской камерный еврейский хор“ Московской хоральной синагоги еврейской религиозной общины». В одной официальной формулировке будто спрессовался весь академический отрезок карьеры Турецкого, который он в тот момент подытоживал перед «прыжком» в большой шоу-бизнес.

«Мы уже пять лет имели официальный статус, — подчеркивает Михаил. — Много работали для города, ездили по стране, как московский муниципальный коллектив. Естественно, я стал уже относительно заметной фигурой в музыкальном мире. И как любому человеку с советским воспитанием, мне приятно и важно, когда меня отмечает государство. Я не цеплял значок „заслуженного артиста“ на лацкан пиджака, но если меня останавливали гаишники, говоря, что я нарушаю, я отмазывался своим званием и показывал соответствующий документик, подписанный Путиным. Это благотворно действовало на сотрудников автоинспекции».

15 глава

Название меняем, от миллиона долларов отказываемся

В январе 2003 года Турецкий окончательно отказался определять свой проект словосочетанием «еврейский хор». На всех концертах, от помпезных, правительственных, до скромных, в домах культуры и других небольших залах, его коллектив стали объявлять просто — «Хор Турецкого», иногда добавляя к названию приставку «арт-группа». Кобзон, за такое поправление Михаилом ранее декларированных принципов (ну, о возрождении еврейских песенных традиций, их популяризации и т. п.), едва не проклял своего молодого подопечного. Турецкий тщетно пытался доказать «ребе», что не совершил ничего крамольного, а лишь стремится к творческому развитию, да и, чего греха таить, «жить как-то надо». Иосиф Давыдович продолжительное время оставался непреклонен. Ругал Турецкого, язвил: «Тут он Хаим, там он Хамон», считал оборотнем.

«Для Миши нежелание Кобзона с ним общаться было большим ударом, — вздыхает Лиана. — Он сильно переживал. Слава богу, их помирил Юрий Михайлович Лужков. Думаю, Кобзон единственный человек, ради которого Михаил Борисович может, что называется, „прогнуться“ и поступить так, чтобы Иосифу Давыдовичу было приятно. Оценивать, сколько он для Миши сделал, — смешно. Достаточно уже того, что Кобзон с ним рядом. Их отношения мне всегда напоминали отношения отца и сына. Сын что-то не так порой сделал, отец хочет его наказать, но из любви к нему — не наказывает.

А по поводу смены названия и репертуара хора я, признаться, Михаилу Борисовичу всегда говорила: нам камерный еврейский хор не нужен. Надо петь популярную музыку».

Приведу фрагмент своего давнишнего интервью с Турецким для газеты «Известия»:

Вопрос: Мне кажется, название вашей группы не случайно возникло. Не «Великолепная десятка», «Десять соловьев» или «Компания поющих друзей», а именно «Хор Турецкого»...

Ответ: Мы мучились с этим названием. Не очень хотелось употреблять слово «хор», и «Турецкого» не очень хотелось. Но просто не нашли другой формы.

В: А какие были варианты?

О: «Энергия голосов», «10 певцов», «Москва — Иерусалим», «Группа J» и т. п. Но все казалось каким-то безликим.

В: Кто все-таки принял окончательное решение и сказал: «„Хор Турецкого“ — это лучший вариант»?

О: Мы взяли одну девушку в административный состав. Она года два у нас работала, потом влюбилась в одного из участников группы, не нашла взаимности, начала мучиться и ушла из коллектива. Вот она-то и сказала однажды, что надо называться арт-группа «Хор Турецкого». Так что клянусь, это не моя идея.

Как видите, и женское слово в сугубо мужском коллективе иногда весомо. На «Славянском базаре-2003» «Хор Турецкого» уже выступал не в театральном витебском зале (как в 2002-м, когда он именовался «камерным еврейским»), а с сольным концертом в многотысячном Летнем Амфитеатре. В тот раз на фестивале подобного права удостоились еще шесть исполнителей: София Ротару, «Любэ», Николай Басков, Борис Моисеев, «Ночные снайперы» и «Би-2». Получалось, что коллектив Турецкого за год перевели в категорию топовых артистов, «делающих кассу» и рейтинг крупному музыкальному форуму.

Приученную к звездным гастролерам публику Амфитеатра Михаил приветствовал очередной легкой шуткой из своего конференсного багажа: «Наш хор объехал все страны бывшего Советского Союза, включая Израиль». Приемы ведения концерта, подмеченные Турецким еще в бытность работы в ансамбле политической песни «Голос», срабатывали безотказно. Народ сразу верил, что хотя перед ним и академические музыканты, должно быть «живенько» и оригинально.

Такому проекту теперь уж точно пригодился бы искушенный продюсер, получше Турецкого знакомый с лабиринтами и понятиями нашего доморощенного шоу-бизнеса. Не для раскрутки брэнда и выбора его формата, чего когда-то хотел Михаил от Юрия Айзеншписа, а для максимально эффективного продвижения готового, качественного продукта. Турецкий сделал еще одну (по большому счету — последнюю) попытку альянса с деловым партнером. Он обратился к Иосифу Пригожину. Но «кина не вышло», как и с Айзеншписом. Да, пожалуй, и не могло выйти, в силу специфического и абсолютно индивидуалистского мышления Михаила. О чем договариваться, если он сам подчеркивает: «Я не знаю, кому, кроме самого себя, могу доверить продюсирование своего хора». Впрочем, в ситуации с Пригожиным маэстро ссылается на недальновидность супруга

певицы Валерии. «В 2003-м я пришел к Пригожину, но он отнесся к моему предложению с прохладцей, — рассказывает Турецкий. — Записи наши слушать почти не стал, интереса к проекту не выказал. Мы немного поговорили и разошлись. А уже через несколько лет я начал Пригожина подкалывать: „Йося, проглядел ты меня. Сколько бы мог сейчас „настричь“ денег!“

„Ничего я не проглядел, — возражает Пригожин. — Я с большим уважением отношусь к творчеству „Хора Турецкого“ и десять лет назад прекрасно понимал финансовую перспективность этого проекта. Но так же чувствовал, что мы с Мишей можем оказаться двумя медведями в одной берлоге. Я люблю быть полезным. А в игре, предложенной Турецким, мог оказаться лишним. Поэтому совершенно не жалею, что тогда отказался от нашего сотрудничества и не думаю, что чего-то потерял. Некоторые считают, что я без денег с места не сдвинулся, но это не так. В случае с „Хором Турецкого“ речь изначально не шла об „освоении“ некоего бюджета. Мы просто рассматривали с Мишей разные возможные формы моего участия в проекте. Но ведь Турецкий не просто дирижер и музыкант, он — бизнесмен и, по большому счету, никого к своему проекту не подпустит. Я предполагал, что и на меня будет оказываться давление. А человек он эмоциональный. Максимум, я выполнял бы при нем функции администратора. Но это не мое. Согласиться на предложение Турецкого — все равно, что стать продюсером Филиппа Киркорова.

Когда Миша ко мне пришел, я оказался перед выбором: остаться его добрым товарищем или со временем нажать себе недруга, а то и врага, когда придет черед делить прибыль. Я предпочел первое. А Миша и сам стал чемпионом. Сделал суперуспешный проект. Никому сейчас ничего не должен. Его можно поздравить. Он вправе собой гордиться“»

«Миша всю жизнь кого-то ищет в свою административную команду, — поясняет Лиана. — Ему кажется, если у него появится профессиональный менеджер, то сам он займется исключительно творчеством, а этот человек возьмет на себя все деловые контакты и разные технические моменты. Но к сожалению, Турецкий не найдет такого помощника никогда, поскольку никому стопроцентно не доверяет и, значит, все равно, будет влезать в любой вопрос, проверять. Миша сам себе директор и продюсер. От такого положения вещей он, конечно, очень устает, но получает и некий кураж. Хотя порой ему все-таки нужны полезные советы со стороны, чтобы избегать серьезных ошибок. Помнится, я предостерегла его от одной сомнительной сделки буквально вскоре после нашего знакомства. В 2001 году один

советский эмигрант из Нью-Йорка предложил Турецкому трехлетний контракт стоимостью миллион долларов. Я, как только взглянула на этот документ, сказала: Миш, ты себя повяжешь по рукам и ногам. Вы с ребятами будете принадлежать этому человеку, как крепостные. Не связывайся. Заработаешь сам, может быть, меньше, но это будет твое.

Сейчас Турецкий шутит, что показал мне тот контракт, чтобы завоевать больший авторитет в моих глазах. А может, и вправду ему тогда не с кем было посоветоваться. А я хорошо разбираюсь в юридических тонкостях. В любом случае, главное, что Турецкий не полез в это дело. И через несколько лет появилось маленькое доказательство правильности моего совета. Тот человек опять сделал нам предложение: поехать в тур на несколько концертов. После чего он долго пытался увильнуть от полного расчета за эти выступления. Ему даже из Москвы звонили наши общие знакомые и советовали изменить свою позицию. В конце концов, ему, видимо, стало неудобно марать свое имя из-за десяти тысяч долларов (он человек не бедный), и деньги мы получили. Но осадочек-то остался и стало понятно, как могла бы развиваться ситуация с соблюдением того миллионного контракта...»

Неприятным и неожиданным моментом для Турецкого оказался и уход из его проекта в 2003 году сразу трех солистов! По степени странности их поступок теперь, наверное, сопоставим с «бруклинским бунтом» участников еврейского хора начала 1990-х. Трио рассталось с маэстро буквально за шаг до появления «новой формы существования коллектива», — как выразился Евгений Кульмис. «С первого же нашего сольного концерта в ГЦКЗ „Россия“ в январе 2004 года, — продолжает Женя, — стало понятно, что мы отныне не еврейский хор, а арт-группа, нацеленная на создание яркого эстрадного шоу».

«Мы с Мишей после очередного американского тура задержались в Нью-Йорке, а ребята улетели в Москву, — говорит Лиана. — И оттуда они нам сообщили, что хор покидают Алексей Калан, Евгений Астафуров и Герман Апайкин. Проработав в коллективе семь лет, они вдруг решили, что еврейская тематика им чужда, они хотят исполнять „что-то свое“, и всей компанией направились к Надежде Бабкиной. Ребята просто сгупили. Чуть-чуть не дождались репертуарных перемен в хоре и его взлета. Сейчас все трое довольно скромные карьеры сделали. Один в „Непоседах“ преподает, другой, Гера, просится назад к нам. На мой взгляд, у парней профессиональная жизнь сломалась.

И еще хочу заметить, что в нашем шоу-бизнесе некоторые полагают, если переманить у Турецкого несколько солистов, то его проект повалиться, а у кого-то начнется прогресс. Это

иллюзия. Пока есть Миша — „Хор Турецкого“ всегда будет на виду».

Итак, обкатав свою арт-группу на «Славянском базаре», серьезно перекроив ее репертуар, наладив контакт с российским телевидением, выпустив диск «Хор Турецкого представляет...», где от еврейского уцелела лишь тема «Israel, Israel», да еще «Семь сорок» и «Одесское попури», зато появились «Ой, мороз, мороз» в компании с Надеждой Кадышевой, «Летка-енка», «Ты ж менэ тдманула», неаполитанская эталонная канцона «O sole mio» и другие «нетленки», Михаил Борисович взялся за подготовку первого своего крупномасштабного шоу «Десять голосов, которые потрясли мир».

«После нескольких лет выступлений в Театре эстрады, после „Славянского базара“ мы уже отчасти „раскрутились“ в новом качестве, и люди ждали нашего большого московского концерта, — объясняет Турецкий. — Чтобы показать его по центральному ТВ, нужно было собрать в программе представительный состав гостей, то есть сделать совместные номера с нашими поп-звездами. Никто из них не соглашался участвовать в проекте, пока я лично с каждым артистом не встречался. Изначально всегда ведь сталкиваешься со скепсисом. Аналогичную историю я уже проходил с Кобзоном. Поэтому просил то же самое: уделите мне несколько минут, и я растоплю лед вашего непонимания. Они видели мои горящие глаза, когда я рассказывал, что мы можем совместно сделать, реагировали на информацию о том, что все это покажет канал „Россия“, и соглашались с нами поработать. Для каждого исполнителя у меня была готова идея номера, как правило, более оригинальная, чем предлагали они сами. Лайма Вайкуле, скажем, планировала исполнить с нами своего „Чарли“, Олег Газманов — „Москву“ и т. д. Я говорил, что все это, конечно, хорошо, но весьма предсказуемо, а хотелось бы удивить и восхитить публику. Поэтому Лайме, с ее низким голосом, иногда похожим на мужской, мы предложили спеть знаменитую тему „Memory“ из мюзикла Ллойда Уэббера „Cats“. Мы не просто перепевали с ней великую композицию, а сделали тонкую фортепианную аранжировку. Вайкуле появилась на сцене в мужском костюме, а наши солисты пели выше нее, фактически женскими голосами. С Олегом Газмановым очень выразительно сделали „Feelings“, с Филиппом Киркоровым — „квиновскую“ „Show Must Go On“...»

Два аншлаговых концерта в центральной «России» с телесъемкой и художественным оформлением Юрия Антизерского. Все понявший и простивший Кобзон в конце первого отделения пел с хором «Тум-бала-лайку», Николай Басков

во втором — незабвенную «Мурку», а Борис Моисеев — старинный кинохит «Шар голубой» с куплетом на идиш. «Хава-нагила», «Ich hob dir», «Ba mir bistu shein» звучали, как салют славному прошлому «Хора Турецкого», смешиваясь с его настоящим и будущим, вечными шлягерами, популярными ариями из опер и мюзиклов. «Мы нигде не сэкономили впервые в своей жизни, — фиксировал Турецкий ощущения от такого события в своей автобиографии. — Роскошнейшие декорации, свет, концертные костюмы от Dolce & Gabbana... Вот это и называется „Ну, наконец-то!“. Вся „Россия“ аплодировала нам стоя, включая Аллу Борисовну Пугачеву». Получилась, бесспорно, мощная заявка на всеобщее признание нового (да, нового, несмотря на «чертову дюжину» прожитых хором лет) явления на отечественной поп-сцене. «При значительных тратах, никакого спонсора у меня тогда не было, — подчеркивает Михаил. — Но я „не попал“ после тех двух концертов, то есть „отбил“ расходы за счет продажи билетов. Абсолютная самоокупаемость. Тем мой проект и силен. На корпоративе мы, возможно, стоим меньше, например, Валерия Меладзе, но у нас свой дебет с кредитом. Нам нужно, образно говоря, не два часа на рынке постоять, как некоторым везунчикам, а целый день. Но мы заработаем столько, чтобы нормально кормить свои семьи и ни у кого не просить.

А телеканал „Россия“ показал наше первое шоу, естественно, в усеченном виде — номеров шесть-семь. С Кобзоном, с Максимом Галкиным, с Киркоровым... Однако нас увидели во всех регионах страны. Хотя мне показалось, что и после этого нас еще не сразу восприняли, как самостоятельную творческую единицу, скорее — как бэк-вокалистов. Но во всяком случае, максимально широкая аудитория узнала, что есть такой „Хор Турецкого“. И потихонечку число приглашений выступить в тех или других городах у нас стало расти. Челябинск, Уфа, Саратов, Екатеринбург, Пермь... Программа „Десять голосов, которые потрясли мир“ поехала по России.»

16 глава

Над страной на своем самолете

«В 2004 году на очередном корпоративном мероприятии исполняем что-то вроде: „Промарматура, мы о любви тебе поем, как соловьи... — с легкой усмешкой вспоминает Турецкий. — Заканчивается номер, присутствующие в восторге. Поворачиваюсь к одному из наших солистов Олегу Бляхорчуку и тихо говорю: запомни, Олег, мои слова, через полгода нас будут рвать на части по разным „заказчикам“... У нас формат подходящий: „любимые песни поколения“, переходящие по наследству, как салат оливье. И никакой идеологической подоплеки, зато есть ностальгический флер. Плюс, я умею вести концерты, так что конференс фактически заложен в наш гонорар. Заказчику не надо тратить отдельно на ведущего...“»

Хормейстер ни на йоту не слухавил в обещании своему подчиненному. Уже через несколько месяцев после успешных сольников в «России» проект Турецкого включил такой «турбонаддув», что многим в отечественной поп-тусовке оставалось лишь замороженно-завистливо наблюдать за «вертикальным взлетом» серьезного конкурента. «Хор Турецкого» тотально и стремительно расширял репертуар за счет беспрюигрышного, «ничейного» (как любил подчеркивать Михаил) материала. Маэстро подразумевал, что выбираемые им для переработки и исполнения бессмертные творения, вроде «Песни старого извозчика», тюремного плача «Постой, паровоз» или арии «Nessun dorma» из оперы Пуччини «Турандот», давно следует считать принадлежащими всему человечеству, а не кому-то конкретно. В том же 2004-м коллектив выпустил сразу два полновесных альбома, наспигованных хитами и универсальными попури. Арт-группа выступала повсеместно: от мероприятия, на котором присутствовал российский президент, до ночного концерта под открытым небом на прославленной венецианской площади Сан-Марко и, разумеется, активно гастролировала по стране.

«С 1999 года я, кроме того, что являлся солистом, выполнял в коллективе и администраторские функции, — говорит Кульмис. — Бывало, мы не сходились с Турецким по каким-то вопросам, спорили, ругались, но в целом я в одиночку справлялся с возложенными на меня дополнительными обязанностями. В середине „нулевых“ стало куда сложнее. Административной, рекламной, пиаровской работы прибавилось столько, что

понадобились специалисты по каждому из этих направлений. Я в основном принимал заявки на наши выступления, общался с организаторами концертов, но стоимость хора Турецкий определял сам. И в некоторых случаях я даже не рисковал называть приглашающей стороне нашу „стартовую“ цену, пока Миша ее не „завизировал“. Хотя пару раз „обжигался“ на этом моменте, поддавался на уговоры промоутеров, и нам приходилось выступать не за ту сумму, которую предполагал Турецкий. С ростом популярности хора наш гонорар, разумеется, увеличивался. Думаю, за последние десять лет он вырос раз в пять».

В материальном плане «бойцам» команды Турецкого грех было жаловаться. Фортуна заулыбалась им во все 32 зуба. Еще не так давно некоторые из них пробовали сменить юдоль музыканта на что-нибудь менее одухотворенное, но доходное (ремонтный бизнес, торговлю, участие в финансовых «пирамидах»...) или, без особых иллюзий, тянули хоровую лямку, и вдруг певцы-«академики» начали превращаться в эстрадных героев с соответствующими перспективами «сладкой жизни». Что говорить о солистах хора, если сам Михаил лет шесть назад заявил мне: «Я вообще не верил, что столь удачное развитие событий, какое с нами произошло, возможно. Оно само так „нарулилось“». Некоторые, наоборот, на первых порах советовали мне не экспериментировать, считали, что мой замысел — бред, что нужно последовательно заниматься тем, чем и раньше».

Так рассуждали сомневавшиеся в коммерческом успехе «апгрейта» еврейского хора. Им Турецкий все красноречиво доказал. Но остался риторический вопрос о мере профессионального компромисса, допустимого для артиста. Об этом, похоже, задумывались не только критики Михаила, бичевавшие хормейстера за конъюнктурность, но и участники его арт-группы, невзирая на рост своего благосостояния.

«Вообще, у нас достаточно давно уже художественным процессом руководит Евгений Тулинов, — объясняет Кульмис, — но окончательно утверждает репертуар Михаил. Он прослушивает то, что мы сделали, и периодически вносит коррективы: тут сократить, здесь изменить темп, там — бит другой и т. п. Именно с ним у меня частенько возникают творческие споры. Я люблю классическую музыку и постоянно с ней лезу. А он меня осаживает. Когда мы обсуждаем очередной концертный номер, Турецкий любит говорить: если Кульмису не нравится, значит, все отлично».

«В наши самые „пиковые“ годы, где-то с 2005-го по 2009-й, мы обновили свой репертуар процентов на 75, — утверждает

Тулинов. — Ив основном этим занимался я, поскольку в то время уже вел репетиции хора. Кроме меня и Михаила Кузнецова, других кандидатур на эту роль не было. Миша тоже прекрасный концертмейстер, но как-то так сложилось, что мне перешли эти функции. Я предлагаю, к примеру, 15 аранжировок, Турецкий дветри. Порой приходится что-то делать исключительно потому, что он поручил. Например, песню „Ах, какая женщина...“ я ненавижу, но мы ее поем, поскольку так решил Турецкий. На мой взгляд, объем классики в программе у нас регулярно сокращается, а ведь она всегда была нашим „коньком“. Без классики все остальное не работает. Два отделения попсы — не для „Хора Турецкого“. Эффект достигается, когда за „классическим“ отделением у нас следует эстрадное.

Вот они — моральные издержки лидерства. И ближайшие соратники Турецкого порой ропщут на какие-то его популистские вроде бы решения, но он, даже разделяя их чувства, обязан поступать так, как задумал, чтобы проект сохранял устойчивость и продвигал свое понимание музыкального качества в массы. «Я готов согласиться с тем, что некоторые уступки шоу-бизнесу мы вынуждены были сделать, — признал Михаил в своей автобиографии. — Но иначе мы просто не смогли бы проникнуть в телеэфир с его „форматами“, „идеологией продаж“, рекламой...»

В декабре 2004 года «Хор Турецкого» сподобился на новое статусное шоу — «Когда поют мужчины». Теперь дважды был «взят» столичный шеститысячный Кремлевский дворец, а специальными гостями программы выбрали французскую приму classical crossover Эмму Шаплин и заслуженную труженицу американского диско Глорию Гейнор. В отличие от январского выступления в «России», Турецкий уже мог позволить себе и такие недешевые «бонусы», как приглашение зарубежных звезд. «Гулял-то» не на свои. За «спиной» его впечатляющей арт-группы встал могучий «Сбербанк»...

«В том году нас попросила выступить на своем юбилее в „Национале“ королева мехов, модельер Елена Ермак, — рассказывает Михаил. — Сказала: „Миш, денег дам мало, но ты не пожалеешь, что приехал. Публика соберется очень представительная“. Я согласился. Мы отработали там свой сет и в самом его конце, когда Миша Кузнецов, запредельным фальцетом, в третьей октаве, „живую“ исполнял песню „Дива“ на иврите, а весь хор в финале подхватывал: „Виват, Елена Ермак!“, в зале появились тогдашний председатель „Сбербанка“ Андрей Казьмин и его первый заместитель Алла Алешкина. Они услышали коду нашего выступления и изумились. Ничего себе! К

нам в этот момент стали подходить гости, просили автографы, выражали восхищение. Алла Константиновна поздравила именинницу и затем пообщалась со мной. Я ей рассказал, что нашему молодому, на вид, уникальному коллективу на самом деле в следующем году исполнится уже 15 лет. У меня есть мечта — сделать по этому поводу тур по 50 городам России. Хочется, чтобы вы нас поддержали. Нам не нужны особые гонорары, нужны красивые декорации, качественный свет, звук, реклама в регионах. Алешкина ответила: „Давайте поступим так. У нас намечается вскоре одно торжественное мероприятие в „Сбербанке“. Мы пригласим вас там выступить. А потом посмотрим...“

Андрей Ильич, к слову, восхищения Аллы Константиновны поначалу не разделял. Он считал, что каждый артист называет себя лучшим, уникальным, а на практике выходит — ничего особенного. Но идею пригласить нас на праздник в „Сбербанк“ одобрил. Мы спели там перед всем советом директоров, после чего Казьмин воскликнул: „Вот кого надо поддерживать! В этом хоре вообще одни „золотые голоса России“!“»

И первой лептой «Сбербанка» в процветание арт-группы Турецкого стало спонсирование вышеупомянутых кремлевских концертов коллектива в 2004-м. «Мы предложили нашим финансовым партнерам пригласить для совместного выступления с хором Шарля Азнавура, — говорит Михаил. — Но что-то не сложилось. Тогда подумали, раз у нас мужская группа, давайте для контраста попробуем сделать номер с какой-нибудь известной западной певицей. По стилистике нам вроде вполне подходила Эмма Шаплин. 30-летняя француженка, сочетающая оперное пение с поп-музыкой, в самом расцвете карьеры, только что выпустила на ЕМІ новый альбом... Однако мы стали жертвами ее пиара. Когда Шаплин приехала в Кремль на репетицию, пришлось долго разбираться, почему у нее скачет фонограмма (а ведь у всех создавалось ощущение, что она поет „живьем“). Потом она отняла у нас целый час самого дорогого репетиционного времени с пяти до шести вечера и все равно на концерте пела под „фанеру“. Причем то, как она это делала, тянуло, в лучшем случае, на 4-й курс училища. Мы к двадцатой минуте шоу уже раскачали публику, добились фурора, и тут вышла Эмма и прямо „посадила“ зал. Люди скисли. Кузя начал с ней петь дуэтом, то есть, получались реально два женских голоса, и буквально „покрыл“ ее звуком. А стояла она, между прочим, 100 тысяч долларов. Вот во втором отделении к нам присоединилась Глаша (Глория Гейнор) и всех завела. Потому что она профессиональный американский исполнитель, не

придуманый, не распиаренный.

Наше кремлевское шоу потом показали по „России“ параллельно с финалом „Фабрики звезд“ на Первом канале. И говорят, у нас зрительский рейтинг оказался выше».

В Кремль «Хор Турецкого» опять приехал ровно через год. В декабре 2005-го здесь финишировал его эпохальный юбилейный тур «Рожденные петь». Михаил, с помощью «Сбербанка», осуществил-таки свою мечту о грандиозном вояже по стране. Если бы в середине 1990-х, на придорожном продуктовом торжище под Челябинском, где Турецкий, выйдя на стоянке из дребезжащего автобуса, с брезгливостью осматривал предлагавшуюся бабушками снедь и ничего не купил, ему сказали, что десять лет спустя он будет пролетать над теми же краями в именном самолете или проезжать по ним в собственном поезде, будучи руководителем популярнейшего коллектива, собирающего аншлаги в любой точке России, маэстро, вероятно бы, решил, что над ним издеваются. Но сказка стала былью...

«В 2005 году нас пригласили на Сбербанкиаду в Мурманск, — рассказывает Турецкий. — Там мы дали два великолепных концерта. А на банкете я переговорил с Андреем Ильичем и сказал ему примерно тоже, что ранее говорил Алле Константиновне в „Национале“. Мол, нашему хору исполняется 15 лет. Я хочу юбилейный тур: с поездками, самолетами, по все стране. У меня есть силы, желание, программа: Петербург XIX века, Лас-Вегас, Бродвей, Венеция, „Мулен Руж“, „Фридрих Штадт Палас“, „Радио Сити Мьюзик Холл“... Все объединяю в одной программе и везу в регионы. Могу сделать людям большой, просветительский праздник. И мы с Казминым договорились. У нас появился самолет, украшенный нашим логотипом и фотографией хора. РЖД выделили нам специальный поезд. Мы перемещались по всей стране по своей навигации. Там, где не могли проехать обычные поезда — мы проезжали. И жили всем коллективом в поезде, в комфортных условиях: большие кровати, душ и т. д. У нас даже был свой повар».

Михаил сотворил, бесспорно, монументальный для эстрадных подмостков перформанс. С такой запредельной эклектикой наша публика еще не сталкивалась. Рискованнейший трюк по сочетанию несочетаемого «Хор Турецкого» исполнил убедительно. Три десятка разномастных номеров каким-то образом компоновались общей драматургией. Выяснилось, что ария Лориса из «Федры», «Лирические сцены по Пушкину» из сочинений Чайковского могут сосуществовать в одной программе с песнями «Увезу тебя я в тундру» и «Голуби летят над нашей зоной», а фрагмент моцартовского «Реквиема», «Отче наш» и еврейскую

литургическую «Ma tovu» можно поставить встык с «Папиросами» и «Муркой». Ханжам, педантам и консерваторам здесь не место, словно декларировал Михаил Борисович каждым своим художественным действием. И сие обернулось бы пустой бравадой, ни будь у него классного хора. Собранные Турецким солисты подавали сверхконтрастный материал органично и броско. Окажись на их месте другие исполнители, не столь мастеровитые или припаянные к какому-то единственному жанру (неважно — классике, джазу, року, «попсе») — получилось бы смешно. А у «Хора Турецкого» выходило достойно.

17 глава

«Екатерина Евлампиевна» нужно произносить четко

Следующий год, 2006-й, и очередной тур с новой программой «Музыка всех времен и народов», где хор продолжил свое тотальное стилевое микширование. «Ave Maria» Баха и «битловская» «Ob-la-di, Ob-la-da», «Есть только миг» Зацепина и «Аллилуйя» Ген деля... Этот «просветительский коктейль» публика с удовольствием поглощала «цистернами». «Хор Турецкого» работал с феерической интенсивностью. В офисе коллектива есть традиция — вывешивать подробные годовые гастрольные графики хора на стенах. Так вот, каждый год, начиная с середины «нулевых» и по сей день, это два-три, убористо заполненных датами, названиями залов и городов, длинных «папируса», свисающих с потолка до пола. Весной 2007-го Турецкий «жаловался» одной киевской газете: «Мы уже просто физически не можем осилить все, что нам предлагают, а это — от тысячи до двух тысяч выступлений в год... Бывают дни, когда нам предлагают по 15 концертов в день — вот 7 марта, например, нас звали одновременно в Петропавловск-Камчатский, на юг Франции, в московскую Счетную палату... В 2006-м у нас было почти 300 концертов! Сейчас я планирую выйти хотя бы на 200 — тоже много, но посильно. И учтите, что это все — в разных местах. Мы ведь не Селин Дион, которая живет в Лас-Вегасе в красивом замке в горах, на часовое шоу летает на собственном вертолете, а потом снова занимается собой. Живет человеческой жизнью! А мы летаем с Сахалина в Торонто, оттуда — в Майами, Тюмень, Ухту, Донецк... В результате — 115 полетов в год, 150 тыс. км автотранспортом. Это рекорды Гиннеса, наверное...»

«Я не слежу пристально за тем, что делают участники коллектива после концертов, — объяснял мне в том же 2007-м Турецкий, — но в принципе у нас сухой закон, и за его нарушение предусмотрены серьезные штрафы. Люди работают за деньги и должны нести ответственность за свои поступки».

Пятью годами позже Михаил развил эту мысль: «У нас так повелось, что „в служебное время“ никому в коллективе особо пить не позволялось. Я сам это делаю в меру, бокал вина, две-три рюмки водки иногда, после концерта, допустимо, но не более того. Стараюсь себя контролировать, даже если случаются какие-то особые застолья. Пока могу произнести „Екатерина Евлампиевна“, значит, все в порядке. И ребята знают, что

„Турецкий не любит, когда напиваются в его присутствии“, поэтому тоже ведут себя сдержанно. Хотя у нас в хоре есть люди, способные, как говорится, „нажраться“. Ну так, некоторые из них сразу в идиотов превращаются. А в 1990-х кому-то „море по колено“ становилось. Могли где-нибудь в Америке, находясь в религиозной иудейской среде, начать громогласно высказываться, как их „достали евреи и негры“. Вообще, если в коллективе появлялся человек-исключение по части соблюдения режима, мы начинали с его пристрастием к спиртному бороться. У нас Артур Кейш, один из самых ярких участников хора, проработавший в нем 13 лет, страдал алкогольным недугом. Приходилось на него всячески воздействовать. Случалось, выгонял его с репетиций, если он приходил „с запахом“. Думаю, не боролись бы за него, он закончил бы карьеру году в 2001-м, а так продержался с нами до 2007-го. Но он все время был недоволен, что ему не дают ощущать себя полностью счастливым. Со временем Артур, видимо, перестал понимать, ради чего, собственно, так мучиться, подчиняться творческой воле этого „самодура“ Турецкого, который пить запрещает, призывает спортом заниматься. Ему-то хотелось пить, гулять, отдыхать... Семьи у него не было, квартиру себе купил, денег лет на десять вперед заработал — довольно. И однажды он просто не приехал в аэропорт, когда мы вылетали на очередные гастроли. И с тех пор исчез. Сегодня он изредка кому-то из ребят „эмэйлы“ пишет. Они его спрашивают: „Как ты, Артур? Может, встретимся? А он отказывается, говорит: сейчас так выгляжу, что из дома редко выхожу...“

«Я сильно переживала, когда Артур ушел из хора, — признается Лиана. — Всегда считала, что второго Кейша, как, скажем, и второго Кузю, не найти. У него даже во взгляде есть какая-то сумасшедшинка, которой у других нет. Артур — человек тяжелый, капризный, но он настоящий артист шоу, наиболее заметный на сцене. Этаким Квазимодо, от которого не оторвать взгляда. Я его обожала. Помню, первую гастрольную поездку, в которую мы поехали с пятилетней Саринкой. Так Кейш все дорогу с ней играл...»

«Артур — отдельная статья, человек непредсказуемый, вспыльчивый. Он мог один выпивать, и никто к нему не стремился, — говорит Александров. — Правда, Боря Горячев с ним часто жил на гастролях, и Кейш на него, скажем так, в какой-то момент стал влиять не лучшим образом. Мы волновались за Боря. Некоторое злоупотребление спиртным начинало сказываться на его голосе. Миша, в конце концов, его предупредил: не „подвжешь“ — закончишь с хором. И Боря все понял правильно».

«К сожалению, Артур сам себя вычеркнул из активной жизни, — объясняет Кузнецов. — Как-то странно взял и исчез, отключил все телефоны. В течение трех лет не выходил с нами на связь! Это ж какую нужно силу воли иметь, упорство! В моей практике другого подобного примера нет. Даже если предположить, что у него возникли какие-то конфликты с Мишей, он ведь мог поделиться переживаниями с нами. Мы-то с ним в одних „окопах“ лазаем. Такие же „наемники“. От нас ему чего отгораживаться?»

В «комплексе» с большой популярностью Турецкий получил все ее «побочные эффекты». Досужие домыслы о нем и его коллективе, свидетельства некоторых «очевидцев», знающих про маэстро и хор что-то пикантное или видевшие где-то на их гастролях «та-а-а-кое!», расплзались по таблоидам и Интернету с гоночной скоростью. Михаил эпизодически и сам провоцировал репортеров и «доброхотов» на буйство фантазии.

То скажет в интервью, что домой с гастролей, без предупредительного звонка жене, не возвращается, то признает себя на очередной пресс-конференции «диктатором» и тут же «Моисеем, который привел своих музыкантов к свободе», или назовет Эмму ШАПЛИН «безголосой девчонкой», а себя «борцом с дебилизацией нашего общества». Короче, самоуверенный, (в чьем-то восприятии — заносчивый, высокомерный), успешный, публичный человек, это всегда объект амбивалентных чувств. А у Турецкого еще и получилось сохранить фактически безупречное медийное реноме. Ну, не фигурирует он в громких скандалах и «сальной» светской хронике! Даже «разоблачающих» его фотографий не сыскать. А кто там, что-то о нем судачит, предполагает — частное дело рассказчика.

Неуязвимость хормейстера недавно вызвала забавный взрыв негодования в Сети у неких анонимов, сформулировавших рассерженный текст, растиражированный на ряде информационных сайтов. Выглядеть это, видимо, должно было, как серия наконец-то «правдивых» публикаций о зарвавшемся дирижере-продюсере. Но все заметки получились настолько мелочными и очевидно скроенными по одному лекалу, что напомнили хорошо известные в отечественной истории «подметные письма». Их преамбула в двух предложениях объясняла, что движет авторами-имяреками: «О Михаиле Турецком в Интернете невозможно найти негативную информацию. Все статьи, отзывы, обзоры исключительно лояльны и призваны прославлять имя основателя и действующего арт-директора „Хора Турецкого“. И типа мы сейчас исправим ситуацию, и расскажем вам, что да как, на самом деле.» Но первая

же фраза текста уже стилистикой и обезличенностью своей вгоняла в скуку: «По информации, полученной от некогда приближенных к Турецкому лиц, у Михаила прогрессирует серьезное головокружение от коммерческих успехов...» Чуть натуральнее (но также пропитанное болезненной субъективностью) выглядело ретроспективное повествование в журнале «Атмосфера» бывшей жены солиста «Хора Турецкого» Игоря Зверева. «Сколько выпили — никто не помнит, где проснулись — да какая разница!», «Все перемешалось у новых хористов — жены, любовницы, одна родила, вторая на подходе...» И дальше, в аналогичном ключе, Алла Зверева, подчеркивающая, что никогда не ездила с группой на гастроли, не участвовала ни в одном мероприятии хора, повествует про внутреннюю конкуренцию в коллективе, поступки руководителя и прочее. «Это буйная фантазия обиженной женщины», — лаконично прокомментировал данную публикацию Турецкий в интервью глянцевого изданию «Караван историй». И пожалуй, закрыл тему.

«Да, бред сивой кобылы большая часть того, что сказано в той статье! — жестко констатирует Александров. — Там излагаются „подробности“, которые даже представить себе невозможно. И не знаю, в каком коллективе подобное происходило. Может, у тех, кто в одной подворотне росли. В общем, смешно».

«Мы с ребятами особо содержание этого интервью не обсуждали, — говорит Тулинов. — Просто решили, что это ерунда, происки врагов. Хотя Игорь, конечно, легкомысленно поступал, сливая информацию жене. Некоторые факты ей совсем не обязательно было знать, чтобы не обнародовать их затем в несколько искаженной форме. Вообще, контролировать все, что пишется и придумывается о „Хоре Турецкого“, невозможно. Сейчас же куча всяких „форумов“ в Интернете, социальных сетей. Никого за руку не поймаешь. Хотя однажды нам удалось это сделать, когда появилась совсем уж навязчивая угроза. Повадились в Сети некто „Павлик“ писать рассказы похабного содержания, особенно про Мишку Кузнецова. Показалось, что это уже переходит всякие границы. Кузнецов как-нибудь выйдет из подъезда, а его, грубо говоря, ножом пырнут. Всякие ж случаи бывают. Турецкий, правда, говорил: не обращайтесь внимания, плюньте на это бред! Но в рассказах Павлика звучали такие вещи, что на безобидный бред уже не очень смахивало. И я нанял за пару тысяч долларов людей (Турецкий об этом не знает, он запретил что-либо предпринимать), которые выяснили, что под ником Павлик скрывается девочка из Южно-Сахалинска, младшая сестра поклонницы Миши Кузнецова. Она себя мнила будущим психологом и на основании каких-то отрывков слышанных ею

разговоров делала свои странные умозаключения. Ну, объяснили ей, что больше так делать не надо. И опусы Павлика исчезли из Интернета. У меня, кстати, до сих пор эти рассказы лежат. Лет шесть назад это было».

«Пару раз, случалось, напивался в гостинице после концертов, — откровенничал Кульмис. — Утром едва не опаздывал на автобус, меня ребята будили. Турецкий автобусом не ездит и непосредственно этих моментов не видел. Но ему потом докладывали. Стукачков в нашей группе нет, но вот рядом с ней — вполне допускаю».

«На мой взгляд, у нас в группе все друг другу доверяют, — говорит Кузнецов. — По-другому нельзя. Недоверие разъедает рабочую атмосферу, как ржавчина. Если же кому-то что-то не нравится, мы в корректной форме можем высказать это тет-а-тет. Есть моменты, о которых мы и Мише говорить не станем. Сами разберемся. Он справедливо требует дисциплины, может применить жесткие санкции, если кто-то перед концертом не в форме, но следить ему за нами незачем. Мы охраняем наш общий бизнес и, грубо говоря, сами накажем „паршивую овцу“, если потребуется, поскольку в хоре все взаимосвязаны и плевать в общий источник никому не позволено. Знают ли участники хора о зарплатах своих коллег по коллективу? Догадываются. И уверяю, разница между гонорарами солистов составляет не 200–300 процентов. Обсуждаем ли в своем кругу Турецкого? Конечно, постоянно, как обсуждают любого начальника. Чтобы бы не происходило, главное — мы понимаем: все, чего сейчас достигли и что имеем — его заслуга. Значит, в целом он прав».

18 глава

И десять сопрано в придачу

Судя по хрестоматийным примерам в истории музыки, даже самые великие и успешные группы порой утрачивали сплоченность с появлением значимой женщины в их судьбе. Достаточно вспомнить одну лишь Йоко Оно и «Битлз». Для мужского еврейского камерного хора, чей создатель первые 12 лет истории коллектива прожил холостяком, такой фурией теоретически могла стать отнюдь не кроткая Лиана. Своенравная молодая девушка вдруг начала бы в зависимости от своих симпатий и настроений советовать своему супругу Михаилу, с кем в хоре быть строже, с кем помягче, от кого, возможно, вообще избавиться и т. п. К сожалению, вполне типичный сюжет. Но благо не для Турецкого. Во-первых, при его «диктаторской» натуре фраза типа: «Извини, старик, вынужден тебя уволить, ты не приглянулся моей жене» — абсурдна. Во-вторых, Лиана оказалась отнюдь не демонической особой для коллектива, а скорее подругой.

«Лично я сильных перемен в микроклимате хора с появлением Лианы не заметил, — утверждает Александров. — Она к нам хорошо относится. У нас нет таких людей, которые бы ей сильно не нравились».

«Для меня с самого начала было крайне важно выстроить доверительные отношения с нашими солистами, — рассказывает Лиана. — И сейчас я в каждом из них уверена. Я же езжу с ними в туры, общаюсь. По России сейчас, впрочем, с хором уже не летаю, но на зарубежные гастроли — всегда. При этом не претендую ни на какую должность, не хочу быть директором, менеджером. У меня совсем другая позиция. Я — жена Михаила Турецкого, и этим все сказано. Есть, конечно, директора, которые меня не любят, когда я начинаю вмешиваться в рабочий процесс. Но делаю это потому, что за Турецкого никто не будет болеть так, как я.

А с солистами хора я никогда не конфликтовала. И панибратства не допускала. Но общаемся мы на „ты“, хотя большинство из них старше меня. Помнится, когда я только приехала в Москву и никого здесь не знала, ни с кем еще не подружилась, Алекс Александров познакомил меня со своей девушкой. Мы часто ходили вместе в караоке.

Женька Кульмис всегда первый в моей телефонной книжке. Звоню ему по любым вопросам. Если, извиняюсь, нужно нижнее

белье женам ребят купить, могу с ними пойти в магазин — помочь. Мы все дружим. Не вспомню, чтобы кто-то из солистов посмотрел на меня косо или недоверчиво. Наоборот, они знают: если что-то рассказать Лиане или я сама узнаю нечто личное из их жизни, не факт, что эта информация дойдет до Турецкого.

Я не враг своему мужу, но друг нашим солистам. Когда что-то глобально неправильно, я Мише скажу — так и так, надо с этим бороться. Но если ребята где-то выпили, гульнули... Это ж, как мужу, не обязательно все рассказывать. Надо некоторые вещи фильтровать. Мне с нашими мальчиками жить, зачем делать так, чтобы они считали меня стервой? Я всегда буфер между ними и Турецким. Иногда они с репетиции мне звонят и просят, Лиана, ну придумай так, чтобы он уже ушел, домой хотим. Или Миша начинает кричать на них в гримерной, я прихожу и разряжаю обстановку, говорю, Миша нам пора идти. Вот совсем недавно накупила им в Европе костюмов. А перед этим ездила в Париж, и они попросили привезти им 20 белых или черных однородных сорочек. Привезла. Что тут такого? Мы живем фактически одной семьей. Я стараюсь следить за внешним видом хора, что-то советую Мише на эту тему. Например, ненавижу на мужчинах всякие кукольные, с пайетками, костюмы. Мужчина и на сцене должен выглядеть мужчиной»...

«„Золотым веком“ нашего хора можно назвать период с 2007-го по 2009-й годы», — считает Евгений Кульмис. И это верно, хотя сей интервал легко продлить до 2010-го, когда «Хор Турецкого» отправился в гигантский юбилейный тур «20 лет: 10 голосов» по ста городам России и зарубежья с тремя центральными ноябрьскими сольниками конечно же в Кремле, или отодвинуть к 2006-му, когда стартовало не менее объемное, полуторогодичное турне коллектива «Музыка всех времен и народов», на излете которого Турецкий сотоварищи презентовали свой первый, роскошно изданный двойной альбом «Великая музыка». Любопытно, что за него они получили премию российской музыкальной индустрии «Рекордъ-2007» в номинации «лучший классический альбом года». Видимо, по старой памяти. Альбом являлся образцовой жанровой компиляцией, сборником лучших кавер-версий хора, где было немало эстрадных, опереточных и мюзикловых треков, и от «чистой классики» был, конечно, далек. К чему, собственно, Турецкий и стремился, создавая свою арт-группу. «Я чего-то все ждал, когда у нас появятся время, деньги, мы поедem в Лондон или в Америку и запишем такой вот полноценный альбом, — сказал мне Турецкий перед презентацией „Великой музыки“. — Он должен был бы появиться года три-четыре назад. И тем не менее лучше поздно, чем

никогда».

В 2008-м у «Хора Турецкого» сформировалась еще одна концертная программа — «Аллилуйя любви», в разгар проката которой ребятам не хватило в столице и «четырех Кремлей», пришлось назначить дополнительный сольник в лужниковском Дворце спорта. Не выдержал подобного ритма или захотел чего-то иного только талантливый тенор Валентин Суходолец, на гребне успеха хора покинувший коллектив. «Валентин перестал справляться с нашим гастрольным графиком, — поясняет Александров. — К тому же параллельно искал себя в сольных проектах, часто отсутствовал, уезжал в Голландию. А свято место, как известно, пусто не бывает...»

Эффективность проекта Турецкого в тот момент, кажется, превосходила в нашей поп-индустрии все прочие явления. А Михаил продолжал гнать лошадей. В 2009 году он запустил на орбиту еще и женский вокальный отряд «Сопрано 10». Его музыкальный холдинг стал реальным шоу-предприятием, отвечающим на широкий спектр зрительских запросов и имеющим не маленький штат сотрудников.

«Меня не столько удивило, сколько заинтересовало рождение проекта „Сопрано 10“, — говорит Кульмис. — На уровне трепа эта идея давно муссировалась, но я думал, что вряд ли она реализуется. Во всяком случае, не так скоро. И вдруг увидел уже готовую группу, которая мне очень понравилась. И здесь Турецкий не ошибся».

«Кандидаток в женский проект прослушивал я, — поясняет Тулинов. — Зачем Мише тратить время на кастинг, в котором участвовали 250 классических певиц? Он подключился к процессу, когда я оставил двадцать из них».

«У меня никакой ревности по поводу создания „Сопрано 10“, конечно, не возникло, — улыбается Лиана. — И разумеется, в их отборе я не участвовала. Вышло бы смешно и глупо — жена явилась выбирать девочек для проекта мужа. Тем более я не музыкант. Хотя выросла в достаточно музыкальной среде. Брат мой окончил в Америке консерваторию и все мою юность дудел мне в ухо на тубе. А папа играл на любительском уровне, на свадьбах и прочих мероприятиях, и у нас дома даже имелась барабанная установка. Но это так, к слову. Что касается „Сопрано“, когда осталось двадцать претенденток, Миша сам мне предложил: не хочешь ли съездить в наше здание на проспекте Мира, там сейчас девчонки репетируют. Взгляни на них, как бы между прочим, скажешь мне свое мнение. Я поехала вместе с дочкой, чтобы мой визит не вызывал никаких подозрений. Посмотрела на солисток, рассказала Турецкому, какая нравится,

какая нет. Насколько ему пригодились мои оценки — не знаю. Но вот когда одна, самая красивая девушка из группы ушла, я очень сожалела. И никаких подозрений в том, что мне как раз на руку, чтобы эффектные солистки в коллективе не задерживались, высказывать не стоит. Во-первых, мы с Михаилом Борисовичем встретились не в юности, и нас стройными ногами и фигурами до безрассудства не удивишь и не увлечешь. Во-вторых, я человек практичный и понимаю: яркая женщина на сцене — всегда плюс для нашего проекта. Я, вообще, девчонок из „Сопрано“ обожаю. Недавно, например, летала во Францию и оттуда позвонила Мише, попросила, чтобы он „прислал“ мне пару солисток из группы — для компании...»

Ко второй половине «нулевых» Турецкий, похоже, приблизился к оптимуму в управлении собственным музыкальным холдингом, о чем грезит любой энергичный босс. Он решал «системообразующие» задачи, обеспечивал своим проектам престижность и высокий спрос, а повседневные вопросы: проведение репетиций, поиск и первоначальную подготовку репертуара, администрирование официального сайта хора, пиаровскую деятельность, управление офисом — делегировал своим «доверенным лицам», включая старшую дочь Наталью и проверенного многолетней дружбой однокашника Женю Тулинова.

«Я по характеру своему — организатор, влезающий во все вопросы, — рассказывает Евгений. — Даже собеседования с теми, кто устраивается к нам в офис, уже несколько лет провожу я. У нас с Турецким более-менее одинаковые взгляды на людей. Если человек мне не понравился, он и Турецкому, скорее всего, не понравится. С новыми солистами та же история. Сначала их прослушиваю я, поскольку являюсь все-таки вокалистом. Миша вокальную специфику понимает интуитивно и какие-то чисто технические огрехи, не всегда слышит. Не понравившейся мне певец с Турецким, вероятно, не встретится. Хотя тут ручаться не стану: при моем участии в хор пока приняли только Игоря Зверева и Борю Горячева. А Костя Кабо и без всяких просмотров стопроцентно нам подходил. Артист мюзикла, с движениями проблем нет, с актерской подачей тоже, и, главное, он похож на Кейша. И голос примерно такого же плана...»

«Миша и сейчас приходит на репетиции хора, но уже не часто, — замечает Александров. — Иногда это к лучшему. Если его знакомить с сырым материалом, он может неправильно его воспринять. В то же время Турецкий обладает „чуйкой“: по одному спетому нами фрагменту, он способен сразу определить: хороший выйдет номер или г... У вокалистов есть такая

присказка: важнейшие ноты — первая, последняя и самая высокая. Желательно Турецкому такие фазы композиции и показывать. Его присутствие на репетиции полезно тем, что работа не повернет в иное русло. Мы все имеем, как правило, разные мнения на счет той или другой композиции, но последнее слово — за Турецким. Поэтому порой я прошу его прийти на репетицию и послушать спорный номер, чтобы не заниматься бессмысленным трудом. А то можно делать, делать какую-то тему, а потом она окажется ненужной, и будет жаль потраченного времени. Нам все-таки уже не по 20 лет и хочется достигать какого-то реального результата от проделанной работы».

Любопытно, что в последние годы несколько раз случалось так, что Михаил пропускал не только репетиции своего коллектива, но и его выступления. Возникало предположение: не планирует ли маэстро постепенно вообще уйти со сцены, оставив за собой исключительно функции шефа и стратега проекта? И без него ведь коллектив, наверное, споет...

«Однажды сложилось так, что Турецкий поехал на гастроли с „Сопрано 10“, а я — на концерт нашего хора, — вспоминает Лиана. — И вот смотрю, ребята поют, танцуют, вроде делают все, как обычно, но без Миши 50 процентов эффекта и энергетики шоу теряется».

«Теоретически без Турецкого на сцене обойтись можно, — размышляет Тулинов. — Но к чему заморачиваться, если он есть? Его конферанс связывает всю эклектику наших программ. Или вот попадались люди, заявлявшие: „Ты, Миша — не певец“. А я абсолютно с этим не согласен. Турецкий обладает в хорошем смысле слова специфическим „вокальным уродством“. И это только добавляет красочности его исполнению. Проведу аналогии с Высоцким, Лепсом, Пресняковым-младшим... Миша поет те вещи, которые никто из нас интересно спеть не сможет, и предстает сразу в трех ипостасях: ведущий, дирижер, исполнитель. Мы пробовали выступать без него, кто-то из солистов старался повторять его реплики, но получалось не совсем то, что надо. Хор в паузах между песнями расслаблялся, терялся. Действо „провисало“. Да и что греха таить, без Турецкого наш концерт стоит вдвое дешевле...»

Дерзновенному «гнесинцу», на перепутье своей судьбы, после жесточайшей личной трагедии, в 27-летнем возрасте вставшему у руля экспериментального, безвестного синагогального хора, сегодня 50. Он народный артист России, только что награжденный орденом Почета «За большой вклад в развитие отечественного музыкального искусства и многолетнюю творческую деятельность». Его портреты на обложках популярных журналов и афишах, которыми оклеена вся весенняя Москва-2012, ожидающая три апрельских сольника «Хора Турецкого» в Кремле, посвященных юбилею маэстро. У Михаила более чем обеспеченный быт, красивая жена, надежные музыканты, «квартет» дочерей. Он доволен собой, подтянут, полон прежнего азарта и утверждает, что ощущает себя минимум на десятилетие моложе своего реального возраста.

Двадцать лет назад его знали коллеги по институту, «отцы» благотворительной организации «Джойнт» и завсегдатаи синагоги «на Горке» в Китай-городе. Турецкий «шабашил» в нескольких местах и все равно оставался весьма скромным гражданином. Теперь он знаменит на всю страну, а в газетах о нем пишут, как об одном из «богатейших российских музыкантов».

Слава, деньги, влияние, власть — искусства, запросто корежащие душу и характер любого человека. Крепкий Турок совладал с их прессингом все же вполне достойно. Чтобы ни говорили сейчас какие-то его оппоненты, бывшие компаньоны, сотрудники или люди из поп-тусовки. Ему ничего не упало «на халяву». А сам Турецкий фактически стал живой иллюстрацией знаменитой притчи о «колумбовом яйце». Напомню ее содержание.

Колумб, обедая у кардинала Мендосы, рассказывал о том, как открывал Америку, и один из присутствующих сказал: «Что может быть проще, чем открыть новую землю?» В ответ на это Колумб предложил ему простую задачу: как поставить яйцо на стол вертикально? Когда ни один из присутствующих не смог этого сделать, Колумб, взяв яйцо, разбил его с одного конца и поставил на стол, показав, что это действительно было просто. Увидев это, все запротестовали, сказав, что так смогли бы и они. На что Колумб ответил: «Разница в том, Господа, что вы могли бы это сделать, а я сделал это на самом деле». На каждый завистливо-ёрнический выпад в свою сторону создатель «Хора Турецкого»

может ныне отвечать пересказом вышеизложенной истории.

«У меня нет культа денег, — заявляет (допуская, что для кого-то сие неожиданно) Михаил. — Есть разумное осознание их значения, понимание того, что мужчина должен брать на себя ответственность за своих близких. Такой принцип исповедовал мой отец, не раз говоривший: „Я дачу не строил, машину себе не покупал, но сделал так, чтобы у вас, в разумных пределах, было все. Я никогда не одалживал денег. Наоборот, у меня просили“. Даже в 1990-х, когда у всех экс-советских людей возникло повальное желание разбогатеть, я не стремился к тому же всеми силами. Не верю в то, что увеличение капитала на порядок автоматически приносит счастье. Все равно у тебя одно тело, те же 24 часа в сутках, одна жизнь. Хотя зарабатывать мне хотелось с юных лет. И я максимально старался, потому что чувствовал: надо защищаться, построить какой-то фундамент, что никто не поможет, а стареющие родители сами уже становятся моими „детьми“, которых мне нужно поддерживать. В свои 95 — папа меня спрашивал: „Твои артисты довольны, как ты им платишь? — И не дожидаясь ответа, добавлял: — Запомни — три рубля заработал, два — отдай. Будешь долго жить“.»

«Изменился ли Миша со студенческих времен? Ну, конечно! — восклицает Кузнецов. — Тогда мы с ним на беговых лыжах катались, а сейчас его с горных не снять. А если серьезно: он за эти годы ощутимо поднялся по социальной лестнице. И сейчас, наверное, находится в верхнем слое среднего класса. Это своего рода связующее звено с „высшей кастой“. Он грамотно общается с влиятельными людьми, и они его уважают и ценят».

«Вот, говорят, Турецкий — богатый. Я бы его таковым не назвал, — размышляет Тулинов. — Он, конечно, „поднялся“ в середине „нулевых“, но мог быть гораздо богаче, если бы с нами держался пожестче, поскупее. А он нам адекватно платит. Обижаться не приходится. Столько людей в коллективе, а он без спонсоров, без дополнительных вливаний, имея еще и собственную большую семью, добывает для всех нас достаточно средств. При этом обеспечивает и определенный внешний лоск своей жизни. Ему, может, и не нужна машина представительского класса, но по статусу он должен ездить именно на такой. Уверен, и в квартире Миша преспокойно бы жил, но по правилам игры ему нужен солидный дом».

«Как бывший администратором нашего хора замечу, что в плане бытового райдера Турецкий не придиричив, — сообщает Кульмис. — У него нет каких-то безумных, царских запросов. Хотя я считаю, что лидеру коллектива по статусу положен и бизнес-класс в самолете, и люксовый номер в отеле. Но Миша, если надо,

может полететь и „экономом“, что лично мне не нравится. Единственное его обязательное условие, наличие в гостинице не перьевой подушки, поскольку у него она вызывает аллергию...»

Основные характеристики Турецкого, закрепленные в восприятии публики различными медиа-ресурсами и им самим: энергичный, спортивный, деловой, дисциплинированный. Все это и впрямь «имеет место быть», однако хормейстера помнят и другим.

«Миша очень даже может „зажечь“, — воодушевленно констатирует Алекс Александров. — В начале 1990-х, например, мы с ним вместе не раз бодро отдыхали в крымском Новом Свете, в Турции. Играли в бильярд, ходили на дискотеки... Позднее Турецкий часто приезжал ко мне на дачу, где мы, с компанией близких друзей, жарили шашлыки, пели под гитару, вспоминали „хоровушку“. Там он расслаблялся, забывал о работе и становился... а-ля мы, то есть обычным парнем».

«Наши деловые отношения с Мишей — одна из самых красивых и светлых страниц моей жизни, — с ностальгией повествует Владимир Плисс. — Он помогал мне, я — ему. И веселились мы тогда вместе. Даже с моим опытом двух учебных заведений, где на четырех парней приходилось 25 девушек, мне было, чему у Мишки поучиться. Все, что положено настоящему творческому человеку у нас происходило. Потом, после его ухода, конечно, некоторая обида возникла. Я чувствовал разочарование, элементы неблагодарности с его стороны. Наверное, и у него была какая-то обида на меня. Но сейчас, когда все это успокоилось, я очень благодарен судьбе за то, что мне довелось в то время встретиться с Мишей, с ребятами, которых он привел».

Наиболее тонкие изменения в мыслях и чувствах maestro заметны, конечно, его жене. Говорить с ней на эту тему можно часами. «Недавно Миша пересматривал наши старые видеозаписи, где он ведет концерт с Сариной, и у него потекла слеза, — рассказывает Лиана. — Он стал с годами более сентиментальным и к людям теперь относится мягче. Вчера вечером хор улетал на длительные гастроли за Урал, а Миша сказал, что полетит следующим утром, чтобы побольше времени провести с семьей.

Когда-то ему нравился тезис „можешь не жениться — не женись“. Так говорят, когда не верят, что можно найти жену, которая тебя полюбит, станет твоим другом, не уйдет через год после свадьбы. Турецкий после нашей встречи на многое посмотрел иначе и в корне поменял даже свое отношение к детям. Вначале он говорил: „Я детей не люблю, мы их больше „заводить“ не будем. У нас есть Наташа, Сарина — хватит“. И

прошло достаточно много времени, прежде чем я родила. Причем это был исключительно мой бзик. Миша, когда я забеременела, счастьем не блистал. Но я заявила: „Знаешь, дорогой, женщины рожают детей не для мужчины, а для себя“.

Потом у него появилась мысль, разу уж я беременна, черт со мной, но тогда должен родиться мальчик, поскольку, как Турецкий выразился в прессе, ему нужен „держатель его сберегательных книжек“. До шестого месяца беременности мы упорно ходили на УЗИ, высматривали мальчика. Родилась девочка, Эммочка. И сейчас она для Миши — все. Как говорит Наташа: у папы четверо детей, а такое впечатление, словно у него одна Эммочка. Когда же я сказала ему, что вновь беременна, он уже встретил это известие с радостью, и то, что опять появилась девочка, Беата, его ничуть не смутило. Сейчас Миша ходит за мной и говорит: хочу еще ребенка. Причем неважно, мальчика или девочку. Иногда человеку нужно наглядно показать, чего он был лишен, чтобы он осознал, как ему это нужно. Сегодня Миша уже не может и не хочет жить без детей, без жены. А что касается „сберегательных книжек“, он семье доверяет и готов отдать все.

Турецкий никогда, ни в чем не ставил мне преград. Я могу делать то, что хочу. При этом он всегда знает, что я не переборщу. Мы уверены друг в друге. Самое ужасное, мне кажется, выходя замуж, составлять брачный контракт. Это выглядит подспудной подготовкой к разводу. У нас подобного и в мыслях быть не могло. Я вышла замуж за человека, который, даже если что-то не сладится между нами, до конца своих дней будет поддерживать меня и своих детей. И для этого не надо записывать наш подмосковный дом на мое имя или определять мою долю прибыли в семейном музыкальном бизнесе.

И еще я часто думаю, что нашим дочерям придется весьма непросто в жизни. Авторитет Миши для них огромен. Сарина, например, сейчас в школе делает проект „про папу“. Для Наташи отец вообще весь ее мир. А ведь девочки зачастую ищут свою любовь, „вторую половину“, по образу и подобию отца. К сожалению, среди нашей молодежи сегодня столь мотивированных и цельных мужчин, как Турецкий, мало».

20 глава

На ближайшую пятилетку песни уже подобраны

«Три дня в Кремлевском дворце отмечали 20-летие „Хора Турецкого“. Такого обилия VIP-персон даже здесь не видели давно: казалось, на концертах хора собралась вся политическая и экономическая элита — от руководителя администрации президента РФ Сергея Нарышкина и первого вице-мэра Москвы Людмилы Швецовой до главы госкорпорации „Ростехнологии“ Сергея Чемезова и алюминиевого короля Анатолия Быкова. Свои поздравления в адрес коллектива направил президент России Дмитрий Медведев, который отметил, что хор Турецкого „собрал талантливых и преданных искусству людей“. Медведев пожелал коллективу благополучия, вдохновения и новых успехов. Также музыкантов поздравили: председатель Совета Федерации Сергей Миронов, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и многие другие официальные лица». Это цитата из светской хроники 2010-го. Не сомневаюсь, что подобные тексты (плюс-минус какие-то имена) появятся и после такой же юбилейной кремлевской концертной «трехдневки» хора в 2012-м, по случаю «полтинника» своего создателя.

Михаил Борисович теперь «номенклатура» и гордость нашей эстрады. Засвидетельствовать ему свое почтение в торжественный час — почти «протокольный» жест для многих влиятельных особ.

«Мне хотелось бы в будущем видеть Турецкого министром культуры, — признается Кульмис. — Хотя он пока об этом, кажется, не задумывается. А вот его творческая мини-империя, с детской музыкальной школой мюзикла, о которой он столько говорит, продюсерским центром, студией — должна сформироваться обязательно.

„Миша сказал мне, что у него есть возможность заняться изданием аудиоколлекции литургического наследия, — сообщает Тулинов. — Но это, конечно, требует денег. Прежде чем ехать на Запад, записывать материал, все аранжировки надо подготовить здесь. Чтобы там, в студии, не стоять у микрофонов в раздумьях, как петь ту и иную вещь, а сразу активно записываться.

И сейчас я делаю аранжировки всего, „что шевелится“. У нас в загашнике уже 128 готовых, но еще не спетых вещей.

Приблизительно 200 тысяч долларов „закопано“. Аранжировка каждой песни стоит где-то две тысячи долларов, и мы за все расплатились. То есть у нас уйма неиспользованного материала. Это наши перспективы. По-хорошему, у нынешнего состава хора есть еще лет пять большой активности. А дальше мы по возрасту и внешнему виду вряд ли будем соответствовать нашим сценическим задачам...“

„Хор Турецкого“ создал на российской эстраде целую нишу, заполнить которую у других не очень получается, — считает Лиана. — Этот проект будет существовать долго. Просто, когда некоторые его участники выйдут на „пенсию“, мы подберем тем, кто остался в коллективе, молодое пополнение. Закончившие же концертную деятельность солисты наверняка станут вести какие-то проекты, мастер-классы в рамках „холдинга“ Турецкого. Миша чувствует моральные обязательства перед ребятами, прошедшими с ним долгий путь от синагоги до сегодняшних дней, и считает, что должен их поддерживать, обеспечивать хорошо оплачиваемой работой, даже когда они закончат петь».

«Когда говорят, что „Хор Турецкого“ стал таким известным, благодаря мне, это неправда, — считает Иосиф Кобзон. — Возможно психологически, духовно я помогал становлению коллектива, но всю работу, творческую и рутинную, проводил Михаил. Я не давал ему советов, как вести себя на эстраде, лишь изредка указывал на то, что мне не нравится.

Был момент, когда я выразил недовольство тем, что Турецкий убрал из своей афиши формулировку „еврейский камерный хор“, потому что арт-групп, хоровых коллективов, вокальных ансамблей достаточно, а еврейских хоров на нашей эстраде не было. Миша объяснял, что обозначение „еврейский камерный“ для поп-музыки не актуально. А для меня всегда имя, фамилия и национальность были актуальными. Ты должен гордиться своей нацией. Вот армяне почему-то никогда не отказываются от своего происхождения. А некоторые евреи у нас, в свое время (которое, слава богу, миновало), скрывали свои настоящие имена, заменяли их псевдонимами. Мне тоже предлагали так поступить, но я категорически отказался.

Поэтому был против, когда Миша сделал такой ход. Но в дальнейшем он услышал мои замечания, и хотя все-таки изменил название своего коллектива, репертуарно остался приверженцем еврейского творчества.

Ему сейчас стало тесно в рамках одного мужского хора, и он создал женскую группу. Это в его духе. Миша всегда стремится к творческому разнообразию. Важно, что оба его проекта не имеют аналогов в популярной музыке. Есть, конечно, разные квинтеты,

секстеты, октеты, но столь своеобразных и мощных по составу исполнителей коллективов я у нас не знаю.

Успех Турецкого основан на его любви к своему делу, к музыке. Он профессионал и по образованию, и теперь уже по накопленному опыту. Плюс, конечно, ему улыбнулась удача. Но она сопутствует тем, кто не успокаивается на достигнутом. Я встречал много талантливых личностей, которые не сумели в полной мере себя реализовать. Их, как правило, притормаживал первый успех, а Миша пошел дальше.

Турецкий прежде всего музыкант, но у него есть и талант менеджера. И это очень важный момент. Он сочетает в себе творческие и деловые способности, примерно так, как сочетал их Мстислав Ростропович, как получается у Владимира Спивакова.

Я бы и сегодня взял „Хор Турецкого“ в свое тур, он бы его только украсил. Но у группы собственный плотный график. Поэтому я пригласил их на свой юбилейный концерт в Кремле, а сам, конечно, приду в тот же зал на юбилей Михаила. Что ему подарить, придумаю накануне события. В принципе, главное, что я дарю ему уже многие годы, — свое доброе отношение. Пусть он остается столь же беспокойным, экзальтированным, „городским сумасшедшим“, в постоянном поиске нового репертуара и проектов. Миша очень активно живет и успевает при этом быть хорошим мужем и отцом. Это меня особенно радует...»

О том, что к 50-летию его чем-то наградят, Турецкий узнал месяца за два своей круглой даты, когда встретил одного знакомого чиновника, который приветствовал его возгласом: «Будущий орденосец — Михаил Турецкий!» Как уже упоминалось в предыдущей главе, вручили хормейстеру орден Почета от имени президента РФ Медведева. «Очень надеюсь, что к юбилею мне дадут и звание „почетного гражданина Москвы“, — без ложной скромности признается Михаил. Что ж, согласитесь, и это возможно. Хотя сейчас он уже житель привилегированного «заМКАДья».

«Мне когда-то удалось по сносной цене купить у своего приятеля пару квартир, которые потом в четыре раза подорожали, — вспоминает Турецкий. — Продав их, я приобрел участок в 24 сотки в том месте, где мы сейчас живем. Потом мне еще раз повезло. Соседний участок (два гектара) принадлежал человеку, который в основном находится в Швейцарии. Он оказался моим поклонником и отдал мне свою землю, скажем так, за полцены. Кроме того, я продал большую квартиру, где мы жили с Лианой с 2003 года. Вот после таких манипуляций мы построили наш теперешний дом. Двери и стекла в нем помогал ставить мой двоюродный брат, занимающийся соответствующим

бизнесом. Камень для стен дали ростовские знакомые и т. д.».

Детали своего «жилищного вопроса» Михаил излагает с той же обстоятельностью, что и музыкальные замыслы. Впрочем, о профессии он рассуждает экспрессивнее. «Не знаю, с каким исполнителем нам было бы сейчас интересно поработать, — заявляет Турецкий. — Возможно, как Крейг Дэвид, не все у нас в хоре споют. Мы могли бы с ним сделать номер. Или войти каким-то образом в шоу Мадонны. Но вообще, я порой слушаю, что делают, например, наши девушки из „Сопрано 10“ и думаю, что если посадить в лондонской студии с завязанными глазами любого музыкального критика, он не отличит Мадонну, Бейонсе или Агилеру от моей певицы».

Ладно, «девушки потом». Есть вариант любопытнее и реалистичнее. Турецкий недавно «набрел», можно сказать, на своего европейского собрата — нидерландского скрипача и дирижера с консерваторским прошлым Андре Рьё. Высоколобые эксперты и поборники чистой классики утверждают, что от игры Рьё «Страдивари переворачивается в гробу», а 62-летний длинноволосый музыкант, как и «Хор Турецкого» адаптирующий академическую музыку для эстрады, собирает стадионы восторженных поклонников. «Я мечтаю с ним законтачить, — говорит Михаил, — он может вывести мои проекты на европейскую „поляну“ любителей жанра crossover. Возможно, у нас получится войти в его шоу со своим материалом».

В завершении одного из разговоров с Турецким я поинтересовался, изменилось ли для него что-то, когда из заслуженного артиста России он превратился в народного? Михаил чуть призадумался и выдал тираду, в каждой строчке которой есть вечные еврейские мотивы иронии и несокрушимого достоинства: «Перед своим 50-летием пришлось „делить“ Кремль с Киркоровым. Я заранее арендовал зал на нужные мне даты, а тут Филипп захотел их забрать под свои концерты. И у него в голове поначалу не укладывалось, как это ему могут отказать? Он же король поп-музыки! А я — „какой-то хор“. Но я, как и он, „народный артист“, и это нас уравнивает. Я ответил, будь это рядовые концерты, я бы уступил. Но у меня все-таки юбилей. И мне не хочется „отдать жену дяде, а самому идти к б...и“. Я, как Дон Корлеоне, отвечаю за всю свою семью, за „мафию“. И не хочу их подставить. Так что, прости, Филипп, ты — народный. Но и я тоже — народный. Поэтому, коллега, встаньте в очередь...»

Иллюстрации

Взгляд будущего босса

На руках у мамы

На руках у отца

Родители Миши в далекие 60-е

Флирт удавался Мише с рождения

Все будет хорошо!

Миша с детства на коне

В Гнесинке с профессором Семенюком

Конец 80-х. В начале славных дел

С Леной среди однокурсников

Первое бракосочетание

Первая дочка — Наташа Турецкая с мамой

90-е. По ту сторону Атлантики

90-е. В синагоге

1991-й. Еврейский хор в Лондоне

1994-й. На фоне Чикаго

1999-й. До поворота к эстраде

1999-й. Молитвенный миг

Один из первых составов хора

5-летие хора.
Триумф в Московской консерватории

Прогулка с солистами по Москве

На одной из репетиций

С солистом Хора Алексом Александровым
в Австралии

С Хором в Москве

Берлин. 2003

На очередном выступлении

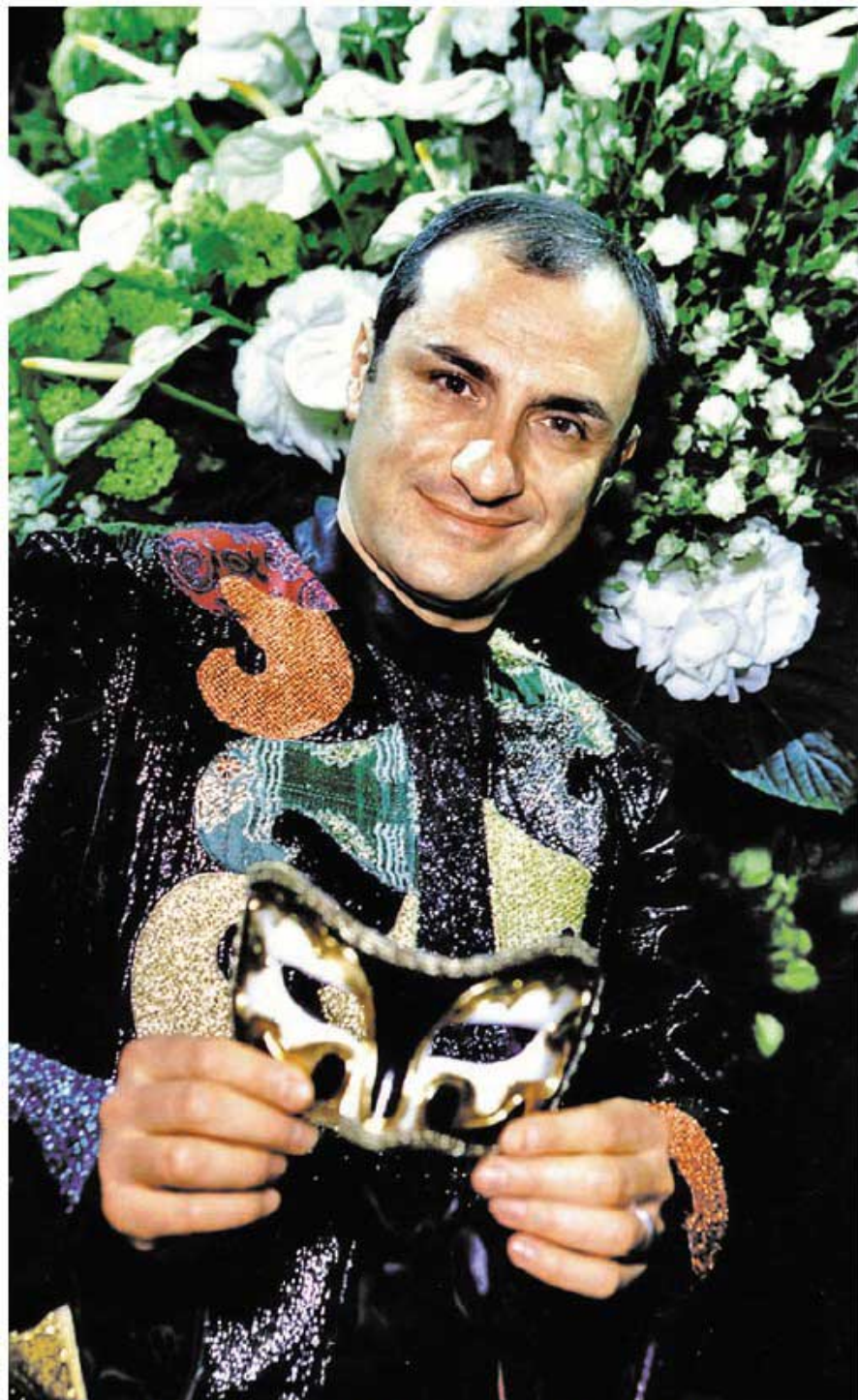
Хор в Иерусалиме

Хор Турецкого с Мартой Клионер

Первый инструмент маэстро — флейта пикколо

На Венецианском карнавале. 2004

«Банда» Турецкого в Атлантик-Сити

Персональный поезд для хора от РЖД

Хормейстер у трапа именного самолета

Рожденные петь и летать.
Юбилейный тур 2005 года

С Александром Розенбаумом

Пьер Карден был впечатлен
Еврейским хором еще в 90-х

Два маэстро. С Юрием Башметом

С Хулио Иглесиасом

С Иосифом Кобзоном,
концертный тур по Волге

С Иосифом Кобзоном, на репетиции

Ради Кобзона Михаил готов идти на уступки

С Александром Буйновым

С Андрисом и Илзе Лиєпа

С Тamarой Гвердцители

С Глорией Гейнор

С другом, адвокатом Михаилом Барщевским

С Борисом Красновым

Две классических звезды поп-музыки.
С Николаем Басковым

С Геннадием Хазановым

С отцом и своими любимыми девочками

Карьеры певицы Турецкий дочери не желал.
Дуэт с Наташей

Старшая дочь Наталья
теперь сотрудник папиного «холдинга»

Борис Борисович и Бэла Семеновна

С тещей

С мамой

С отцом

Они доверяют друг другу

Во время зарубежных поездок хора
Лиана всегда с мужем

Турецкие в своем доме

Младшие дочери — Беата и Эммануэль

Юбилей Лианы

Лыжному спорту маэстро верен с юности

Я в ответе за свою «мафию»

В кругу поклонников

Всегда с аншлагом

Михаил всегда полон энергии

Большой босс

20-летие хора в Кремле

Хор — «Бурлаки на Волге» в фотопроекте
Екатерины Рождественской

Сопрано 10

©Марголис М., 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012